Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

А. С. Пушкинъ.

Портретъ масляными красками В. А. Тропинина.

Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ второй.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями,

подъ редакціей

П. О. Морозова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій 50.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ второй.

Мелкія стихотворенія 1825—1836.
Пѣсни западныхъ славянъ. — Сказки.
Народныя пѣсни.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.
1903.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе.

1825.

		Стр.
I.	Андрей Шенье въ темницѣ	1, 349*)
II.	Пріятелямъ. . .	7, 353
III.	Къ именинницѣ	7, 354
IV.	Если жизнь тебя обманетъ .	8, 354
V.	Сожженное письмо.	8, 355
VI.	Вакхическая пѣсня	9, 356
VII.	Вертоградъ моей сестры . . .	9, 357
VIII.	Сафо	10, 357
IX.	Козлову	10, 357
X.	Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ	11, 359
XI.	Живъ курилка	11, 359
XII.	Ода гр. Хвостову	11, 360
XIII.	Ex ungue leonem	13, 360
XIV.	П. А. Осиповой	14, 361
XV.	Желаніе славы	14, 361
XVI.	А. П. Кернъ. .	15, 362
XVII.	А. Г. Родзянкѣ	16, 366
XVIII.	Прозаикъ и поэтъ	17, 367
XIX.	Движеніе. . . .	17, 368
XX.	Соловей и кукушка	18, 368
XXI.	Совѣтъ. . . .	18, 369
XXII.	Послѣдніе цвѣты. . . .	18, 369
XXIII.	19 октября .	18, 369
XXIV.	Изъ Шенье.	23, 378
XXV.	Зимній вечеръ	24, 378
XXVI.	Н. Н., при посылкѣ Невскаго Альманаха .	25, 382
XXVII.	Баратынскому	25, 383
XXVIII.	Буря	25, 384
XXIX.	Н. С. Мордвинову . . .	26, 384
XXX.	Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ	27, 386
XXXI.	Только что на проталинахъ	29, 387
XXXII.	Стрекотунья бѣлобока . .	29, 387
XXXIII.	Лишь розы увядаютъ. .	30, 387
XXXIV.	Пока супругъ тебя.	30, 388
XXXV.	Изъ Аріосто.	30, 388
XXXVI.	Съ португальскаго. .	34, 389
XXXVII.	Дѣвственница	36, 389

*) Первая цифра относится къ *тексту*, вторая — къ *примѣчаніямъ*.

Стр.

XXXVIII. Черновые наброски:
Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны 37, 390
Любимецъ моды легкокрылой. 37, 390
Шумитъ кустарникъ . . . 38, 390
Сосѣдство ваше намъ опасно . . 38, 390
Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ. . . . 391

1826.

I. Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ 39, 391
II. Подъ небомъ голубымъ 39, 391
III. Пророкъ 40, 393
IV. Е. А. Тимашевой 41, 396
V. Къ *** 41, 397
VI. Зимняя дорога . 42, 398
VII. Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому . . . 43, 398
VIII. И. И. Пущину . 43, 399
IX. Стансы: Въ надеждѣ славы и добра 43, 401
X. Князю П. П. Вяземскому 44, 402
XI. Черновые наброски:
О ты, который сочеталъ 44, 402
Все въ жертву памяти твоей . 45, 402

Стр.

1827.

I. Ангелъ 46, 403
II. Талисманъ . . . 46, 403
III. Соловей 47, 406
IV. Посланіе въ Сибирь 48, 406
V. Есть роза дивная. 48, 407
VI. Е. Н. Ушаковой 49, 407
VII. Изъ ея же альбома 49, 407
VIII. Кн. Волконской 50, 408
IX. Графинѣ Кочубей. 50, 410
X. Княжнѣ Урусовой 51, 410
XI. На А. Н. Муравьева 51, 411
XII. Кн. Мещерской 51, 412
XIII. Аріонъ 51, 412
XIV. Три ключа . . . 52, 414
XV. Черепъ 52, 415
XVI. Поэтъ. 57, 416
XVII. Къ Языкову . . 58, 417
XVIII. Близь мѣсть, гдѣ царствуетъ. 58, 418
XIX. 19 октября. . . 59, 420
XX. Золото и булатъ 59, 420
XXI. Эпитафія кн. Волконскому . 59, 420
XXII. Монологъ Изабеллы 60, 421
XXIII. Плетневу 60, 422
XXIV. Черновые наброски:
Кто знаетъ край 61, 423
Къ нянѣ . . . 63, 424
Земли достигнувъ наконецъ 63, 424

Стр.

Толпа холодная 64, 424
Блаженъ въ златомъ кругу 64, 425
Кормомъ, стойлами, надзоромъ . . 64, 425
Въ рощахъ карійскихъ . . . 65, 425

1828.

I. Друзьямъ . . . 66, 425
II. Великопольскому 67, 426
III. Городъ пышный 68, 429
IV. Ея глаза 69, 429
V. Каковъ я прежде былъ 69, 431
VI. Портретъ . . . 70, 431
VII. Не пой, красавица 70, 432
VIII. Блаженъ, кто избранъ своенравно 71, 432
IX. Наперсникъ . . 71, 432
X. Цвѣтокъ 71, 432
XI. To Dawe Esqr . 72, 433
XII. Увы, языкъ любви 72, 433
VIII. Воспоминаніе . 73, 433
XIV. Ты и вы 74, 434
XV. 26 мая 74, 435
XVI. Предчувствіе . 75, 437
XVII. Шотландская пѣсня 76, 437
XVIII. Н. Д. Киселеву 76, 438
XIX. Е. В. Вельяшевой 77, 438
XX. Эгельстрому . . 77, 438
XXI. А. Н. Вульфъ. 78, 439
XXII. Анчаръ 79, 439

Стр.

XXIII. Отвѣтъ Катенину 80, 441
XXIV. Утопленникъ. 81, 443
XXV. Опричникъ . 83, 443
XXVI. Чернь 85, 443
XXVII. Конрадъ Валленродъ . . . 87, 446
XXVIII. Сленину . . . 88, 447
XXIX. Филимонову . 89, 447
XXX. Подражаніе Анакреону . 89, 448
XXXI. 19 октября . 90, 448
XXXII. Готовцовой . 90, 451
XXXIII. Любопытный. 91, 452
XXXIV. Собраніе насѣкомыхъ . . 91, 452
XXXV. Невѣдомскій поэтъ 91, 454
XXXVI. Черновые наброски:
Риѳма, звучная подруга 92, 454
Въ степяхъ зеленыхъ Буджака 93, 455
Волненьемъ жизни утомленный . . . 94, 455
Брадатый староста Авдѣй 94, 456
Сегодня грустно за столомъ 94, 456
Лещинскій околѣлъ . . . 456
Въ альбомъ А. П. Кернъ . . 457

1829.

I. Примѣты 96, 458
II. Въ альбомъ 96, 458
III. Я васъ любилъ . . 97, 458

	Стр.
IV. А. П. Кернъ	97, 458
V. Ел. Н. Ушаковой	98, 459
VI. Отрывокъ: На холмахъ Грузіи . . .	99, 460
VII. Калмычкѣ . .	99, 461
VIII. Изъ Гафиза.	100, 462
IX. Донъ	100, 463
X. Делибашъ . .	101, 463
XI. Монастырь на Казбекѣ	102, 464
XII. Кавказъ . . .	102, 464
XIII. Дорожныя жалобы . . .	102, 464
XIV. Обвалъ . . .	104, 466
XV. Олеговъ щитъ	105, 466
XVI. Зима	106, 467
XVII. Зимнее утро	107, 467
XVIII. Воспоминаніе въ Ц. Селѣ	108, 468
XIX. Элегическій отрывокъ .	109, 468
XX. Стансы: Брожу ли я . .	110, 469
XXI. Загадка . . .	111, 470
XXII. Эпиграммы на Каченовскаго	112, 471
XXIII. Эпиграммы на Надеждина	113, 474
XXIV. Передъ бюстомъ	115, 476
XXV. Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ	115, 477
XXVI. Поэтъ-игрокъ . . .	115, 477
XXVII. Черновые наброски: Зорю бьютъ	116, 478
Былъ и я среди донцовъ	116, 478
Критонъ . .	116, 478
Зачѣмъ, Елена . . .	117, 478
Во время оное	117, 478
Страшно и скучно. . .	117, 479
Гимнъ пенатамъ	118, 479
И чувствую, душа. . . .	119, 479
Полюби меня	119, 479
То было вскорѣ послѣ боя . .	480
Быть въ сраженіи похвально . .	480
Хотѣлъ я душу освѣжить	480

1830.

I. Отвѣтъ Е. Н. Ушаковой . . .	120, 481
II. Циклонъ	120, 481
III. Стансы: Въ часы забавъ . .	121, 481
IV. На Булгарина .	122, 482
V. Новоселье . . .	122, 485
VI. Къ вельможѣ .	123, 486
VII. Поэту	126, 491
VIII. Мадонна	127, 492
IX. Сонетъ	127, 493
X. Цыганы	128, 495
XI. Отвѣтъ анониму	128, 495
XII. Бѣсы	129, 497
XIII. Безумныхъ лѣтъ	131, 497

		Стр.
XIV.	Герой	132, 497
XV.	Шалость . .	134, 501
XVI.	Осень	138, 501
XVII.	Разставаніе .	139, 503
XVIII.	Пажъ	139, 503
XIX.	Изъ записки къ пріятелю	140, 504
XX.	Моя родословная. . .	141, 504
XXI.	Стамбулъ гяуры нынче славятъ . . .	143, 511
XXII.	Заклинаніе .	145, 512
XXIII.	Во время безсонницы	146, 512
XXIV.	Въ началѣ жизни . . .	146, 512
XXV.	Пью за здравіе Мери. .	148, 513
XXVI.	Я здѣсь, Инезилья .	149, 514
XXVII.	Предъ испанкой благородной. .	149, 514
XXVIII.	На переводъ Иліады . . .	150, 514
XXIX.	Для береговъ отчизны дальной	150, 514
XXX.	Царскосельская статуя	151, 515
XXXI.	Отрокъ . . .	151, 515
XXXII.	Риѳма	151, 515
XXXIII.	Трудъ	152, 515
XXXIV.	Черновые наброски:	
	Какъ быстро въ полѣ	152, 515
	О муза пламенной сатиры	152, 516
	Медокъ . . .	153, 516
	Дельвигу . .	154, 517
	Опять увѣнчаны мы славой	517
	Женитьба .	517

1831.

I.	Красавица	155, 518
II.	Эхо	155, 520
III.	Къ тѣни полководца	155, 520
IV.	Клеветникамъ Россіи	157, 521
V.	Бородинская годовщина	158, 523
VI.	19 октября . . ,	161, 526
VII.	Когда въ объятія мои.	163, 527

1832.

I.	Нѣтъ, я не дорожу	164, 529
II.	Въ альбомъ А. О. Россетти . .	164, 529
III.	Начало повѣсти	165, 530
VI.	Альфонсъ . . .	166, 530
V.	И далѣ мы пошли	167, 531
VI.	Въ альбомъ . .	169, 532
VII.	Княжнѣ Абамелекъ	169, 532
VIII.	Въ альбомъ . .	169, 532
IX.	Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я . .	170, 532

1833.

I.	Подражаніе древнимъ	171, 533
II.	Олениной	172, 534
III.	Гусаръ	172, 535
VI.	Сватъ Иванъ . .	176, 535
V.	Воевода.	177, 536

	Стр.
VI. Будрысъ и его сыновья	180, 536
VII. Не дай мнѣ Богъ	181, 537
VIII. Родригъ	183, 537
IX. Экспромптъ . .	187, 539
X. Черновые наброски: Французскихъ риѳмачей . . .	187, 540
Цѣнитель умственныхъ твореній . . .	188, 540
Напрасно я бѣгу	189, 541
Въ полѣ чистомъ серебрится	189, 541
Если ѣхать вамъ случится	189, 541
Колокольчики звенятъ	190, 542

1834.

I. Странникъ	191, 542
II. Мицкевичъ	193, 543
III. Къ Н**.	194, 544

1835.

I. Изъ Анакреона	195, 547
II. Богъ веселый винограда . . .	196, 548
III. Отъ меня вечоръ Леила . .	196, 549
IV. Мальчику . . .	197, 549
V. Изъ Горація . .	197, 549
VI. Юноша, скромно пируй . . .	198, 550
VII. Юношу, горько рыдая . . .	198, 550
VIII. Не розу пафосскую	199, 550
IX. Подражаніе арабскому . . .	199, 550
X. Полководецъ .	199, 550
XI. Туча	201, 555
XII. Пиръ Петра Великаго	202, 556
XIII. На выздоровленіе Лукулла	203, 556
XIV. Я думалъ, сердце позабыло	205, 558
XV. Вновь я посѣтилъ	205, 558
XVI. Юдиѳь	208, 561
XVII. Эпиграмма на кн. Дондукова	209, 561

1836.

I. Давыдову	210, 563
II. Художнику . . .	210, 563
III. Когда великое свершалось торжество	211, 563
IV. Подражаніе итальянскому .	212, 563
V. Изъ Пиндемонте	212, 563
VI. Молитва	213, 564
VII. Когда за городомъ	213, 564
VIII. Я памятникъ себѣ	214, 564
IX. На статуи	215, 564
X. 19 октября . . .	216, 566
XI. Пора, мой другъ	218, 568
XII. О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла	218, 568
Пѣсни западныхъ славянъ	218, 570
1. Видѣніе короля	222, 573
2. Янко Марнавичъ	227, 574
3. Битва у Зеницы	227, 574

	Стр.
4. Ѳеодоръ и Елена	228, 574
5. Влахъ въ Венеціи	231, 575
6. Гайдукъ Хризичъ	232, 575
7. Похоронная пѣсня	234, 575
8. Марко Якубовичъ	235, 575
9. Бонапартъ и черногорцы	238, 575
10. Соловей	240, 575
11. О Георгіи Черномъ	240, 577
12. Воевода Милошъ	242, 577
13. Вурдалакъ	243, 577
14. Сестра и братья	243, 577
15. Янышъ-королевичъ	247, 578
16. Конь	250, 578
17. Отрывокъ	250, 578

	Стр.
Сказки	252, 580
1. Царь Никита	252, 582
2. Женихъ	253, 582
3. Начало сказки	259, 583
4. О царѣ Салтанѣ	261, 584
5. О попѣ и Балдѣ	289, 589
6. О рыбакѣ и рыбкѣ	295, 591
7. О мертвой царевнѣ	301, 591
8. О золотомъ пѣтушкѣ	316, 593
Пѣсни, записанныя Пушкинымъ	323, 593
Сказки, записанныя Пушкинымъ	334, 595
Пѣсни, переведенныя Пушкинымъ	340, 595
Примѣчанія	349—596
Дополнительныя примѣчанія къ I тому	596
Алфавитный указатель	599

Списокъ иллюстрацій.

Стр.

А. С. Пушкинъ. Подлинный портретъ масляными красками В. А. Тропинина I

Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

А. С. Пушкинъ и графъ Хвостовъ. Современный рисунокъ свинцовымъ и итальянскимъ карандашами, неизвѣстнаго автора 11

Даръ Гг. Челнщевыхъ Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Игра въ бабки. Статуя проф. Н. С. Пименова . . 215

Русскій музей Императора Александра III. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Игра въ свайку. Статуя проф. А. В. Логановскаго. 216

Русскій музей Императора Александра III. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

А. С. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Рисунокъ свинцовымъ карандашомъ съ натуры академика А. Н. Мокрицкаго 218

Собственность графа Д. И. Толстого, церемоніймейстера Д. Е. И. В. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“ Рисунокъ В. М. Васнецова 261

„Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ“.

Мелкія стихотворенія

1825—1836.

1825.

I.

Андрей Шенье въ темницѣ.

(Посвящено Н. Н. Раевскому).

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Межь тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно, безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи, въ дни страданій,
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, свободы, мира, [1]
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты. [2]

*

Подъялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.

Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ *).

Заутра казнь — привычный пиръ народу,
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу —
Не измѣнилась до конца! [3]

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
„Я славилъ твой небесный ликъ,
„Когда онъ искрою возникъ,
„Когда ты въ бурѣ восходило;
„Я славилъ твой священный громъ,
„Когда онъ разметалъ позорную твердыню
„И власти древнюю гордыню
„Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
„Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
„Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
„Великодушную присягу
„И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
„Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
„Все ниспровергли, увлекли,
„И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
„Перерожденіе земли.

„Уже сіялъ твой мудрый геній,
„Уже въ безсмертный пантеонъ
„Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
„Отъ пелены предубѣжденій
„Разоблачался ветхій тронъ;
„Оковы падали. Законъ,
„На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
„И мы воскликнули: „Блаженство!“ ...
„О горе! о безумный сонъ!

*) Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier).

„Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
„Единый властвуетъ топоръ.
„Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
„Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!..
„Но ты, священная свобода,
„Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:
„Въ порывахъ буйной слѣпоты,
„Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа —
„Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
„Завѣшенъ пеленой кровавой...
„Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —
„И вновь твои враги падутъ.
„Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
„Все ищетъ вновь упиться имъ;
„Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
„Онъ бредитъ, жаждою томимъ...
„Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
„Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
„И буря мрачная минетъ...

„Но я не узрю васъ, [4] дни славы, дни блаженства:
„Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
„Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
„Палачъ мою главу подыметъ за власы
„Надъ равнодушною толпою.
„Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
„Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
„Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ
„И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
„Но, други, если обо мнѣ
„Священно вамъ воспоминанье, —
„Исполните мое послѣднее желанье:
„Оплачьте, милые, мои жребій въ тишинѣ;
„Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
„Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы — преступленье:
„О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
„Еще жь одна мольба: вы слушали стократъ

„Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
„Разнообразныя, завѣтныя преданья
„Всей младости моей. Надежды и мечты,
„И слезы, и любовь, — друзья, сіи листы
„Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни *),
„Молю, найдите ихъ: невинной музы дани
„Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
„Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
„Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
„Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
„Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
„Храните рукопись, о други, для себя!
„Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
„Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрный
„И долго слушая, скажите: „Это онъ!
„Вотъ рѣчь его!“ А я, забывъ могильный сонъ,
„Взойду невидимо и сяду между вами,
„И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
„Упьюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
„Любовью; можетъ быть, и Узница моя **),
„Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...“

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи, —
Все вмѣстѣ ожило, и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:

„Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
„Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній, 5
„Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,

*) У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): одинъ изъ друзей А. Ш.; Fanny, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

**) И узница моя. V. La jeune captive (M-lle de Coigny).

„Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
„Судьба лелѣяла мою златую младость, [6]
„Безпечною рукой меня вѣнчала Радость,
„И муза чистая дѣлила мой досугъ.
„На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
„Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
„Сѣнь, охраненную домашними богами.
„Когда жь, вакхической тревогой утомясь [7]
„И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
„Я утромъ, наконецъ, являлся къ милой дѣвѣ
„И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
„Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
„Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
„Она меня гнала, бранила и прощала, —
„Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
„Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
„Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
„Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
„И злоба, и корысть? Куда, мои надежды,
„Вы завлекли меня? Что дѣлать было мнѣ,
„Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
„На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
„Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
„И круто напрягать безсильныя бразды?
„И что жь оставлю я? Забытые слѣды
„Безумной ревности и дерзости ничтожной!
„Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложный,
„Ты, слово, звукъ пустой...

„О, нѣтъ!
„Умолкни, ропотъ малодушный!
„Гордись и радуйся, поэтъ:
„Ты не поникъ главой послушной
„Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
„Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
„Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
„Жестокимъ блескомъ озарилъ

„Совѣтъ правителей безславныхъ *);
„Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
„Сихъ палачей самодержавныхъ;
„Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
„Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
„Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
„Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
„Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
„Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой, —
„Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
„И передъ вами трепеталъ
„Ареопагъ остервенѣлый.
„Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
„Моей главой играй теперь:
„Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
„Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
„Пей нашу кровь, живи губя:
„Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
„И часъ придетъ... и онъ ужь недалекъ:
„Падешь, тиранъ! Негодованье
„Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
„Разбудитъ утомленный рокъ.
„Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
„Я жду тебя!“

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ,
Къ рѣшеткѣ поднялъ влажны взоры...
Вдругъ — шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды
нѣтъ!

---

*) Voyez ses Iambes. — Chénier avait mérité la haine des factieux. avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit 17 au 18 janvier est d'André Chénier. (H. de la Touche).

Звучатъ ключи, замки, запоры...
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа *).
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ **).
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ... ***)
Плачь, муза, плачь!

II.

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда-нибудь любого:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный;
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

25 января.

III.

Къ именинницѣ.

Хотя стишки на именины
Н_ль, С_фь_, К_р____
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я, вашъ обожатель вѣрный,
Я, въ знакъ послушности примѣрной,

---

*) Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

**) На роковой телѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers Ils choisirent lapremière scène d'Andromaque. (H. de la Touche).

***) На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: „Pourtan 'avais quelque chose là!"

Готовъ и ими вамъ служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Васъ окрестили благодатью!
Нѣтъ, нѣтъ: по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И ножка (смѣю вамъ сказать) —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

IV.

Если жизнь тебя обманетъ, —
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

V.

Сожженное письмо.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!..
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужь пламя жадное листы твои пріемлетъ...
Минуту!.. Вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ,
Віясь, теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужь перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ... О, Провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милый,

Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

VI.

Вакхическая пѣсня.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Подымемъ [1] стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Тамъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

VII.

Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.

— „У меня плоды блестятъ
„Наливные, золотые;
„У меня бѣгутъ, шумятъ
„Воды чистыя, живыя.
„Нардъ, алой и киннамонъ
„Благовоніемъ богаты:

Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

VIII.

Сафо.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

IX.

Козлову.

(По полученіи отъ него «Чернеца»).

Пѣвецъ! Когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной, —
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

Май.

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

А. С. Пушкинъ и графъ Хвостовъ.

Современный рисунокъ свинцовымъ и итальянскимъ карандашами, неизвѣстнаго автора.

Даръ Гг. Челищевыхъ Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

X.

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ
домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ
трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли!)
Шли и твердили, шутя: какое въ россіянахъ чувство!

XI.

Живъ, живъ курилка.

Какъ, живъ еще курилка-журналистъ? —
„Живехонекъ! все такъ же сухъ и скученъ,
„И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ;
„Все тискаетъ въ свой непотребный листъ:
„И старый вздоръ, и вздорную новинку.“ —
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ. — „Да... плюнуть на него“.

Май.

XII.

Ода Его сіятельству графу Д. И. Хвостову,

съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится. *) Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ, **) и кипитъ.
Открылись грекамъ древни клады, ***)

*) Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

**) Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

***) Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.

Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ. *)
И се — летитъ продерзко судно
И мещетъ громы обоюдно:
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ — но недугъ быстропарный, **)
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ!
Какъ здѣсь — ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здѣсь — почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ лордъ — графъ ты! Поэты оба!
Сё, мнится, явно сходство есть, —
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой ***)
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви — и наконецъ
Глубокъ онъ, но единобразенъ!
А ты глубокъ, игривъ и разенъ —
И въ шалостяхъ ты впрямь пѣвецъ.

А я, невѣдомый піита,

---

*) Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извѣстный противникъ свободы.

**) Горячка.

***) Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотворѣніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою (см. послѣднее замѣчаніе къ одѣ: „Заздравный кубокъ“).

Въ восторгѣ новомъ воспою
Во слѣдъ піита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу, *)
И да блюдутъ твой мирный сонъ **)
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

XIII.

Ex ungue leonem.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жь пустивъ ее, злодѣй.
Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

Іюнь.

---

*) Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи
Взирая на суда бѣгущи.

**) Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго піиты.

XIV.

П. А. Осиповой.

Быть можетъ, ужь недолго мнѣ
Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна, изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильный.

Село Михайловское, 25 іюня 1825.

XV.

Желаніе славы.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,

Шептала ты: „Скажи, ты любишь, ты счастливъ?
„Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
„Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?“
А я стѣсненное молчаніе хранилъ;
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ; я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, — все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ, —
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

7 іюля.

XVI.

Къ А. П. Кернъ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье,
И вотъ, — опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Михайловское. 1825. XIX іюля.

XVII.

Къ А. Г. Родзянкѣ.

Ты обѣщалъ о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аѳеизмѣ,
Потолковать еще со мной,
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
А пишешь лишь о ней одной.
Нѣтъ, это ясно, милый мой:
Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей,
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговоримъ опять о *ней*.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
Подобныхъ матери своей, —

И счастливъ, кто раздѣлитъ съ ней
Сію пріятную заботу:
Не наведетъ она зѣвоту;
Дай Богъ, чтобъ только Гименей
Межь тѣмъ продлилъ свою дремоту!
Но не согласенъ я съ тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первыхъ, вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа...
А во-вторыхъ, замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы:
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои:
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмеваетъ
Звѣзду стыдливую любви!

Іюль.

XVIII.

Прозаикъ и поэтъ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я завострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

XIX.

Движеніе.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый;
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить:

Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожь правъ упрямый Галилей.

XX.

Соловей и кукушка.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразный
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ.
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску.
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

XXI.

Совѣтъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальный:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый;
Сердиться грѣхъ; но замахнись — и вдругъ
Прихлопни ихъ проворно эпиграммой.

XXII.

Послѣдніе цвѣты.

(Въ альбомъ П. А. Осиповой).

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья

Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

16 октября 1825 г.

XXIII.

19 Октября.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле; [1]
Проглянетъ день, какъ будто поневолѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ. [2]
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ [3].

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку, [4]
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ:
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ... [5]
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ? [6]
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межь вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ, [7]
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:

Подъ миртами Италіи прекрасной [8]
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой [9].
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ [10].

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя! [11]

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ; [12]
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: „На долгую разлуку
„Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!“ [13])

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ. [14]
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ — чужбина,
Отечество намъ — Царское Село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой, [15]
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,

Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ, [16]
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ. [17]

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ; [18]
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ! [19]

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись; [20]
Но невзначай, проселочной дорогой,
Мы встрѣтились и братски обнялись. [21]

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ.
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный
О Дельвигъ мой! Твой голосъ пробудилъ [22]
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;

Но я любилъ уже рукоплесканья, —
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья, [23] —
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво, [24]
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ? [25]

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ [26]
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья! [27]
Я жду тебя, мой запоздалый другъ.
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи; [28]
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви. [29]

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жь поэта предсказанье:
Промчится годъ — и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній; [30]
Промчится годъ — и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна, въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза!
Благослови: да здравствуетъ Лицей! [31]
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,

Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему... [32]
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній, и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній, [33]
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ, [34]
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

XXIV.

Изъ А. Шенье.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ,
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ,
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ, онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;

Треща, горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

XXV.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна;
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

XXVI.

Н. Н.

(При посылкѣ ей Невскаго Альманаха).

Примите Невскій Альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ, и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова;
Княжевичъ, дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?.. Дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!..
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

XXVII.

Къ Баратынскому.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ — прямой чухонецъ.

XXVIII.

Б у р я.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,

Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ [1]
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

XXIX.

Н. С. Мордвинову.

(Отрывокъ).

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины;
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья, и зѣницы —
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.

Мордвиновъ! Не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго піита!..

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,

Вотще грохочетъ громъ, и волны вкругъ, мутясь,
И увиваются, и плещутъ.

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою...

XXX.

Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ.

1.

Какъ по Волгѣ-рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка;
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые;
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ;
Передъ нимъ красная дѣвица,
Полоненая персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвитъ грозенъ Стенька Разинъ:
„Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
„Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
„Въ долгу ночь баюкала, качала,
„Въ волновую погоду выносила,
„За меня ли молодца не дремала,
„Казаковъ моихъ добромъ надѣлила, —
„Что ничѣмъ тебя еще мы не дарили.“
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ персидскую царевну,
Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

2.

Ходилъ Стенька Разинъ
Во Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя,
Камки хрущатыя —
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболья.
Ему Стенька Разинъ
Не отдаетъ шубы.
— „Отдай, Стенька Разинъ,
„Отдай съ плеча шубу!
„Отдашь, такъ спасибо;
„Не отдашь, — повѣшу
„Что во чистомъ полѣ,
„На зеленомъ дубѣ,
„Да въ собачьей шубѣ.“
Сталъ Стенька Разинъ
Думати думу:
„Добро, воевода!
„Возьми себѣ шубу,
„Возьми себѣ шубу,
„Да не было бъ шуму . . . “

.

3.

Что не конскій топъ, не людская молвь,
Не труба трубача съ поля слышится,

А погодушка свищетъ - гудитъ,
Свищетъ - гудитъ, заливается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
„Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
„Ты разбойникъ лихой, ты разгульный буянъ!
„Ты садись на ладьи свои скорыя,
„Распусти паруса полотняные,
„Побѣги по морю по синему.
„Пригоню тебѣ три кораблика:
„На первомъ кораблѣ красно золото,
„На второмъ кораблѣ чисто серебро,
„На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица."

XXXI.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой,
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ль будетъ гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

XXXII.

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ,
Лучъ зари сіяетъ алый,
Серебрится снѣжный прахъ...

XXXIII.

Лишь розы увядаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа,
И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ...

XXXIV.

Пока супругъ тебя, красавицу младую,
Между шести другихъ еще не заключилъ,
Ходи къ фонтану близь могилъ
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
„Какъ невозвратная струя
„Блеститъ, бѣжитъ и исчезаетъ,
„Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
„Въ гаремѣ такъ исчезну я“.

XXXV.

Изъ Аріостова Orlando Furioso.

(Пѣснь XXIII, октавы 100—112).

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода,
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;

Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашелъ...

102.

Гуляя, онъ на деревахъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ,
Соединенны вензелёмъ;
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горесть усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей рощѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
„Однако жь, эти мнѣ черты
„Знакомы очень... разумѣю:
„Медоръ сей выдуманъ лишь ею.

„Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славила, быть можетъ...“
Такъ, басней правду замѣня,
Онъ мыслитъ, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей повиликой
Завѣшенъ былъ тѣнистый входъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,
Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камня сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зритъ надпись — въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ;
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-арабски написалъ, —
И вотъ ихъ точное значенье:

108.

„Цвѣты, луга, ручей живой,
„Счастливый гротъ, прохладны тѣни —
„Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
„Гдѣ съ Анджеликой молодой,
„Съ прелестной дщерью Голофрона,
„Любимой многими, — порой
„Я зналъ утѣхи Купидона!..
„Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
„Такъ часто вами охраненный?
„Однимъ лишь только услужу —
„Хвалой и просьбою смиренной!

109.

„Господъ любовниковъ молю,
„И дамъ, и рыцарей вельможныхъ,
„Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
„Которыхъ въ сторону сію
„Фортуна заведетъ случайно:
„На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
„Зовите благодать небесъ,
„Чтобъ нимфы ихъ любили тайно,
„Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
„Не гнали жадныя стада.“

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ,
Зналъ по-арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза̀, и пять и шесть
Онъ хочетъ надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть.

Онъ правду видитъ [очень] ясно
И нестерпимая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

XXXVI.

Съ португальскаго.

Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.

На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи,

И являлася она
У дверей, иль у окна,
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
Межь овецъ деревни всей
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,

На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ,
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

Дѣва издали ко мнѣ
Приближалась въ тишинѣ,
И я пѣлъ, ее встрѣчая,
Пѣлъ, гитарою бряцая:

„Дѣвы, радости моей,
„Нѣтъ, — на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
„Кто посмѣетъ подъ луною
„Спорить въ счастіи со мною?

„Не завидую царямъ,
„Не завидую богамъ,
„Какъ увижу очи томны,
„[Стройный] станъ и косы темны.“

Такъ я пѣлъ, бывало, ей —
И красавицы моей
Сердце пѣснью любовалось...
Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я,

Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.
(Gonzaga).

XXXVII.

Начало 1-й пѣсни „Дѣвственницы".

Я не рожденъ святыню славословить,
Мой слабый гласъ не взыдетъ до небесъ;
Но долженъ васъ я нынѣ приготовить
Къ услышанью Іоанниныхъ чудесъ.
Она спасла французскія лилеи;
Въ бояхъ ея дѣвической рукой
Поражены заморскіе злодѣи;
Могучею блистая красотой,
Она была подъ юбкою герой.
Я признаюсь, вечернею порой
Милѣе мнѣ смиренная дѣвица,
Послушная какъ агнецъ полевой;
Іоанна же была душою львица,
Среди трудовъ и бранныхъ непогодъ
Являлася всѣхъ витязей славнѣе
И — что всего чудеснѣе, труднѣе, —
Цвѣтъ дѣвственный хранила круглый годъ.

О ты, пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
Сѣдой пѣвецъ, чьи хриплые напѣвы,
Нестройный умъ и чудотворный вкусъ
Въ былые дни бѣсили нѣжныхъ музъ!
Хотѣлъ бы ты, о стихотворецъ хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому нибудь изъ модныхъ риѳмачей.

XXXVIII.

Черновые наброски.

* * *

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны
И самой красотѣ — семнадцать лѣтъ замѣна.
Но время протекло, настала перемѣна,
Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ на дворѣ,
Какъ милый [разговоръ] твой слухъ обворожаетъ,
А зеркало сильнѣй грозитъ и увлекаетъ.
. . . . . утѣшься и смирись,
Отъ милыхъ прежнихъ сновъ заранѣ откажись.
Ищи другихъ побѣдъ; успѣхи предъ тобою;
Я счастія тебѣ желаю всей душою,
. . . . . и опытовъ моихъ,
Мой дидактическій благоразумный стихъ.

* * *

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ, —
Ты вновь создалъ, волшебникъ милый,
Меня, питомца скромныхъ музъ,
И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но — чудо! — зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ?
Оно гласитъ, что не унижу
Пристрастья [вѣрныхъ] Аонидъ...

* * *

Шумитъ кустарникъ... На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ;
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ.
Глядитъ на свѣтлые края,
Глядитъ на синій сводъ небесный
И на далекіе брега,
Вѣнчанны чащею древесной...
Надъ страшной бездной онъ стоитъ
И чуткимъ ухомъ шевелитъ...
Но вздрогнулъ онъ, — внезапный звукъ
Его коснулся, — и онъ вдругъ
Съ вершины прянулъ...

* * *

Сосѣдство ваше намъ опасно
Хоть мило, можетъ быть, оно, —
Такъ утверждаю не напрасно,
И доказать не мудрено.
Твой домъ, учтивая бесѣда
И шутки съ злостью пополамъ
Напоминаютъ живо намъ
Творца Опаснаго Сосѣда...

. . . . . .

1826.

I.

Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте,
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.

1 іюля 1826. Зуево.

II.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной [1]
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной [2]
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межь нами есть;
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой, [3]
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской, [4]
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!,
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни, [5]

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.
29 іюля.

III.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился.
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ, —
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ,
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
„Исполнись волею Моей
„И, обходя моря и земли,
„Глаголомъ жги сердца людей!“

IV.
Е. А. Тимашевой.

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
Сіи прелестыя созданья, [1]
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеалъ.

Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ душой исполненныхъ чертахъ, [2]
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

Соперницы Запретной Розы [3]
Блаженъ безсмертный идеалъ...
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
И много риѳмъ и много прозы! [4]

Москва. 20 октября.

V.
Къ ***.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ унынѣ робкомъ ожидать?
И такъ ужь близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней;
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

1 ноября, Москва.

VI.

Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ, зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ
И, докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

VII.

Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому.

Нѣтъ, не черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

VIII.

Ив. Ив. Пущину.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

13 декабря, Псковъ.

IX.

Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

22 декабря 1826. Москва, у Зуб.

X.

Въ альбомъ кн. П. П. Вяземскому.

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

XI.

Черновые наброски.

* * *

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ, и слогъ примѣрный,

О ты, который избѣжалъ
Сентиментальности манерной,
И самый легкій мадригалъ
Умѣлъ . . . . .

* * *

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей.

1827.

I.

Ангелъ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

„Прости“, онъ рекъ: „тебя я видѣлъ,
„И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
„Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
„Не все я въ мірѣ презиралъ“.

II.

Талисманъ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ;

Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисманъ —
„Въ немъ таинственная сила!
„Онъ тебѣ любовью данъ.
„Отъ недуга, отъ могилы,
„Въ бурю, въ грозный ураганъ,
„Головы твоей, мой милый,
„Не спасетъ мой талисманъ,

„И богатствами Востока
„Онъ тебя не одаритъ,
„И поклонниковъ Пророка
„Онъ тебѣ не покоритъ;
„И тебя на лоно друга,
„Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
„Въ край родной, на сѣверъ съ юга
„Не умчитъ мой талисманъ...

„Но когда коварны очи
„Очаруютъ вдругъ тебя,
„Иль уста во мракѣ ночи
„Поцѣлуютъ, не любя:
„Милый другъ! отъ преступленья,
„Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
„Отъ измѣны, отъ забвенья
„Сохранитъ мой талисманъ!“

III.

Соловей.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.

Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ! Къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь — она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отвѣта!

IV.

Посланіе въ Сибирь.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье;
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

V.

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Пафосъ
Мертвитъ дыханіе мороза —

Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...

1 апрѣля.

VI.

Ек. Ник. Ушаковой.

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ, иль привидѣнье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
„Аминь, аминь, разсыпься!“ Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній
(Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они...);
Но ты — мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя, —
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердцу, полному мечтою,
„Аминь, аминь, разсыпься!“ говорю.

3 апрѣля.

VII.

Изъ ея же альбома.

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ;
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ;
Вы жь вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

16 мая.

VIII.

Кн. З. А. Волконской.

(Посылая ей поэму: «Цыганы»).

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется, и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

IX.

Къ графинѣ Н. В. Кочубей.

(При посылкѣ ей оды: «Вольность»).

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ...

Но васъ я вижу, вамъ внимаю...
И что же? слабый человѣкъ!
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

X.

Княжнѣ С. А. Урусовой.

Не вѣровалъ я [граціямъ] донынѣ:
Мнѣ [видъ] тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ — и, вѣрой озаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

XI.

Эпиграммы.

На А. Н. Муравьева.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ
И, клубясь, издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жь вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

XII.

Кн. А. А. Мещерской.

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой — что годъ, то больше лѣтъ,
А ты — что годъ, то все моложе.

XIII.

Аріонъ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,

На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

$\frac{16 \text{ іюля}}{7}$ (т. е. 1827 г.).

XIV.

Три ключа.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

27 іюля 1827. С.-Петербургъ.

XV.

Черепъ.

Посланіе къ Дельвигу.

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву;
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ

Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужь былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,

Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя,
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона
Подъ паутиною въ углу
Лежали грудой на полу, —
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Увѣренность, вѣщалъ мудрецъ, —
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однако жь, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ;
Предметъ, философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ, онъ однажды, въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ
И, тотчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,

Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива мой мечтатель [1]
Открылся кистеру душой
И говоритъ: „Нельзя ль, пріятель,
„Тебѣ досужною порой
„Свести меня въ подвалъ могильный,
„Костями праздными обильный,
„И между тѣмъ одинъ скелетъ
„Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
„Клянусь тебѣ айдесскимъ богомъ:
„Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
„И до моихъ послѣднихъ дней
„Красой обители моей".

Смутился кистеръ изумленный!
Что за желанье? Что за страсть?
Идти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный [2]
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?.. Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово,
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.

День угасъ.
Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой, [3]
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ, визжитъ замокъ заржавый,

Визжитъ предательская дверь —
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ — и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ; [4]
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить риѳмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищенье совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, [5] то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ [6] получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію и, зная, сколько я

тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу,
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

XVI.

Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межь дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется, —
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира [1]
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

15 авг. 1827.

XVII.

Къ Языкову.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рома и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

28 авг.

XVIII.

Près des bords où Venise est reine de la mer...
A. Chenier.

Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая.
Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ,

Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

17 сент.

XIX.

19 Октября 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы [1]
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ, [2]
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

XX.

Золото и булатъ.

Все мое, сказало злато;
„Все мое“, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
„Все возьму“, сказалъ булатъ.

XXI.

Эпитафія младенцу Волконскому.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

XXII.

Монологъ Изабеллы изъ трагедіи Альфіери: Филиппъ II.

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!
Но какъ же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прекрасной...
Прекрасная душа!.. Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
Всегда печальна я; но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
Не можно мнѣ!.. И онъ, какъ и другіе,
Обманется — и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной!..
Другого нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ, и слезы — преступленье!
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
И рѣчь, и взоръ, — все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

XXIII.

П. А. Плетневу.

(Посвященіе 4 и 5 гл. Евгенія Онѣгина).

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить

Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

29 декабря.

XXIV.

Черновые наброски.

* * *

Kennst du das Land...
Wilh. Meist.

По клюкву, по клюкву,
По ягоду по клюкву.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ,
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,

И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жь посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной, и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И поневолѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой?..
. . . . . *)
На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненьи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньѣ смотритъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины,

*) Здѣсь въ рукописи приписано;
Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!
(Ср. Онѣгина VII, 52).

Или Мадонны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?

. . . . .

* * *

(Къ нянѣ).

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня,
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.
То чудится тебѣ...

* * *

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ;

Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ...

31 іюня 1827.

* * *

Толпа холодная поэта окружала
И [равнодушныя] хвалы ему жужжала,
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внималъ
И звучной лирою разсѣянно бряцалъ...

* * *

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Піитъ, внимаемый царями:
Владѣя смѣхомъ и слезами,
Приправя съ горькой правдой ложь,
Онъ вкусъ притупленный щекотитъ
И къ славѣ спесь бояръ охотитъ,
Онъ украшаетъ ихъ пиры
И сыплетъ Фебовы дары.

. . . .
Межь тѣмъ . . . . . .
Тѣснясь у ступеней крыльца,
Народъ колеблется волнами,
[Съ почтеньемъ] слушаетъ пѣвца.

* * *

. . . . . .
Кормомъ, стойлами, надзоромъ, —
Всѣмъ красны боярскія конюшни,
Сбруя блещетъ на столбахъ дубовыхъ,
Стойлы красны борзыми конями,
Кони сыты, лоснятся...
Лишь однимъ конюшни непригожи:
Домовой повадился въ конюшни,
По ночамъ онъ ходитъ по конюшнѣ,
Чиститъ, холитъ онъ коней боярскихъ,
Заплетаетъ гривы имъ въ косички,

Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не взлюбитъ онъ коня вороного:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню
И зайду въ стойло къ вороному, —
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
А поутру отопрешь конюшню, —
Конь не тихъ, весь въ мылѣ, грудью пышетъ,
Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
Во всю ночь домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ, по рѣкамъ, по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта,
До заката мѣсяца [златого]...
— Ахъ ты, старый конюхъ неразумный!
Загадать ли тебѣ, старый, загадку?
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбилъ красну дѣвку младой конюхъ,
Молодой конюхъ, разгульный парень;
Онъ конюшню ночью отпираетъ,
Потихоньку вороного сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ [красной дѣвкѣ въ гости] скачетъ.

* * *

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера.
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями и тѣнью,
Входъ въ нее заслоненъ сквозь вѣтви блестящимъ въ извивахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ. Звонкой дугою
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло,
Рѣзвый ручей . . . . .
Тихо по рощѣ густой, веселя ее, онъ вiется,
Сладкимъ журчаньемъ...

1828.

I.

Друзьямъ.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

II.

И. Е. Великопольскому,

сочинителю «Сатиры на игроковъ».

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дѣльно міру!
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой — человѣкъ ужасный;
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты,

И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:

Нѣкто, мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлебнувъ кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, — и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

III.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

IV.

Ея глаза.

(Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго).

Она мила, скажу межь нами,
Придворныхъ витязей гроза, —
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!..
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ граціи торжество;
Подниметъ — ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!

V.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.
A. Chénier.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья. [1]
Ужь мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужь мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А не исправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы... [2]

1828.

VI.

Портретъ.

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О жены сѣвера, межь вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ —
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

VII.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!.

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

VIII.

Къ ***.

Счастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно, [1]
Чьи взоры властвуютъ тобой;
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгорая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво,
Признанья слушаетъ твои.

IX.

Наперсникъ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы;
Таи, таи свои мечты: [1]
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты.

X.

Цвѣтокъ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ, вижу я,
И вотъ, уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

XI.

To Dawe esq[r].

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофель.
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 мая 1828 года. Море.

XII.

Увы, языкъ любви болтливой,
Языкъ и скромный, и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой.
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь риѳмы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ.
Тебя страшитъ любви признанье,
Письмо мое ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой нѣжною прочтешь.

Благословенъ же будь отнынѣ,
Судьбою ввѣренный мнѣ даръ!
Доселѣ въ жизненной пустынѣ,
Во мнѣ питая сердца жаръ,
Мнѣ навлекалъ одно гоненье
Иль лицемѣрную хулу, [1]
Иль клевету, иль заточенье,
И рѣдко — хладную хвалу...
9 мая 1828, море, on day.

XIII.

Воспоминаніе.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда, [1]
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; [2] въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ: —
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

*

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, [3] въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,

И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды. [4]
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!.. [5]

19 мая 1828.

XIV.

Ты и вы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
О а, б лвя ь, за ѣ ила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: „Какъ *вы* милы!“
И мыслю: „Какъ *тебя* люблю!“

XV.

26 мая 1828.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?.. [1]

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

XVI.

Предчувствіе.

Снова тучи надо мною
Собрались въ тишинѣ
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной [3] жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: „Прости!“
Опечалься; взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти; [4]
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней. [5]

XVII.

Шотландская пѣсня.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать? [1]

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ:
Въ чистомъ полѣ, подъ ракитой,
Богатырь лежитъ убитый.

Кѣмъ убитъ и отчего, —
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова. [2]

XVIII.

Н. Д. Киселеву.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.

14 (26) іюня 1828. Стрѣльна.

XIX.

Е. В. Вельяшевой.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Тверской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ,
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмѣлемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жь нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до ноября.

1828. Ижоры.

XX.

Посланіе П. И. Эгельстрому.

О, Эгельстромъ! Я восхищенный
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный,
Блеститъ какъ солнце въ ясны дни.

Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.

Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь —
Тогда стенаетъ все съ тобой.

Когда комедіей насъ хочешь
Плѣнить — что твой Мольеръ, Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!

Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ!
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ, ты царь пѣвцовъ!

XXI.

А. Н. Вульфъ.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ —
И R и O позабываю
Для N и W.

XXII.

Анчаръ.

Древо яда.

Въ пустынѣ чахлой и скупой, [1]
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, [2] одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила. [3]

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный [4]
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужь ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ, —
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами, —

И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь [5] тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

9 ноября 1828.
Деревня Малинники.

XXIII.

Отвѣтъ Катенину.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса,
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,

И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

10 Ноября 1828.
Малинники.

XXIV.

Утопленникъ.

(Простонародная сказка).

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя, тятя! Наши сѣти
„Притащили мертвеца.“
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужь эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужь поплетусь...
Гдѣ жь мертвецъ? — „Вонъ, тятя, э-вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ, —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ,

Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межь волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его волнами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
„Будетъ вамъ по калачу,
„Да смотрите жь, не болтайте,
„А не то поколочу.“

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужь лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ; [1]
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

„Кто тамъ?“ — Эй, впусти, хозяинъ!
„Ну, какая тамъ бѣда?
„Что ты ночью бродишь, Каинъ?
„Чортъ занесъ тебя сюда!
„Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
„Дома тѣсно и темно.“
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,

Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. „Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужь съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

XXV.

Опричникъ.

(Отрывокъ).

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ, и крикъ торговый;

Лишь только лаетъ стражъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ, полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...[1]
Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Опричникъ удалой. [2]
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: „Мой конь лихой,
„Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
„Скорѣй, скорѣй!..“ Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. „Куда, мой конь лихой?
„Чего боишься? Что съ тобой?
„Не мы ли здѣсь вчера скакали,
„Не мы ли яростно топтали,

„Усердной местію горя,
„Лихихъ измѣнниковъ царя?
„Не ихъ ли кровію омыты
„Твои булатныя копыты?
„Теперь ужель ихъ не узналъ?
„Мой борзый конь, мой конь удалый,
„Несись, лети!..“ И конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...
. . . . . .

XXVI.

Чернь.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ;
Онъ пѣлъ — а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
„Напрасно ухо поражая,
„Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
„О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
„Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
„Какъ своенравный чародѣй?
„Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
„За то какъ вѣтеръ и безплодна:
„Какая польза намъ отъ ней?“

Поэтъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій!
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ

Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій,
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь!
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки;
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы;
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры, —
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

XXVII.

Конрадъ Валленродъ.

Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже пруссакъ въ оковы вдался
Иль сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ; на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Боговъ пристанища святыя;
Символъ германца на другомъ —
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона, [1]
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,

Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ;
Токъ Нѣмана гостепріимный,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межь тростниковъ,
Переправлялся, дерзновенный,
Береговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ;
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

XXVIII.

И. В. Сленину.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спесь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ — другое дѣло:
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона

И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларъ молитвеннымъ стихомъ.

XXIX.

В. С. Филимонову,

при полученіи поэмы его: «Дурацкій Колпакъ».

Вамъ музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть
И въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ поневолѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ.
Итакъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

XXX.

Подражаніе Анакреону.

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ

Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

6 іюня.

XXXI.

19 октября 1828.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

XXXII.

Отвѣтъ А. И. Готовцовой.

И недовѣрчиво, и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ, а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XXXIII.

Любопытный.

Что жь новаго? — „Ей Богу ничего.“
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ? Помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
— „Охъ, отвяжись, я знаю только то,
„Что ты дуракъ, да это ужь не ново.“

XXXIV.

Собраніе насѣкомыхъ.

Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки.
Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка — Божія коровка,
Вотъ Каченовскій — злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ — россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ — черная мурашка,
Вотъ Раичъ — мелкая букашка. [1]
Куда ихъ много набралось!
Опрятно, за стекломъ и въ рамахъ,
Они, пронзенные насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

XXXV.

Невѣдомскій — поэтъ, невѣдомый никѣмъ
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ,

XXXVI.

Черновые наброски.

* * *

Риѳма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улетѣла, [1]
Измѣнила навсегда?

Твой привычный, милый лепетъ [2]
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала
Какъ послушное дитя;
То — свобода и ревнива,
Своенравна и лѣнива —
Съ нею спорила шутя.

Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвымъ прихотямъ твоимъ,
Какъ любовникъ добродушный,
Снисходительно послушный,
Былъ я мучимъ и любимъ.

О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,

Какъ бы пышно заблистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
„Фебъ однажды у Адмета,
„Близь тѣнистаго Тайгета
„Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.

„Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,
„И никто, страшась Зевеса,
„Изъ богинь или боговъ
„Навѣщать его не смѣли —
„Бога лиры и свирѣли,
„Бога свѣта и стиховъ!

„Помня первыя свиданья,
„Утолить его страданья
„Мнемозина притекла,
„И подруга Аполлона
„Въ тихой рощѣ Геликона
„[Мучась, дочку] родила...

* * *

Въ степяхъ зеленыхъ Буджака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка,
Обходитъ русскія владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье;
Семействами болгары тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Храня родительскіе нравы,
Питаясь . . . . . трудомъ,
И не заботяся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой...

* * *

Волненьемъ жизни утомленный,
Оставя заблужденій путь,
Къ тебѣ прибрелъ я отдохнуть
И близь тебя, мой другъ безцѣнный...

25 іюня. Фанни. Няня. Elisa e Claudio.

* * *

Брадатый староста Авдѣй
Съ поклономъ барынѣ своей
Замѣсто краснаго яичка
Поднесъ ученаго скворца.
Извѣстно вамъ, такая птичка
Умнѣй иного мудреца.
Скворецъ, надувшись величаво,
Вздыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ картаво:
„Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!"

* * *

Сводня грустно за столомъ
Карты разлагаетъ;
Смотрятъ барышни кругомъ, —
Сводня имъ гадаетъ:
Три девятки, тузъ червей
И король бубновый, —
Споръ, досада отъ рѣчей
И притомъ — обновы;
А по картамъ — ждать гостей
Надобно сегодня...
Вдругъ — стучатся у дверей!
Барышни и сводня
Встали, отодвинувъ столъ,
Всѣ толкнули . . . . .
Шепчутъ: „Катя, кто пришелъ?
„Посмотри хоть въ щелку!"

— „Что? хорошій человѣкъ, —
„Я была знакома:
„Онъ съ . . . . . цѣлый вѣкъ,
„Онъ у нихъ какъ дома!“
. . . . . — въ кухню, руки мыть,
Всѣ бѣгомъ, прыжками,
Обуваться, пукли взбить,
Прыскаться духами.
Гостя сводня между тѣмъ
Ласково встрѣчаетъ,
. . . . . .
Гость ей: „Право, мнѣ васъ жаль..
„Здравствуй, другъ Анета!
„Ахъ Луиза! что за шаль!
„Подойди, Жанета,
„А Луиза — поцѣлуй!“
. . . . . .
Онъ ушелъ. Все смолкло вдругъ,
Сводня пріуныла,
Дремлютъ дѣвушки вокругъ...
Сводня карты вновь беретъ,
Молча вновь гадаетъ,
Но никто, никто нейдетъ...
Сводня засыпаетъ.

1829.

I.

Примѣты.

(А. А. Олениной).

Ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

II.

Въ альбомъ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

III.

Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

IV.

Къ А. П. Кернъ.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ;
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья;
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

V.

Елиз. Ник. Ушаковой.

(Въ альбомъ).

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой. [1]
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза,
И наши рифмы, наша проза [2]
Предъ вами — шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ

Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Москва.

VI.

Отрывокъ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною. [1]
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего [2]
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ [3] и любитъ — оттого,
Что не любить оно не можетъ.

15 мая.

VII.

Калмычкѣ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй, [1]
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски, предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ, [3]
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,

Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! Не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

22 мая 1829. Капъ-Кой.

VIII.

Изъ Гафиза.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавый
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраилъ среди мечей
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

5 іюля 1829.
Лагерь при Евфратѣ.

IX.

Донъ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю *).

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣзниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

X.

Делибашъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите, — каковы:

*) Арпачай — граница русской Арменіи.

Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

7 сентября.

XI.

Монастырь на Казбекѣ.

Высоко надъ семьею горъ
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ...

XII.

Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужь и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

20 сентября.

XIII.

Дорожныя жалобы.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ-нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ, въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!

То ли дѣло — рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!..
Ну, пошелъ же, погоняй!..

4 октября. На дорогѣ съ Кавказа.

XIV.

Обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ,

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

29 октября.

XV.

Олеговъ щитъ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ, —
Тогда, во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой

Къ Стамбулу грозно притекли, —
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

XVI.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на бѣлый снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужь порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ...
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,

Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы·
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ — и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, — и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!..

2 ноября.

XVII.

Зимнее утро.

Морозъ и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный;
Пора, красавица, проснись!
Открой сомкнуты нѣгой взоры,
Навстрѣчу сѣверной Авроры
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,

Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь? [1]

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

3 ноября.

XVIII.

Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,

Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей, —
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!..

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!..

14 декабря 1829. С.-Петербургъ.

XIX.

Элегическій отрывокъ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда-бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:

Къ подножію ль стѣны далекаго Китая, [1]
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли, наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи, —
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . . . .

23 декабря 1829.

XX.

Стансы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межь юношей безумныхъ, —
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ, —
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей нибудь ужь близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный, —
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю, —
Уже я думаю: „Прости!
„Тебѣ я мѣсто уступаю:
„Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.“

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межь нихъ [2] стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

26 декабря 1829 года.
С.-Петербургъ, 3 часа 5 минутъ.

XXI.

Загадка.

(При посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса).

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

XXII.

Эпиграммы на Каченовскаго.

1.

Литературное извѣстіе.

Въ элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, на-дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ,
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

2.

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ, подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу — носъ.
Иная брань, конечно, неприличность;
Нельзя сказать: „такой-то-де старикъ,
„Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
„И золъ, и подлъ“ — все это будетъ личность;
Не можете печатать, напримѣръ,
Что „господинъ парнасскій старовѣръ
„Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
„Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
„Тяжеловатъ и даже глуповатъ“:
Тутъ не лицо, а только литераторъ.

3.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ, —
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною
Подъ холодный „Вѣстникъ“ свой,
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ vжицу живой.

4.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранный
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Расписался мой дуракъ?

XXIII.

Эпиграммы на Надеждина.

1.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
„Охота есть, да мало мозгу.
„А сколько лѣтъ ему, вопросъ?“ —
Пятнадцать. — „Только-то? Эй, розгу!“
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

2.

Притча.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ
Дмитріевъ

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
„Вотъ“, подбочась, сапожникъ продолжалъ:

„Мнѣ кажется, лицо немного криво...
„А эта грудь не слишкомъ ли нага?“
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
„Суди, дружокъ, не свыше сапога“.

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ.

3.

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ,
Но, потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
И, возгоря желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
Ругать бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ;
Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разсчетъ.

XXIV.

(Передъ бюстомъ).

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку,
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Недаромъ ликъ сей двуязыченъ;
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

XXV.

Къ N. N.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты St.-Priest въ карикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ,
Ты прострѣленъ на дуэлѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

(На кавказскихъ водахъ).

XXVI.

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій,
Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ,
И лошадей, и даже кучеровъ;
И съ радостью на карту — на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

(На кавказскихъ водахъ).

XXVII.

Черновые наброски.

* * *

Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ...
Умъ далече улетаетъ... [1]
Звукъ привычный, звукъ живой!
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я давнишнею порой!

* * *

Былъ и я среди донцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я домой привезъ нагайку.
На походѣ, на войнѣ [1]
Сохранилъ я балалайку;
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ,
Я повѣшу и нагайку.
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку.

* * *

Критонъ, роскошный гражданинъ,
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія...
Однажды — слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался, —

И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая...
Она съ улыбкою глядитъ,
Ужь онъ влюбленъ, ужь онъ горитъ,
Поспѣшно слѣдуетъ за нею...
Предъ ними домъ . . . . . .
Она на мигъ остановилась
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась...

14 іюля. Арзрумъ, баня, чума.

*
* *

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо
Ты всюду слѣдуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и взоръ? — я твой...

*
* *

Во время оное, былое,
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,
Въ свое святилище глухое
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
Меня привѣтствовалъ ты шумно...

*
* *

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и ночлегъ;
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ,
Тучи, да снѣгъ...
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы...

* * *

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ,—и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я — пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ . . . . . *)
. . . . . Еще единый гимнъ —
Внемлите мнѣ, пенаты, — вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада, — вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліяній,
Но васъ любить не преставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близь вашего святого пепелища
Моя душа, — тамъ миръ [и тишина]...

Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ,
Они любить, лелѣять научаютъ

*) Повѣшу я — да стонетъ . . . . .
Когда столбы его колеблетъ буря,

Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ —
Чтить самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
Не преставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія...

* * *

И чувствую, душа (моя)
Твоей любви, тебя достойна
Зачѣмъ же не всегда [она]
Чиста, печальна и покойна?

* * *

— Полюби меня, дѣвица!
„Что же скажетъ мнѣ станица?
„Я съ другимъ обручена,
„Мой женихъ теперь далече...

1830.

I.

Отвѣтъ.

(Ек. Н. Ушаковой).

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ,
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора въ Москву! Въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылый,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.

Циклопъ.

(Экспромптъ въ костюмѣ Циклопа, на маскарадѣ у вел. кн. Елены Павловны).

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ;
Единый глазъ въ главѣ моей.

Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

1830, начало.

III.

Стансы.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

19 января 1830. С.-Петербургъ.

IV.

На Булгарина.

1.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко — ляхъ, Мицкевичъ — ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ, —
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ — и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фингляринъ.
[Февраль 1830].

2.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй;
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

3.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнассѣ ты — цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты — Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

V.

Новоселье.

(П. В. Нащокину).

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,

Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малый,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.
1830. Москва.

VI.

Къ вельможѣ.

(Кн. Н. Б. Юсупову, въ Архангельское).

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ
Лишь только первая позеленѣетъ липа,—
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

•

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,

Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту. [1]

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока, восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, разскажи жь ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,

Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда путить, обѣдать у Темиры
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты

И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ[2] бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ,
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись — день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

VII.

П о э т у.

(Сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ[1] пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;[2]
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,[3]
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже[4] оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1830.

VIII.

Мадонна.

(Сонетъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнияись мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

8 іюля.

IX.

Сонетъ.

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужь Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

X.

Цыганы.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужь вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

XI.

Отвѣтъ Анониму.

О кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,

Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты, старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ,
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой, —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
„И намъ ихъ передастъ“. Но счастіе поэта
Межь ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

. . .

XII.

Б ѣ с ы.

(Шалость).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...

Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!.. „Нѣтъ мочи:
„Конямъ, баринъ, тяжело;
„Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
„Всѣ дороги занесло;
„Хоть убей, слѣда не видно;
„Сбились мы. Что дѣлать намъ?
„Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
„Да кружитъ по сторонамъ.

„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
„Дуетъ, плюетъ на меня;
„Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
„Одичалаго коня;
„Тамъ верстою небывалой
„Онъ торчалъ передо мной;
„Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
„И пропалъ во тьмѣ пустой".

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — Что тамъ въ полѣ?
„Кто ихъ знаетъ: пень или волкъ?"

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ, ужь онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...

Вижу: духи собрались
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

XIII.

Элегія.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье [1]
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать; [2]
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,

И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

8 сентября (Болдино).

XIV.

Г е р о й.

Что есть истина?

Другъ.

Да, слава, въ прихотяхъ вольна;
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужь то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межь гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари. [1]

Другъ.

Когда жь твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой?

Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя —
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать герою плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межь одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

Другъ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы — его раздался гласъ *),
И гдѣ жь очарованье свѣта?..

Поэтъ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? — Тиранъ!

Другъ.

Утѣшься...

Москва, 29 сентября 1830 года.

XV.

Шалость.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ-ли съ проклятою хандрой.
Что жь ты нахмурился? Нельзя-ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.

---

*) Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ „Запискахъ" своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

Гдѣ жь нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора, —
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ;
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужь схоронилъ!

1 октября, 1830. Болдино.

XVI.

Осень.

(Отрывокъ).

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Державинъ. (Евгенію, Жизнь Званская).

I.

Октябрь ужь наступилъ; ужь роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ;

Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны;
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это, наконецъ, и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы-старухи
И, проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:

Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ; [1]
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ; [2]
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей. [3]

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ, [4]
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ; [5]
Но, чу!.. матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII.

Плыветъ... Куда жь намъ плыть? — Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, иль [вѣчные] снѣга... [6]

XVII.

Разставаніе.

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужь ты для страстнаго поэта [1]
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его. [2]

5 (8?) октября 1830. Болдино.

XVIII.

Пажъ, или пятнадцатый годъ.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лѣтъ ужь скоро минетъ;
Дождусь-ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужь я не мальчикъ; ужь надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубый;

Вы слышите мой голосъ грубый?
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду — право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму;
И ужасъ какъ она ревнива,
За то со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нѣтъ, ни за что не назову!

7 октября (сентября?) 1830.

XIX.

Изъ записки къ пріятелю.

Куда же ты? — „Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ
Не прогулять мнѣ здѣсь.“ — Постой, а карантинъ?
Вѣдь въ нашей сторонѣ индѣйская зараза:
Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа,

Бывало, сиживалъ покорный твой слуга.
Что, братъ? Ужь не трунишь, тоска береть — ага!
10 октября 1830.

XX.

Моя родословная, или русскій мѣщанинъ.

Вольное подражаніе лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй, вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассессоръ, [1]
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — русскій мѣщанинъ. [2]

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У насъ нова рожденьемъ знатность —
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ, [3]
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ! [4]

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ;
Куда жь мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ. [5]

Мой предокъ Радша [6] службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный —
Иванъ Четвертый — пощадилъ. [7]
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ. [8]

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ, [9]
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ, —
Мы къ оной руку приложили;
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало, нами дорожили;
Но я... я темный мѣщанинъ. [10]

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ, [11]
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой:
Не любитъ споровъ властелинъ;
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ. [12]

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора, [13]
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой — въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — мѣщанинъ. [14]

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ [15]

И, не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спесь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто — не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотѣй, я мѣщанинъ. [16]

P. S.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ — мѣщанинъ.
Что жь онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?.. Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

16 октября 1830 г. Болдино.

XXI.

Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбулъ, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы,
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой лучъ потухъ;
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ гаремы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Ни черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ какъ орлы ревнивы,
Гаремы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ. [1]

Алла великъ!
Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ.
Тогда насъ буря долу гнула [2]
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ не праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи;

Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли. [3]
Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ...

17 октября 1830 г., передъ разб. ст.

XXII.

Заклинаніе.

О если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы —
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ, иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье, —
Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба [1]
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но, тоскуя,

Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!
17 октября 1830 г. Болдино.

XXIII.

Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близь меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризну или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу... [1]
Октябрь 1830. Болдино.

XXIV.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи, свѣтлыя какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ [бѣлыхъ] мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры — [1]

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце, и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья

Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой —
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.
. . . . . .

XXV.

П ѣ с н я.

Here's a health to thee, Mary
Barry Cornwall.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

XXVI.

Inesilla! I am here.
Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь, подъ окномъ!

Ты спишь ли? — Гитарой
Тебя разбужу;
Проснется ли старый? —
Мечемъ уложу.

Шелко́выя петли
Къ окошку привѣсь...
Что жь медлишь?.. Ужь нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

XXVII.

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,

Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
„Кто, рѣши, любимъ тобою?“
Оба дѣвѣ говорятъ,
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

XXVIII.

На переводъ Иліады.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

8 ноября.

XXIX.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: „Въ день свиданья
„Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,

„Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
„Мы вновь, мой другъ, соединимъ".

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды, —
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья... [1]
Но жду его: онъ за тобой!..
27 ноября 1830. Болдино.

XXX.

Царскосельская статуя.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печальна сидитъ.

XXXI.

Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

XXXII.

Риѳма.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога:
Межь говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина,

Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Риѳмой зовется она.

XXXIII.

Трудъ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жь непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденьщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

XXXIV.

Черновые наброски.

* * *

Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ! [1]
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ:
Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальный лѣсъ и долъ завялый,
Проглянетъ день — и ужь темно,
И будто путникъ запоздалый,
Стучится буря къ намъ въ окно. [2])

* * *

О муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!

Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ:
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы; —
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если я кого забуду, —
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

* * *

Мѐдокъ.

(Медокъ въ Уаллахъ).

Попутный вѣетъ вѣтръ. Идетъ корабль, —
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила всѣ, — идетъ, и предъ кормой
Морская пѣна раздается. — Многимъ
Наполнилася грудь у всѣхъ пловцовъ.
Теперь, когда свершенъ опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры, —
И въ тишинѣ рисуется ему
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ, — пока недвижны очи
Не заболятъ. Товарищу другой
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной,
И Господа благодаритъ, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву

Угоднику и Дѣвѣ Пресвятой,
И милостынь, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ онъ все благополучно.
Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ,
Самъ Мѣдокъ погруженъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствьяхъ и мечтахъ.
Прекрасенъ вечеръ, и попутный вѣтръ
Межь вервей [бьетъ], корабль надежный быстро
Бѣжитъ, шумя, межь волнъ. Садится солнце...

* * *

(Дельвигу).

Мы рождены, мой братъ названый,
Подъ одинаковой звѣздой;
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашею судьбой.
Явилися мы рано оба
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...

. . .

1831.

I.

Красавица.

(Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой).

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

II.

Э х о.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жь нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

III.

Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ — Ты всталъ и спасъ...

Внемли жь и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,

О старѣцъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись — и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ молчанье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

IV.

Клеветникамъ Россіи.

Vox et praeterea nihil.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи? [1]
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужь взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена; [2]
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ? [3]
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали; [4]
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Бзсмысленно прельщаетъ васъ [5]

Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

За что жь? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли [6]
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ? [7]

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды, [8]
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля? [9]
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ: [10]
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ. [11]

2 августа 1831 года. Село Царское.

V.

Бородинская годовщина.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „Шли же племена,
„Бѣдой Россіи угрожая;

„Не вся ль Европа тутъ была?
„А чья звѣзда ее вела!..
„Но стали жь мы пятою твердой
„И грудью приняли напоръ
„Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
„И равенъ былъ неравный споръ.

„И что жь? Свой бѣдственный побѣгъ,
„Кичась, они забыли нынѣ;
„Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
„Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
„Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
„Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
„Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
„Но дологъ будетъ сонъ гостей
„На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
„Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

„Ступайте жь къ намъ: васъ Русь зоветъ!
„Но знайте, прошеные гости, —
„Ужь Польша васъ не поведетъ:
„Черезъ ея шагнете кости!..“
Сбылось — и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы,
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый,
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;[1]
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица

И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще ли россъ —
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава —
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ,
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? — Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жь: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!

Греми, восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань. [2]

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего. [3]

5 сентября 1831 года.

VI.

19 октября 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужь нѣтъ;
Мы жгли Москву; былъ плѣнъ Парижу;

Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ;
Воскресла грековъ древнихъ слава;
Съ престола палъ другой Бурбонъ;
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ
Шести друзей не узримъ болѣ:
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой —
И надо всѣми мы рыдали. [1]

И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и гордыхъ помышленій, [2]
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

VII.

Отрывокъ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю, —
Безмолвна, отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня [1]
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья —
Уныло слушаешь меня.

Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья [2]
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляну рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ, [3]
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

1832.

I.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изсту
пленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вiясь въ моихъ объятiяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ —
И дѣлишь, наконецъ, мой пламень поневолѣ.

19 января.

II.

Въ альбомъ А. О. Россетти.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный

И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра;
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло.

16 марта.

III.

Начало повѣсти.

Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ библію. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ, и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ...
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь. — Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ... Семья вздрогнула...
Младой еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
И входитъ незнакомый странникъ...

IV.

Альфонсъ.

(Начало поэмы).

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя.
„Синьоръ, послушайтесь меня:
„Пускаться въ путь теперь не время,
„Въ горахъ опасно, ночь близка,
„Другая вента далека;
„Останьтесь здѣсь: готовъ вамъ ужинъ;
„Въ каминѣ разложенъ огонь;
„Постеля есть, [1] покой вамъ нуженъ,
„И [2] къ стойлу тянется вашъ конь."
— „Мнѣ путешествіе привычно
„И днемъ, и ночью: былъ бы путь," —
Тотъ отвѣчаетъ. „Неприлично
„Бояться мнѣ чего-нибудь. [3]
„Я дворянинъ: [4] ни чортъ, ни воры
„Не могутъ удержать меня,
„Когда спѣшу на службу я." —
И донъ-Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ; [5]
Вотъ, [6] выѣзжаетъ онъ въ долину; [7]
Какую жь видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь;
А въ сторонѣ торчитъ глаголь, [8]
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ. [9]
То были трупы двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ, [10]
Давно повѣшенныхъ, и тамъ

Оставленныхъ въ примѣръ ворамъ.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ..."

V.

(Подражаніе Данту).

1.

И далѣ мы пошли — и страхъ объялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: „Повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?"

Виргилій мнѣ: „Мой сынъ, сей казни смыслъ великъ:
„Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
„Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ.

„И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ."
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
„О, если бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

„О, если бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
„Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!"
Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о, диво!) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ —
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ подвалѣ...

2.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра —
И разлегалася надъ темною равниной.

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями:
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ —
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ томимъ.
. . . . . .

VI.

Въ альбомъ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужь давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины очень кстати
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнассѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни единаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.

VII.

Княжнѣ А. Д. Абамелекъ.

Когда-то, помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

VIII.

Въ альбомъ.

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ

То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ;
Всегда въ немъ грустно я живу, —
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

27 октября.

IX.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жь порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ
Любуясь дѣвою въ томленьи сладострастья, [1]
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 октября.

1833.

I.

Подражанія древнимъ.

(Изъ Аѳенея).

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ
И, вдохновенный, нарекъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Вàтала онъ,[1] молодого красавца. Прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

1 января.

2.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужь увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студёной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой, — все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,

Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жь и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

12 января.

3.

Вино.

(Іонъ Хіосскій).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

II.

(Олениной).

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ, наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ —
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ...

1833. Дорога. Сентябрь.

III.

Гусаръ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
„Занесъ же вражій духъ меня
„На распроклятую квартеру!

„Здѣсь человѣка берегутъ,
„Какъ на турецкой перестрѣлкѣ:
„Насилу щей пустыхъ дадутъ,
„А ужь не думай о горѣлкѣ.

„Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
„Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
„Небось, не выманишь за дверь
„Ее ни честью, ни нагайкой.

„То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
„Валятся сами въ ротъ галушки,
„Виномъ хоть пару поддавай,
„А молодицы — молодушки!

„Ей-ей, не жаль отдать души
„За взглядъ красотки чернобривой.
„Однимъ, однимъ не хороши...“
— А чѣмъ же? разскажи, служивый.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: „Молвить безъ обиды,
„Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
„Да глупъ; а мы видали виды.

„Ну, слушай: около Днѣпра
„Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
„Была пригожа и добра,
„А мужъ-то нумеръ, замѣчай-ка.

„Вотъ, съ ней и подружился я;
„Живемъ согласно, такъ, что любо:
„Прибью — Марусенька моя
„Словечка не промолвитъ грубо;

„Напьюсь — уложитъ, и сама
„Опохмѣлиться приготовитъ;

„Мигну бывало: эй, кума! —
„Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

„Кажись, о чемъ бы горевать?
„Живи въ довольствѣ, безобидно!
„Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
„Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно

„Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
„Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
„Шалитъ Марусенька моя;
„Куда ее лукавый носитъ?

„Я сталъ присматривать за ней.
„Разъ я лежу, глаза прищуря,
„(А ночь была тюрьмы чернѣй,
„И на дворѣ шумѣла буря)

„И слышу: кумушка моя
„Съ печи тихохонько прыгнула,
„Слегка обшарила меня,
„Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

„И свѣчку тонкую зажгла,
„Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
„Тамъ съ полки стекляночку взяла
„И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

„Раздѣлась до нага; потомъ
„Изъ стклянки три раза хлебнула
„И вдругъ, на вѣникѣ верхомъ,
„Взвилась въ трубу и улизнула.

„Эге! смекнулъ въ минуту я:
„Кума-то, видно, басурманка!
„Постой, голубушка моя!..
„И съ печки слѣзъ — и вижу: стклянка.

„Понюхалъ: кисло! что за дрянь?
„Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
„Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань, —
„И оба въ печь. Я вижу: худо!

„Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
„И на него я брызнулъ стклянкой;
„Какъ фыркнетъ онъ! Я— „брысь!..“ И вотъ—
„И онъ туда же, за лоханкой.

„Я ну кропить во всѣ углы
„Съ плеча, во что ужь ни попало, —
„И все: горшки, скамьи, столы,
„Маршъ-маршъ! все въ печку поскакало.

„Кой чортъ! подумалъ я: теперь
„И мы попробуемъ! И духомъ
„Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь, —
„Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

„Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
„Куда — не помню и не знаю;
„Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
„Правѣй!.. И на земь упадаю.

„Гляжу: гора. На той горѣ
„Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
„Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
„Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

„Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
„И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
„Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
„Тебя съѣдятъ!“ — Но я, не струся:

„Домой? Да! чорта съ два! почемъ
„Мнѣ знать дорогу!“ — „Ахъ, онъ странный!

„Вотъ кочерга, садись верхомъ
„И убирайся, окаянный!“

„Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
„Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
„Или предался я врагу?
„Иль у тебя двойная шкура?

„Коня!“ — „На, дурень, вотъ и конь!“ —
„И точно: конь передо мною
„Скребетъ копытомъ, весь огонь,
„Дугою шея, хвостъ трубою.

„Садись“. — „Вотъ, сѣлъ я на коня,
„Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
„Какъ взвился, какъ понесъ меня —
„И очутились мы у печки.

„Гляжу: все такъ же; самъ же я
„Сижу верхомъ, и подо мною
„Не конь, а старая скамья:
„Вотъ что случается порою!“

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: „Молвить безъ обиды,
„Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
„Да глупъ; а мы видали виды“.
1833.

IV.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужь помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужь какъ хочешь, будь что будь —

Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же, сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть:
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай сватъ: начну первой,
Сказка будетъ за тобой...

V.

Воевода.

(Изъ Мицкевича).

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;

Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ —
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
„Гей, ты," кликнулъ, „чортовъ кусъ!

„А зачѣмъ нѣтъ у забора
„Ни собаки, ни затвора?
„Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
„Приготовь мѣшокъ, веревку,
„Да сними съ гвоздя винтовку,
„Ну, за мною!.. Я жь ее!"

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: „Все пропало,
„Чѣмъ лишь только я, бывало,
„Наслаждался, что любилъ:
„Бѣлой груди воздыханье,
„Нѣжной ручки пожиманье, —
„Воевода все купилъ.

„Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
«Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
„Отъ меня ты отперлась.
„Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
„Серебромъ лишь побряцалъ онъ, —
„И ему ты отдалась.

„Я скакалъ во мракѣ ночи —
„Милой панны видѣть очи,
„Руку нѣжную пожать,
„Пожелать для новоселья
„Много лѣтъ ей и веселья,
«И потомъ навѣкъ бѣжать“.

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ;
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно...
„Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно“,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
„Вѣтеръ, что ли,—плачутъ очи,
„Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи;
„Порохъ въ полку не попалъ“.

— „Тише вы, гайдучье племя!
„Будешь плакать, дай мнѣ время!
„Сыпь на полку... Наводи...
„Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
„Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
„Прежде я; ты погоди“.

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

28 октября 1833. Болдино.

VI.

Будрысъ и его сыновья.

(Изъ Мицкевича).

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами:
„Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
„Да точите мечи съ бердышами.

„Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
„Три замышлены въ Вильнѣ похода;
„Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на пруссаковъ,
„А на русскихъ Кестутъ-воевода.

„Люди вы молодые, силачи удалые
„(Да хранятъ васъ литовскіе боги!),
„Нынче самъ я не ѣду,—васъ я шлю на побѣду,
„Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

„Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
„Поживится отъ русскихъ добычей:
„Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
„Домы полны; богатъ ихъ обычай.

„А другой отъ пруссаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
„Можетъ много достать дорогого:
„Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
„Янтаря — что песку тамъ морского.

„Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха.
„Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
„Сабель взять тамъ не худо; но ужь вѣрно оттуда
„Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

„Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
„Весела — что котенокъ у печки,
„И какъ роза румяна, а бѣла — что сметана;
„Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!

„Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
„И оттуда привезъ себѣ жонку;
„Вотъ, и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
„Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку!“

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ-пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ; ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужь, видно, убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
„Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Гей! Не рубли ли?“
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
„Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?“
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужь не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

28 октября 1833. Болдино.

VII.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ,

И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшенъ будешь, какъ чума; —
Какъ разъ тебя запрутъ:

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

VIII.

Родригъ.

На Испанію родную
Призвалъ мавра Юліанъ:
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На испанскіе брега —
Царство готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѳы пали не безславно:
Храбро бились они;
Долго мавры сомнѣвались,
Одолѣетъ кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли...
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;

Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужь смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напослѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню —
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ:
Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ;

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньѣ христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ —
И проклятья слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
„Помолитесь за него!“

Наконецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ, —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ, а въ углу —
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ, окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньѣ
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда;
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу —
И не можетъ: бѣсъ ему

Шепчетъ въ уши звуки битвы
Или страстныя слова.

Онъ въ унынiи проводитъ
Дни и ночи, недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньѣ благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
„Встань — и міру вновь явись.

„Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
„Но Господь рукѣ твоей
„Дастъ побѣду надъ врагами,
„А душѣ твоей покой“.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король...

IX.

Экспромптъ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Ѳирсъ играетъ въ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О, какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелетъ въ темнотѣ:
Риѳмы, деньги, дамы эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

X.

Черновые наброски.

* * *

Французскихъ риѳмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя, постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ;
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой, —
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета, [1]
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!

Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужь меня ихъ бредни безпокоятъ!
Ужели все молчать да слушать?.. О, бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.

О вы, которые, восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша,
Постойте! Напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а деньги нужны вамъ?
Не лучше ль [было бъ] вамъ съ надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть,
Снискать себѣ въ трудѣ и барыши, и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
Кропая сильному вельможѣ мадригалы,
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль, высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики... чѣмъ писаки,
Подписку собирать на будущія враки.

* * *

Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ,
Другъ бардовъ Англіи, любовникъ музъ латинскихъ,
Ты къ мощной древности опять меня манишь
. . . . . велишь.
Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
И въ русскіе стихи, неопытный поэтъ,
Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
Но, развернувъ его суровыя творенья,
Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья...

* * *

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ, —
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая [лапой] пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

* * *

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой,
Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
По дорогѣ столбовой.

Пой: въ часы дорожной скуки,
На дорогѣ столбовой,
Сладки мнѣ родные звуки
Звонкой пѣсни удалой.

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой.
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
Грустенъ вѣтра дальній вой...

Знаешь пѣсню ты — лучина
. . .

* * *

[Если ѣхать вамъ случится
Отъ ** къ Москвѣ,
Тамъ, гдѣ ** струится
Въ неизмѣнной синевѣ,
Отъ моста немного] справа,

Передъ вами будетъ домъ
Влѣво — темная дубрава,
. . . . . кругомъ.
Тамъ, гдѣ вольный и отлогій
Путь надъ Волгою лежитъ...

* * *

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди то, люди —
Ай люшеньки-люли! —
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И ширинокой-то машетъ,
Заливается-поетъ:
„Я пѣвунья, я пѣвица,
„Ворожить я мастерица.“

1834.

I.

Странникъ.

(Изъ Буньяна).

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Внезапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
„Что дѣлать буду я? Что станется со мной?“

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Унынiе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я поневолѣ.

„О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,“
Сказалъ я, — „вѣдайте: моя душа полна
„Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
„Тягчитъ меня. Идетъ, ужь близко, близко время:

„Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
„Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
„И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
„Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?.. О горе, горе!“

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью, и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, унынiемъ тѣснимъ.
И, наконецъ, они отъ крика утомились
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить, унынiемъ изнывая
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замысливший отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: „Познай мой жребій злобный;

„Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный —
„И вотъ о чемъ крушусь: къ суду я не готовъ,
„И смерть меня страшитъ.“ — „Коль жребій твой таковъ“,
Онъ возрази́лъ, — „и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
„Чего жь ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?“
И я: „Куда жь бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?“
Тогда: „Не видитъ ли твой взоръ чего-нибудь?“
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
„Я вижу нѣкій свѣтъ“ — сказалъ я наконецъ.
„Иди жь“ — онъ продолжалъ: „держись сего ты свѣта;
„Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
„Пока ты тѣсныхъ вратъ спасенья не достигъ; [1]
„Ступай!“ И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ;
Иные ужь за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата... [2]

II.

Мицкевичъ.

. . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ

Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть; издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 августа 1834. Спб.

III.

Къ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жь? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей...
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

1835.

I.

Изъ Анакреона.

ОДА LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
Наслажденій знакъ нескромный.

6 января 1835.

ОДА LVI.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,

Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

6 января.

Ода LVII.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

II.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая —
Краснощекому Здоровью;
Третья — Дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

6 января 1835.

III.

Отъ меня вечоръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: „Постой! куда?“
А она мнѣ возразила:

„Голова твоя сѣда".
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: „Всему пора!
„То, что было мускусъ темный,
„Стало нынче камфора".
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: „Знаешь самъ, —
„Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
„Камфора годна гробамъ".

IV.

Мальчику.

(Изъ Катулла).

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

V.

Изъ Горація.

(Книга II, ода VII: ad Pompejum).

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,

И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мѵромъ умащалъ?

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстати воздержанье;
Какъ дикій скиѳъ хочу я пить
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

VI.

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

VII.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

VIII.

Не розу пафоскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу ѳеосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей...

IX.

Подражаніе арабскому.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись: навѣкъ ты мой;
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межь собой:
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

X.

Полководецъ.

(Барклай де Толли).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,

Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчною памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межь ними [1] я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики...
Изъ нихъ ужь многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньѣ шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И, въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! — [3]

О люди! Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 апрѣля 1835. Свѣтлое Воскресеніе.

XI.

Т у ч а.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,

И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ, [1]
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

13 апрѣля 1835.

XII.

Пиръ Петра Великаго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,

И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь —
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ, — онъ съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Отпуская, веселится,
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну,
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

XIII.

На выздоровленіе Лукулла.

(Подражаніе латинскому.)

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
Ужь смерть являлась за тобой

Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ, къ мертвечинѣ падкій,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: „Теперь ужь у вельможъ
„Не стану няньчить ребятишекъ;
„Я самъ вельможа буду тожь,
„Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
„Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!
„Жену обсчитывать не буду,
„И воровать уже забуду
„Казенныя дрова!“

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;

Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она, —
Умѣй же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ;
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену-красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

Сентябрь.

XIV.

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать;
Я говорилъ: „Тому, что было,
„Ужь не бывать, ужь не бывать!“

Прошли восторги и печали
И легковѣрныя мечты... [1]
Но, вотъ, опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!..

XV.

. . . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужь десять лѣтъ утло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —

И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ опальный домикъ.
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужь за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ... [1]
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межь нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ, за ними,
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;

Зеленая семья кругомъ тѣснится [2]
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, — и вкругъ него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...
Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ унынѣ часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

26 сентября 1835 г.

XVI.

Юдиѳь.

(Отрывокъ).

Когда владыка ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олоферн̀ъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ —
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему всевышній царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота. [1]
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился; гнѣвъ жестокій
Его объялъ. Сзываетъ онъ
Совѣтъ...

9 ноября.

XVII.

Эпиграмма

на кн. Дондукова-Корсакова.

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ;
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отчего-жь онъ засѣдаетъ?
— Оттого, что можетъ сѣсть.

1836.

I.

Д. В. Давыдову.

(При посылкѣ Исторіи Пугачевскаго Бунта.

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,
Ты — мой отецъ и командиръ;
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1836. 18 января. Спб.

II.

Художнику.

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.

Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ-громовержецъ;
Вотъ изподлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ — идеалъ, тамъ Ніобея — печаль...
Весело мнѣ! Но межь тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 марта 1836.

III.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и Пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честного,
Какъ будто у крыльца правителя градского,
Мы зримъ, — поставлено на мѣсто женъ святыхъ
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе — казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,

И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ?

1 іюня.

IV.

Подражаніе итальянскому.

Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

22 іюня 1836. Кам. Остр.

V.

Изъ VI Пиндемонте.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова! *)
Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —

*) Hamlet.—*А. П.*

Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!..

5 іюля.

VI.

Молитва.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
„Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
„И празднословія не дай душѣ моей;
„Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
„Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
„И духъ смиренія, терпѣнія, любви
„И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“

22 іюля.

VII.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,

Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами отъ столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня унынie находитъ:
Хоть плюнуть, да бѣжать.
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

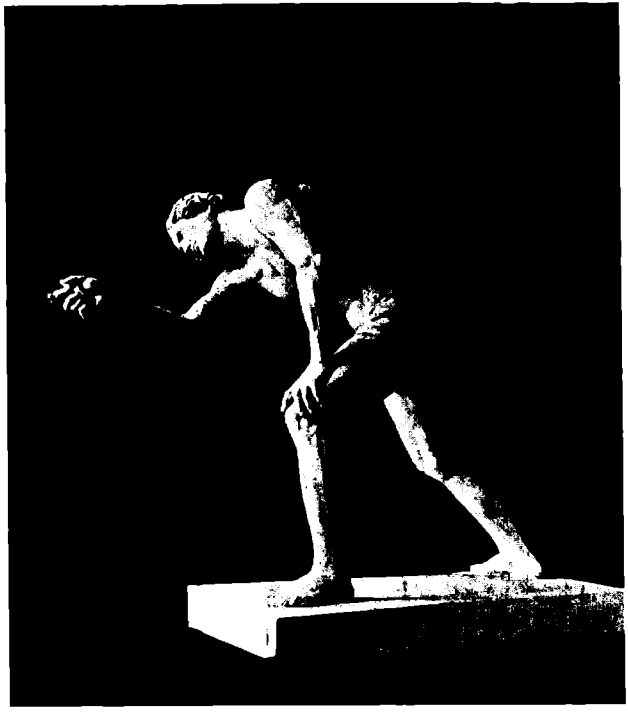
14 августа. Каменный Островъ.

VIII.

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —



Пушкинъ. Т во „Просвѣщеніе" въ Спб

Игра въ бабки.

Статуя проф. Н. С. Пименова.

Русскій музей Императора Александра III. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ *).

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836. Авг. 21. Кам. Остр.

IX.

На статуи:

I. Мальчика, играющаго въ бабки.

(Работы Н. Пименова).

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ онъ мѣткую кость.
Вотъ, ужь прицѣлился... Прочь! Раздавайся, народъ любопытный;
Врознь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

---

*) Первоначально эта строфа была написана такъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу,
И милосердіе воспѣлъ.

II. Мальчика, играющаго въ свайку.

(Работы Н. Логановскаго).

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! Онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать...

Октябрь 1836.

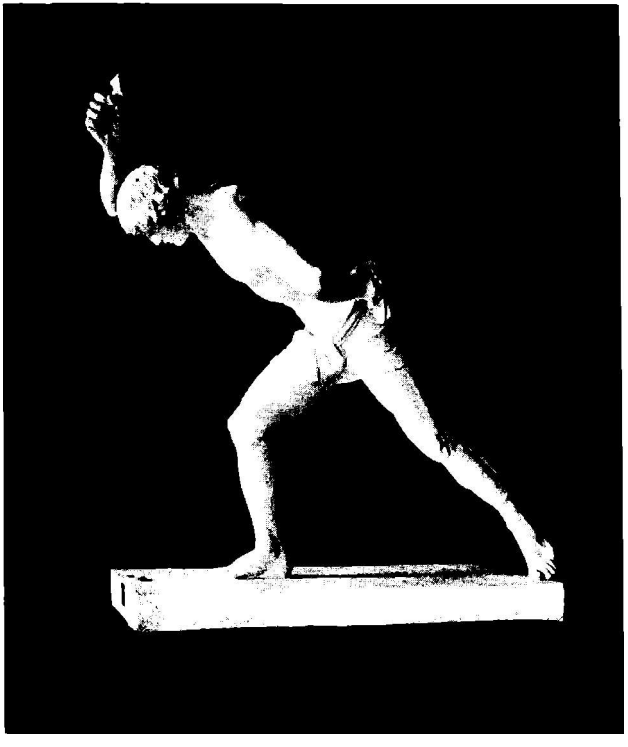
X.

19 октября 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межь нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается,
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужь двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной, —
И какъ они перемѣнили насъ!



Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

Игра въ свайку.

Статуя проф. А. В Логановскаго.

Русскій музей Императора Александра III. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други: съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ [1]
Привѣтствіемъ межь царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните; текла за ратью рать; [2]
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!

Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его — и Русь оставилъ онъ,
Вознесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, суровый и могучій,
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлися новы тучи,
И ураганъ ихъ...

XI.

(Къ женѣ).

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

XII.

О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья,
Для чувствъ . . . всего.
Зачѣмъ . . . . . .
Могилу темную . . . . . .
Что въ смерти добраго?

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

А. С. Пушкинъ на смертномъ одрѣ.

Рисунокъ свинцовымъ карандашомъ съ натуры академика А. Н. Мокрицкаго.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(1832 — 1833).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: La Guzla, ou choix de Poësies Illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine. Неизвѣстный издатель говоритъ въ своемъ предисловіи, что собирая нѣкогда безыскусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсенъ,

а какой-то ученый нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ. С. А. Соболевскій, по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris, 18 Janvier 1835.

Je croyais, monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien de plaisir que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe, que nul n'est prophête en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent, et cette „douleur nompareille", comme dit Rabelais, nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai

à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume, que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources, où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: „Dei costumi dei Morlachi" dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étaient répétés avec l'interprêtation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entiérement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga et l'avait traduit sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est: „Sto se bieli u gorie zelenoi". Fortis a traduit: „Che mai

biancheggia nel verde bosco". Nodier a traduit bosco par plaine verdoyante; c'était mal tomber, car on me dit, que gorie veut dire colfine. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

I.

Видѣніе короля *).

Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди спятъ — королю лишь не спится:
Короля султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ ли какого шума?
Слышитъ,—воетъ ночная птица:
Она чуетъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключѣ-градѣ,
Не луна Ключъ-городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ.
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;

*) Ѳома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ, въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію, къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ онъ не согласился принять магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями,
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку *) ему досягаетъ...

Горе! Въ церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы **).
На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ на-голо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣняхъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣняхъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ несчастнаго старца),
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой ***).

*) Щиколодка, по московскому нарѣчію щиколка.
**) Такъ называютъ себя нѣкоторые иллирійскіе раскольники.
***) Фаланга — палочные удары по пятамъ.

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
„Будь надъ Босніей моей ты властелиномъ,
„Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ *).“
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И султанъ прислужниковъ кликнулъ.
И сказалъ: „Дать кафтанъ Радивою **)!
„Не бархатный кафтанъ, не парчевый,
„А содрать на кафтанъ Радивою
„Кожу съ брата его родного.“
Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо, и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
„Правъ Ты, Боже, меня наказуя!
„Плоть мою предай на растерзанье,
„Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!“

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью, въ потемкахъ,
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

---

*) Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.

**) Кафтанъ, обыкновенный подарокъ султановъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба *),
И пошли бусурмане на приступъ.

II.

Янко Марнавичъ.

Что въ разъѣздахъ бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный
Съ той поры, какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались **)
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумѣли гости;
Два могучіе беи побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала:
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.

*) Анахронизмъ.

**) Трогательный обычай братованія, у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ, освящается духовными обрядами.

Съ того времени онъ, тоскуя, бродитъ,
Словно волъ, ужаленный зміею.

Наконецъ, онъ на родину вернулся,
И вошелъ въ церковь святого Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
„Посмотри, жена, ты въ окошко,
„Видишь ли церковь Спаса отселѣ?“
Жена встала, въ окошко поглядѣла
И сказала: „На дворѣ полночь,
„За рѣкою густые туманы,
„За туманомъ ничего не видно.“
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
„Посмотри, что ты видишь въ окошко?“
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
„Вижу, вонъ, малый огонечекъ
„Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.“
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
„Отвори-ка, женка, ты окошко,
„Посмотри, что тамъ еще видно?“
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
„Вижу я на рѣкѣ сіянье,
„Близится оно къ нашему дому.“
Бей вздохнулъ и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

III.

Битва у Зеницы Великой *).

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На-бекрень надѣли свои шапкн,
И сказали: „Возьмите насъ съ собою **):
„Мы хотимъ воевать бусурмановъ."
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: „Милости просимъ!"
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать ***):
Беглербей со своими бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки ****);
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы Великой, —
Разбѣжались измѣнники далматы!
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: „Господь Богъ поможетъ,
„Мы домой воротимся съ тобою,
„И разскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ."
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти.

---

*) Неизвѣстно, къ какому происшествію относится эта пѣсня.

**) Потеря сраженія приписывается далматамъ, ненавистнымъ для влаховъ.

***) Жиды въ турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участь ихъ, — замѣчаетъ В. Скоттъ, — походитъ на участь летучей рыбы. Мериме.

****) Банялука, прежняя столица Боснійскаго пашалыка.

Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсной кучей мы переправляться,
Селихтаръ *) съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: „Дѣти,
„Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
„Намъ управиться съ ними невозможно.
„Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
„И спасайся тамъ отъ селихтара.“
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
Всѣ друзья, родные Радивою,
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
„Ты садись, Радивой, поскорѣе
„На коня моего вороного;
„Черезъ рѣчку вплавь переправляйся, —
„Конь тебя изъ погибели вымчитъ.“
Радивой Георгія не послушалъ,
На земь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

IV.

Ѳеодоръ и Елена.

. .
. . . . . .
Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.
Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба, отдѣлалась славно!

Вотъ, Стамати сталъ думать думу:

*) Селихтаръ, меченосецъ.

Какъ ему погубить бы Елену?
Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: „Ступай на кладбище,
„Отыщи подъ каменьями жабу,
„И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ."

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ каменьями жабу *),
И въ горшкѣ жиду ее приноситъ.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ христіанское имя
Нарещи такой поганой твари!).
Они жабу всю потомъ искололи,
И ее—ея жь кровью напоили:
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
„Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
„Отъ моей племянницы въ подарокъ."
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

•

Стала пухнуть прекрасная Елена;
Стали баять: Елена брюхата.

---

*) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится..
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
„Что скажу я милому мужу?“

Круглый годъ проходитъ, и Ѳеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
„Гдѣ жь Елена?“ наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой—и видитъ:
На постелѣ сидитъ его Елена.
„Встань, Елена!“—говоритъ Ѳеодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
„Господиинъ ты мой, клянусь Богомъ
„И пречистымъ именемъ Маріи, —
„Предъ тобою я не виновата;
„Испортили меня злые люди.“

Но Ѳеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
„Не сгублю я невиннаго младенца,
„Изъ нея выну его живого,
„При себѣ воспитывать буду.
„Я увижу, на кого онъ походитъ.
„Такъ навѣрно отца его узнаю
„И убью своего злодѣя.“

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что жь?—Намѣсто милаго дитяти,
Оиъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Ѳеодоръ: „Горе мнѣ, убійцѣ!
„Я сгубилъ Елену понапрасну:
„Предо мной она была невинна,
„А испортили ее злые люди.“

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно, —
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

„Я невинна. Жидъ и старый Стамати
„Черной жабой меня окормили.“
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Ѳеодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жида убилъ, какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V.

Влахъ въ Венеціи *).

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ, далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
„Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
„Тамъ цехины — что у насъ каменья.

„Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ
„И только что пьютъ да гуляютъ:
„Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
„И воротишься въ шитомъ долиманѣ,
„Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

*) Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

„И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
„Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
„И подарками тебя закидаютъ
„Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
„Воротись, когда разбогатѣешь."

Я послушался лукаваго далмата.
Вотъ живу, въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ, бывало, кого встрѣчу,
Слышу: „Здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!"
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

VI.

Гайдукъ Хризичъ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ,
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ *).
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына.
Имъ нельзя изъ пещеры выдти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.

*) Гайдукъ — глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
„Господь Богъ! Помилуй наши души!“
И упала мертвая на землю.
Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи отирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ:
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался,
Закричалъ онъ старшему брату:
„Милый братъ! Не губи свою душу;
„Ты напейся горячей моей крови,
„А умремъ мы голодною смертью,—
„Станемъ мы выходить изъ могилы,
„Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ *).“
Хризичъ всталъ и промолвилъ: „Полно!
Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.“
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали, какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

*) Западные славяне вѣрятъ существованію упырей (vampire). См. пѣсню о Маркѣ Якубовичѣ..

VII.

Похоронная пѣсня.

Іакинѳа Маглановича *).

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу:
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдетесь какъ-нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужь зажила;
Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ;
Умный мальчикъ у меня:
Ужь владѣетъ ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.

---

*) Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей Guzla, извѣстіе о старомъ гусляр̀ѣ Іакинѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь; но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе славянина-поэта. [Приведена выписка].

Тваркъ ушелъ давно ужь въ море;
Живъ иль нѣтъ — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу:
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

VIII.

Марко Якубовичъ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ,
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ:
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ;
Проситъ онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Марку:
„Это что подъ горою тамъ видно?“
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
„То кладбище наше родовое.“
Говоритъ незнакомый прохожій:
„Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
„Потому что мнѣ жить ужь недолго.“
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
„Три дня“, молвилъ, „ношу я подъ сердцемъ
„Бусурмана свинцовую пулю.
„Какъ умру, ты зарой мое тѣло
„За горой, подъ зеленою ивой,
„И со мной положи мою саблю,
„Потому что я славный былъ воинъ.“

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
„Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
„Поддержать гостя нашего долѣ.“
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ, проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу калуеръ приходитъ, —
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
„Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
„Посмотри на бѣлую его шею:
„Видишь ты кровавую ранку?
„Это зубъ вурдалака, повѣрь мнѣ.“ *)

Вся деревня за старцемъ калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ — трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли, какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ и проворно

*) Вурдалаки, вудкодлаки, упыри,—мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
Стременами острыми язвима,
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь, какъ замерзлые прутья.

Калуеръ могильною землею *)
Ребенка больного всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
„Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
„Въ эту пору, умеръ злой прохожій.“

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись;
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ, охотникомъ гонимый.

На другія сутки, въ ту же пору,
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый;
Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.

---

*) Лѣкарствомъ отъ укушенія упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марка;
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый —
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужь онъ не возвращался.

IX.

Бонапартъ и Черногорцы.

„Черногорцы? что такое?
„Бонапарте вопросилъ:
„Правда ль: это племя злое
„Не боится нашихъ силъ?

„Такъ раскаются жь нахалы:
„Объявить ихъ старшинамъ,
„Чтобы ружья и кинжалы
„Всѣ несли къ моимъ ногамъ.“

Вотъ, онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незванныхъ ждемъ;
Вотъ, они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ — смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

„Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
„Черногорца одного.
„Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
„Не щадите жь никого!“

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ: „Это что?“
Удивясь, они сказали:
„Эхо, что ли?“ Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ;
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

X.

Соловей.

(Изъ Вука Стефановича).

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль, у малой птицы,
Неизмѣнныя три пѣсни;
У меня ли, у молодца,
Три великія заботы:
Какъ ужь первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужь третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки;
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

XI.

Пѣсня о Георгіи Черномъ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся, —
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся;
Старый Петро сына укоряетъ:
„Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
„Не боишься ты Господа Бога!

„Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
„Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
„Аль о двухъ головахъ ты родился?
„Пропадай ты себѣ, окаянный,
„Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?"
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
„Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
„Коли лаешь безумныя рѣчи."
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ,
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
„Воротися, отецъ, воротися,
„Отпусти мнѣ невольное слово."
Старый Петро не слушаетъ, грозится:
„Вотъ, ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!"
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу:
„Воротись, ради Господа Бога:
„Не введи ты меня въ искушенье!"
Отпихнулъ старикъ его сердито
И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
„Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!"
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
„Что, Георгій, куда дѣлся Петро?"

Отвѣчаетъ Георгій суровo:
„За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
„И заснулъ на бѣлградской дорогѣ *).“
Догадалась она, завопила:
„Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
„Коль убилъ ты отца родного!“
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

XII.

Воевода Милошъ.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-янычары,
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужь и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ;
„Долго ль намъ мирволить янычарамъ?
„Долго ль намъ терпѣть оплеухи?
„Или вы ужь не сербы — цыганы?
„Или вы не мужчины — старухи?
„Вы бросайте ваши бѣлые домы,
„Уходите въ Велійское ущелье —
„Тамъ гроза готовится на турокъ,
„Тамъ дружину свою собираетъ
„Старый сербинъ, воевода Милошъ.“

*) По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: „Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги“.

XIII.

Вурдалакъ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ:
„Боже!“ — думаетъ бѣднякъ, —
„Это вѣрно кости гложетъ
„Красногубый вурдалакъ.

„Горе! малый я не сильный:
„Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
„Если самъ земли могильной
„Я съ молитвою не съѣмъ“.

Что же? вмѣсто вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

XIV.

Сестра и братья *).

(Изъ Вука Стефановича).

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;

*) Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межь ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ.
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха,
На золовку стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
„Невѣстушка, по Богу сестрица!
„Не знаешь ли ты зелія такого,
„Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?“
Отвѣчаетъ Радулова люба:
„По Богу сестра моя, невѣстка,
„Я не знаю зелія такого;
„Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
„И меня братья мои любили,
„И мнѣ всякую оказывали милость.“
Вотъ, пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня вороного,
И сказала своему господину:
„Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
„На бѣду даришь ей подарки:
„Извела она коня вороного.“
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
„За что это? скажи Бога ради.“
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
„Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
„Клянусь жизнью твоею и моею!“
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ, Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
„Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
„На бѣду даришь ты ей подарки:

„Вѣдь она сокола заколола."
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
„За что это? скажи Бога ради."
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
„Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
„Клянусь жизнью твоей и моею!"
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ, Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лицо терзая.
„Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
„На бѣду даришь ты ей подарки:
„Заколола у насъ она ребенка;
„А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
„Осмотри ты ножъ ея злаченый."
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ въ свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ, —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
„Ой, сестра, убей тебя Боже!
„Извела ты коня вороного,
„И въ саду сокола заколола;
„Да за что ты зарѣзала ребенка?"
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
„Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
„Клянусь жизнью твоей и моею!
„Коли жь ты не вѣришь моей клятвѣ,
„Выведи меня въ чистое поле,
„Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ:
„Пусть они мое бѣлое тѣло
„Разорвутъ на четыре части."

Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ:
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молода Павлиха;
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
„Слышишь ли, господинъ ты мой Павелъ,
„Сведи меня къ золовкиной церкви,
„У той церкви авось исцѣлюся.“
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
„Не входи, молодая Павлиха,
„Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.“
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
„Господинъ ты мой! Прошу тебя Богомъ,
„Не веди ты меня къ бѣлому дому,
„А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
„И пусти ихъ по чистому полю.“
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ тернье да крапива,
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.

Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

XV.

Янышъ-королевичъ *).

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься,
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогой.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

*) Пѣсня о Янышѣ-королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю.

Вотъ, проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоить студёною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,—
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня вороного,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
„Разскажи, какое ты творенье:
„Женщина ль тебя породила,
„Иль Богомъ проклятая Вила?
Отвѣчаетъ ему Водяница:
„Родила меня молодая Елица,
„Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
„А зовутъ меня Водяницей.“
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвилъ:
„Гдѣ, скажи, твоя мать—Елица?
„Я слыхалъ, что она потонула.“
Отвѣчаетъ ему Водяница:
„Мать моя — царица водяная;
„Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
„Надъ рѣками и надъ озерами;

„Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ:
„Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба."
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
„Такъ иди же къ водяной царицѣ,
„И скажи ей: Янышъ-королевичъ
„Ей поклонъ усердный посылаетъ,
„И у ней свиданія проситъ
„На зеленомъ берегу Моравы.
„Завтра я заѣду за отвѣтомъ."
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: „Янышъ-королевичъ!
„У меня свиданія просилъ ты:
„Говори, чего еще ты хочешь?"
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
„Люба ты моя, млада Елица,
„Выдь ко мнѣ на зеленый берегъ,
„Поцѣлуй меня по-прежнему сладко,
„По-прежнему полюблю тебя крѣпко."
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
„Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
„Я къ тебѣ на зеленый берегъ.
„Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
„Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
„Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
„Каково, счастливо ль поживаешь
„Съ новой любой, съ молодой женою?"
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
„Противъ милой жена не утѣщитъ."

XVI.

Конь.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?

Отвѣчаетъ конь печальный:
„Оттого я присмирѣлъ,
„Что я слышу топотъ дальный,
„Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
„Оттого я ржу, что въ полѣ
„Ужь не долго мнѣ гулять,
„Проживать въ красѣ и въ холѣ,
„Свѣтлой сбруей щеголять;
„Что ужь скоро врагъ суровый
„Сбрую всю мою возьметъ,
„И серебряны подковы
„Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
„Оттого мой духъ и ноетъ,
„Что намѣсто чапрака,
„Кожей онъ твоей покроетъ
„Мнѣ вспотѣвшіе бока“.

XVII.

(Отрывокъ).

Что бѣлѣется на горѣ зеленой?
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы?
Былъ бы снѣгъ — онъ давно бъ растаялъ

Были бъ лебеди — они бъ улетѣли:
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
Онъ лежитъ на немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и матерь;
Его люба не пришла, застыдилась.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
„Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
„Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ...“

. . . . . .

СКАЗКИ.

I.

Царь Никита

и его сорокъ дочерей.

(1822).

Царь Никита жилъ когда-то
Славно, мирно и богато,
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой;
Что за глазки — Боже мой!
Ротикъ алый, темный волосъ,
Ножки — чудо! Нѣжный голосъ
Васъ съ ума свести бы могъ!
Словомъ, съ головы до ногъ
Чувство, душу, все плѣняло —
Одного недоставало...
Да чего же одного?

Такъ, бездѣлки, ничего,
Ничего иль очень мало,
Все равно — недоставало ...
Какъ бы это изъяснить,
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры?..
. . . . . .

II.

Женихъ.

(1825).

Три дня купеческая дочь
Н т ш р д л ;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать;
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились, наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ
Съ подружками своими
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними

Лихая тройка съ молодцомъ,
Конями, крытыми ковромъ;
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ, и давитъ.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ:
„Онъ! онъ! узнала!“ говоритъ,
„Онъ, точно онъ! держите,
„Друзья мои, спасите!“

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: „Милая моя,
„Откройся предо мною,
„Обидѣлъ кто тебя, — скажи,
„Хоть только слѣдъ намъ укажи.“
Наташа плачетъ снова,
И болѣе ни слова.

На утро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданая приходитъ,
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
„У васъ товаръ, у насъ купецъ;
„Собою парень молодецъ,
„И статный, и проворный,
„Не вздорный, не зазорный.

„Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
„Не кланяется въ поясъ,
„А какъ бояринъ, между тѣмъ,
„Живетъ, не безпокоясь;

„А подаритъ невѣстѣ вдругъ
„И лисью шубу, и жемчугъ,
„И перстни золотые,
„И платья парчевыя.

„Катаясь, видѣлъ онъ вчера
„Ее за воротами;
„Не по рукамъ ли, да съ двора,
„Да въ церковь съ образами?“
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

„Согласенъ“, говоритъ отецъ;
„Ступай благополучно,
„Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
„Одной въ свѣтелкѣ скучно.
„Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
„Не все касаткѣ распѣвать,
„Пора гнѣздо устроить,
„Чтобъ дѣтушекъ покоить.“

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятеньѣ сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поитъ
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья...
Опомнилась Наташа
И говоритъ: „Послушна я,
„Святая воля ваша.
„Зовите жениха на пиръ,

„Пеките хлѣбы на весь міръ,
„На славу медъ варите,
„Да судъ на пиръ зовите.“

„Изволь, Наташа, ангелъ мой!
„Готовъ тебѣ въ забаву
„И жизнь отдать!“ — И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ, гости честные нашли;
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ;
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всѣ за столъ.
Звенятъ, гремятъ стаканы;
Заздравный ковшъ кругомъ пошелъ;
Все шумно, гости пьяны.

Женихъ.

„А что же, милые друзья,
„Невѣста красная моя
„Не пьетъ, не ѣстъ, не сдужитъ?
„О чемъ невѣста тужитъ?“

Невѣста жениху въ отвѣтъ:
„Откроюсь наудачу.
„Душѣ моей покоя нѣтъ;
„И день, и ночь я плачу:
„Недобрый сонъ меня крушитъ.“
Отецъ ей: „Что жь твой сонъ гласитъ?
„Скажи намъ, что такое,
„Дитя мое родное?“

„Мнѣ снилось“, говоритъ она,
„Зашла я въ лѣсъ дремучій,
„И было поздно; чуть луна
„Свѣтила изъ-за тучи;

„Съ тропинки сбилась я: въ глуши
„Не слышно было ни души,
„И сосны лишь да ели
„Вершинами шумѣли.

„И вдругъ, какъ будто наяву,
„Изба передо мною.
„Я къ ней; стучу — молчать; зову —
„Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
„Дверь отворила я. Вхожу —
„Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
„Вездѣ сребро, да злато,
„Все свѣтло и богато.“

Женихъ.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать, жить тебѣ богато.

Невѣста.

„Постой, сударь, не конченъ онъ.
„На серебро, на злато,
„На сукна, коврики, парчу,
„На новгородскую камчу
„Я молча любовалась,
„И диву дивовалась.

„Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
„Подъѣхали къ крылечку...
„Я поскорѣе дверью хлопъ
„И спряталась за печку.
„Вотъ, слышу много голосовъ...
„Взошли двѣнадцать молодцовъ,
„И съ ними голубица
„Красавица-дѣвица.

„Взошли толпой, не поклонясь,
„Иконъ не замѣчая;

„За столъ садятся, не молясь
„И шапокъ не снимая.
„На первомъ мѣстѣ братъ большой,
„По праву руку братъ меньшой,
„По лѣву—голубица
„Красавица-дѣвица.

„Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
„Разгульное похмѣлье...“

Женихъ.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье.

Невѣста.

„Постой, сударь, не конченъ онъ.
„Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ,
„Пиръ весело бушуетъ,
„Лишь дѣвица горюетъ.

„Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
„И токомъ слезы точитъ,
„А старшій братъ свой ножъ беретъ,
„Присвистывая точитъ;
„Глядитъ на дѣвицу-красу,
„И вдругъ хватаетъ за косу:
„Злодѣй дѣвицу губитъ,
„Ей праву руку рубитъ.“

Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.

Она глядитъ ему въ лицо.
„А это съ чьей руки кольцо?“

Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенитъ,
Женихъ дрожитъ, блѣднѣя;
Смутились гости — судъ гласитъ:
„Держи, вязать злодѣя!“
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

III.

Начало сказки.

(1830).

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу изъ дремучаго,
Выходила медвѣдиха,
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежь собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возьмись — мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной, —
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
„Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
„Перестаньте валятися,

„Обниматися, кувыркатися!
„Становитесь, хоронитесь за меня:
„Ужь я васъ мужику не выдамъ,
„Я сама мужику *[брюхо]* выѣмъ!“
Медвѣжатушки испугалися,
За медвѣдиху бросалися,
А медвѣдиха осержалася, —
На дыбы поднималася;
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю:
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклалъ
А поклавши-то домой пошелъ:
„Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ —
„Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ;
„А что вотъ тебѣ подарочекъ —
„Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ“.

Не звоны пошли по городу, —
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли сударушку
Чернобурую медвѣдиху:
„Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
„На кого меня покинула,
„Вдовца несчастнаго,
„Вдовца горемычнаго?
„Ужь какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

„Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ“.

Рис. В. М. Васнецова.

„Веселой игры не игрывати,
„Милыхъ дѣтушекъ не родити,
„Медвѣжатушекъ не качати,
„Не качати, не баюкати!“
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю, ко боярину,
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе;
Прибѣгалъ туть волкъ - дворянинъ:
У него - то зубы закусливые,
У него - то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость:
У него - то бобра жирный хвостъ.
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила бѣлочка - княгинечка,
Приходила лисица - подъячиха—
Подъячиха, казначеиха.
Приходилъ скоморохъ горностаюшка;
Прибѣгалъ тутъ зайка - смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій;
Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ байбакъ, позади гумянъ;
Приходилъ цѣловальникъ-ежъ:
Все - то онъ ежъ, ежится,
Все-то онъ щетинится...

. . . .

IV.

Сказка о царѣ Салтанѣ,

сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.

(1831).

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
„Кабы я была царица,“
Говоритъ одна дѣвица,

„То сама на весь бы міръ
„Приготовила я пиръ."
— „Кабы я была царица,"
Говоритъ ея сестрица,
„То на весь бы міръ одна
„Наткала я полотна".
— „Кабы я была царица,"
Третья молвила сестрица,
„Я бъ для батюшки-царя
„Родила богатыря."

Только вымолвить успѣла,—
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй, красная дѣвица,"
Говоритъ онъ: „будь царица,
„И роди богатыря
„Мнѣ къ исходу сентября.
„Вы жь, голубушки-сестрицы,
„Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
„Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
„Вслѣдъ за мной и за сестрой:
„Будь одна изъ васъ ткачиха,
„А другая повариха."

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости

На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ — себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ, —
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести его хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другого
Вотъ съ чѣмъ, отъ слова до слова:
„Родила царица въ ночь
„Не то сына, не то дочь,
„Не мышенка, не лягушку,
„А невѣдому звѣрюшку.“

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,

Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца велѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
„Ждать царева возвращенья
„Для законнаго рѣшенья.“

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ, наконецъ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ,
До пьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
„Царь велитъ своимъ боярамъ,
„Времени не тратя даромъ,
„И царицу, и приплодъ
„Тайно бросить въ бездну водъ.“
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой,
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ окіянъ —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ
Туча по небу идетъ,

Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
„Ты, волна моя, волна!
„Ты гульлива и вольна;
„Плещешь ты, куда захочешь;
„Ты морскіе камни точишь,
„Топишь берегъ ты земли,
„Подымаешь корабли;
„Не губи ты нашу душу, —
„Выплесни ты насъ на сушу!“
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
„Намъ продѣлать?“ молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ, однако, нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ

И въ тугой сгибаетъ лукъ.
Со креста снурокъ шелковый
Натянулъ на лукъ дубовый,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой завострилъ
И пошелъ на край долины,
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ, и слышитъ будто стонъ...
Видно, на морѣ не тихо;
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та, бѣдняжка, такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужь когти распустилъ,
Клювъ кровавый навострилъ *)...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла, —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топитъ —
И царевичу потомъ
Молвитъ русскимъ языкомъ:
„Ты, царевичъ, мой спаситель,
„Мой могучій избавитель!

*) Послѣ этого стиха въ рукописи зачеркнуто:
Кличетъ лебедь безотрадно...
Стало жалко и досадно
Моему богатырю:
„Я те, лебедь, подарю!"
Молвилъ онъ — стрѣла запѣла, и т. д.

„Не тужи, что за меня
„Ѣсть не будешь ты три дня,
„Что стрѣла пропала въ морѣ;
„Это горе — все не горе.
„Отплачу тебѣ добромъ,
„Сослужу тебѣ потомъ:
„Ты не лебедь вѣдь избавилъ, —
„Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
„Ты не коршуна убилъ, —
„Чародѣя подстрѣлилъ.
„Ввѣкъ тебя я не забуду,
„Ты найдешь меня повсюду.
„А теперь ты воротись,
„Не горюй и спать ложись.“

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натощакъ.
Вотъ, открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой:
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!.. „То ли будетъ!“
Говоритъ онъ, — „вижу я:
„Лебедь тѣшится моя.“
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;

Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ,
И нарекся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый, златоглавый,
Пристань съ крѣпкою заставой;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
„И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
„Торговали соболями,
„Чернобурыми лисами;
„А теперь намъ вышелъ срокъ,
„Ѣдемъ прямо на востокъ,
„Мимо острова Буяна,
„Въ царство славнаго Салтана.“

Князь имъ вымолвилъ тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
„По морю, по окіяну,
„Къ славному царю Салтану:
„Отъ меня ему поклонъ.“ —
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальный;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
„Что ты тихъ, какъ день ненастный?
„Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
„Одолѣла молодца:
„Видѣть я бъ хотѣлъ отца.“ —
Лебедь князю: „Вотъ въ чемъ горе!
„Ну, послушай: хочешь въ море
„Полетѣть за кораблемъ?
„Будь же, князь, ты комаромъ.“
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился,
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,

И желанная страна
Вотъ ужь издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
„Долго ль ѣздили? куда?
„Ладно ль за моремъ, иль худо?
„И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
„За моремъ житье не худо,
„Въ свѣтѣ жь вотъ какое чудо:
„Въ морѣ островъ былъ крутой,
„Не привольный, не жилой;
„Онъ лежалъ пустой равниной;
„Росъ на немъ дубокъ единый;
„А теперь стоитъ на немъ
„Новый городъ со дворцомъ,
„Съ златоглавыми церквами,
„Съ теремами и садами,
„А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
„Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.“
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: „Коль живъ я буду,
„Чудный островъ навѣщу,

„У Гвидона погощу.“
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
„Ужь диковинка, ну, право,“
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ:
„Городъ у моря стоитъ!
„Знайте, вотъ что не бездѣлка:
„Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
„Бѣлка пѣсенки поетъ
„И орѣшки все грызетъ,
„А орѣшки не простые, —
„Все скорлупки золотыя,
„Ядра — чистый изумрудъ.
„Вотъ что чудомъ-то зовутъ.“
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара:
„Распроклятая ты мошка!
„Мы тебя!..“ А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ *),

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ

*) Далѣе въ рукописи зачеркнуто:
Тамъ у берега морского
Очутился онъ, и снова
Княземъ сталъ онъ изъ комара.
Князь у синя моря ходитъ и пр.

Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
„Что жь ты тихъ, какъ день ненастный?
„Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
„Чудо чудное завесть
„Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
„Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
„Диво, право, не бездѣлка:
„Бѣлка пѣсенки поетъ,
„Да орѣшки все грызетъ,
„А орѣшки не простые, —
„Все скорлупки золотыя,
„Ядра — чистый изумрудъ;
„Но, быть можетъ, люди врутъ.“ —
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
„Это чудо знаю я;
„Полно, князь, душа моя,
„Не печалься; рада службу
„Оказать тебѣ я въ дружбу.“
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкій —
Что жь? Подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ при всемъ народѣ:
„Во саду ли въ огородѣ.“
Изумился князь Гвидонъ.
„Ну, спасибо,“ молвилъ онъ,

„Ай да лебедь — дай ей, Боже,
„Что и мнѣ, веселье то же.“ —
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ, и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
„И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
„Торговали мы конями,
„Все донскими жеребцами,
„А теперь намъ вышелъ срокъ —
„И лежитъ намъ путь далекъ:
„Мимо острова Буяна,
„Въ царство славнаго Салтана.“
Говоритъ имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
„По морю, по окіяну,
„Къ славному царю Салтану;
„Да скажите: князь Гвидонъ
„Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужь гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: „Душа-де проситъ,
„Такъ и тянетъ, и уноситъ...“
Вотъ, опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужь издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа!
„Долго ль ѣздили? Куда?
„Ладно ль за моремъ, иль худо,
„И какое въ свѣтѣ чудо?“

Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
„За моремъ житье не худо;
„Въ свѣтѣ жь вотъ какое чудо:
„Островъ на морѣ лежитъ,
„Градъ на островѣ стоитъ
„Съ златоглавыми церквами,
„Съ теремами да садами;
„Ель ростетъ передъ дворцомъ,
„А подъ ней хрустальный домъ;
„Бѣлка тамъ живетъ ручная,
„Да затѣйница какая!
„Бѣлка пѣсенки поетъ,
„Да орѣшки все грызетъ,
„А орѣшки не простые, —
„Все скорлупки золотыя,
„Ядра — чистый изумрудъ;
„Слуги бѣлку стерегутъ,
„Служатъ ей прислугой разной —
„И приставленъ дьякъ приказный
„Строгій счетъ орѣхамъ весть;
„Отдаетъ ей войско честь;
„Изъ скорлупокъ льютъ монету,
„Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
„Дѣвки сыплютъ изумрудъ
„Въ кладовыя, да подъ спудъ;
„Всѣ въ томъ островѣ богаты,
„Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
„А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
„Онъ тебѣ прислалъ поклонъ.“
Царь Салтанъ дивится чуду:
„Если только живъ я буду,
„Чудный островъ навѣщу,
„У Гвидона погощу.“
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить

Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
„Что тутъ дивнаго? Ну, вотъ!
„Бѣлка камушки грызетъ,
„Мечетъ золото, и въ груды
„Загребаетъ изумруды;
„Этимъ насъ не удивишь.
„Правду ль, нѣтъ ли говоришь,
„Въ свѣтѣ есть иное диво:
„Море вздуется бурливо,
„Закипитъ, подыметъ вой,
„Хлынетъ на берегъ пустой,
„Разольется въ шумномъ бѣгѣ
„И очутятся на брегѣ,
„Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
„Тридцать три богатыря,
„Всѣ красавцы удалые,
„Великаны молодые,
„Всѣ равны, какъ на подборъ,
„Съ ними дядька Черноморъ.
„Это диво, такъ ужь диво,
„Можно молвить справедливо!“
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ, и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ.
И ткачиха поблѣднѣла
„Ай!“ и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: „Лови, лови,
„Да дави ее, дави...
„Вотъ, ужо! Постой немножко,
„Погоди..“ А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
„Что ты тихъ, какъ день ненастный?
„Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
„Дивно бъ дивное хотѣлъ
„Перенесть я въ свой удѣлъ.“
— А какое жь это диво?
„Гдѣ-то вздуется бурливо
„Окіянъ, подыметъ вой,
„Хлынетъ на берегъ пустой,
„Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
„И очутятся на брегѣ,
„Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
„Тридцать три богатыря,
„Всѣ красавцы молодые,
„Великаны удалые,
„Всѣ равны, какъ на подборъ,
„Съ ними дядька Черноморъ.“
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
„Не тужи, душа моя:
„Это чудо знаю я.
„Эти витязи морскіе
„Мнѣ, вѣдь, братья всѣ родные.
„Не печалься же, ступай,
„Въ гости братцевъ поджидай“.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,

Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами
И, блистая сѣдинами,
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
„Лебедь насъ къ тебѣ послала
„И наказомъ наказала
„Славный городъ твой хранить
„И дозоромъ обходить.
„Мы отнынѣ ежеденно
„Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
„У высокихъ стѣнъ твоихъ
„Выходить изъ водъ морскихъ.
„Такъ увидимся мы вскорѣ,
„А теперь пора намъ въ море:
„Тяжекъ воздухъ намъ земли".
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ, и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ;

„Чѣмъ вы, гости торгъ ведете?
„И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
„Торговали мы булатомъ,
„Чистымъ серебромъ и златомъ,
„И теперь намъ вышелъ срокъ;
„А лежитъ намъ путь далекъ, —
„Мимо острова Буяна,
„Въ царство славнаго Салтана,“
Говоритъ имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
„По морю, по окіяну,
„Къ славному царю Салтану;
„Да скажите жь: князь Гвидонъ
„Шлетъ-де свой царю поклонъ.“

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужь гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ, и уноситъ...
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна

Вотъ ужь издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
„Долго ль ѣздили? куда?
„Ладно ль за моремъ иль худо?
„И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
„За моремъ житье не худо;
„Въ свѣтѣ жь вотъ какое чудо:
„Островъ на морѣ лежитъ,
„Градъ на островѣ стоитъ;
„Каждый день идетъ тамъ диво:
„Море вздуется бурливо,
„Закипитъ, подыметъ вой,
„Хлынетъ на берегъ пустой,
„Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
„И останутся на брегѣ
„Тридцать три богатыря,
„Въ чешуѣ златой горя,
„Всѣ красавцы молодые,
„Великаны удалые,
„Всѣ равны, какъ на подборъ;
„Старый дядька Черноморъ

„Съ ними изъ моря выходитъ
„И попарно ихъ выводитъ,
„Чтобы островъ тотъ хранить
„И дозоромъ обходить;
„И той стражи нѣтъ надежнѣй,
„Ни храбрѣе, ни прилежнѣй;
„А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
„Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.“
Царь Салтанъ дивится чуду:
„Коли живъ я только буду,
„Чудный островъ навѣщу
„И у князя погощу.“
Повариха и ткачиха
Ни-гугу — но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
„Кто насъ этимъ удивитъ?
„Люди изъ моря выходятъ
„И себѣ дозоромъ бродятъ!
„Правду ль баютъ или лгутъ, —
„Дива я не вижу тутъ.
„Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
„Вотъ, идетъ молва правдива:
„За моремъ царевна есть,
„Что не можно глазъ отвесть:
„Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
„Ночью землю освѣщаетъ,
„Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
„А во лбу звѣзда горитъ.
„А сама-то величава,
„Выплываетъ будто пава;
„А какъ рѣчь-то говоритъ, —
„Словно рѣченька журчитъ.
„Молвить можно справедливо,
„Это диво, такъ ужь диво“.
Гости умные молчатъ,
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,

А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради Бога!
„Караулъ! Лови, лови,
„Да дави его, дави...
„Вотъ, ужо! пожди немножко,
„Погоди!..“ А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
„Что жь ты тихъ, какъ день ненастный?
„Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
—„Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
„Люди женятся; гляжу, —
„Не женатъ лишь я хожу.“—
„А кого же на примѣтѣ
„Ты имѣешь?“ — „Да на свѣтѣ
„Говорятъ, царевна есть,
„Что не можно глазъ отвесть;
„Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
„Ночью землю освѣщаетъ,
„Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
„А во лбу звѣзда горитъ.
„А сама-то величава,

„Выступаетъ, будто пава;
„Сладку рѣчь-то говоритъ,
„Будто рѣченька журчитъ.
„Только, полно, правда ль это?“
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
„Да, такая есть дѣвица.
„Но жена не рукавица:
„Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
„Да за поясъ не заткнешь.
„Услужу тебѣ совѣтомъ —
„Слушай: обо всемъ объ этомъ
„Поразумай ты путемъ,
„Не раскаяться бъ потомъ“.
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: „Зачѣмъ далеко?
„Знай, близка судьба твоя:
„Вѣдь царевна эта — я“.
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась —
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;

А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ.
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
„Государыня родная!
„Выбралъ я жену себѣ,
„Дочь послушную тебѣ;
„Просимъ оба разрѣшенья,
„Твоего благословенья!
„Ты дѣтей благослови
„Жить въ совѣтѣ и въ любви".
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
„Богъ васъ, дѣти, наградитъ".
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался,
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Оиъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости;
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
„И куда теперь плывете?"

Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
„Торговали мы не даромъ
„Неуказаннымъ товаромъ;
„А лежитъ намъ путь далекъ:
„Во свояси, на востокъ,
„Мимо острова Буяна,
„Въ царство славнаго Салтана.“
Князь имъ вымолвилъ тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
„По морю по окіяну,
„Къ славному царю Салтану;
„Да напомните ему,
„Государю своему:
„Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
„А доселѣ не собрался.
„Шлю ему я свой поклонъ.“ —
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужь издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости;
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:

„Ой вы, гости-господа,
„Долго ль ѣздили? Куда?
„Ладно ль за моремъ, иль худо?
„И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
„За моремъ житье не худо,
„Въ свѣтѣ жь вотъ какое чудо:
„Островъ на морѣ лежитъ,
„Градъ на островѣ стоитъ,
„Съ златоглавыми церквами,
„Съ теремами и садами;
„Ель ростетъ передъ дворцомъ,
„А подъ ней хрустальный домъ:
„Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
„Да чудесница какая!
„Бѣлка пѣсенки поетъ,
„Да орѣшки все грызетъ;
„А орѣшки не простые, —
„Скорлупы-то золотыя,
„Ядра — чистый изумрудъ;
„Бѣлку холятъ, берегутъ.
„Тамъ еще другое диво:
„Море вздуется бурливо,
„Закипитъ, подыметъ вой,
„Хлынетъ на берегъ пустой,
„Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
„И очутятся на брегѣ,
„Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
„Тридцать три богатыря,
„Всѣ красавцы удалые,
„Великаны молодые,
„Всѣ равны, какъ на подборъ,
„Съ ними дядька Черноморъ.
„И той стражи нѣтъ надежнѣй,
„Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
„А у князя жёнка есть,

„Что не можно глазъ отвесть:
„Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
„Ночью землю освѣщаетъ;
„Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
„А во лбу звѣзда горитъ.
„Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
„Всякъ его усердно славитъ;
„Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
„Да тебѣ пеняетъ онъ:
„Къ намъ-де въ гости обѣщался,
„А доселѣ не собрался."

Тутъ ужь царь не утерпѣлъ, —
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
„Что я? Царь или дитя?"
Говоритъ онъ, не шутя.
„Ныньче жь ѣду!" — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ, —
И въ лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
„Матушка моя родная!
„Ты, княгиня молодая!

„Посмотрите вы туда:
„Ѣдетъ батюшка сюда“.
Флотъ ужь къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили,
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ паря,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты,
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкій:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ — торопливо
Смотрятъ — что жь? Княгиня-диво:

Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ...
Въ немъ взыграло ретивое!
„Что я вижу? Что такое?
„Какъ!“ И духъ въ немъ занялся...
Царь слезами заѣился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка, и молодицу,
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царъ для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

V.

Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ.

(1831).

Жилъ-былъ попъ,
Толоконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда

Идетъ, самъ не зная куда.
Говоритъ попу: „Здравствуй, борода!
„Что ты, батька, такъ рано поднялся?
„Чего ты взыскался?“
Попъ ему въ отвѣтъ:
„Нуженъ мнѣ работникъ —
„Поваръ, конюхъ и плотникъ.
„А гдѣ найти мнѣ такого
„Служителя, не слишкомъ дорогого?“
Балда говоритъ:
„Буду служить тебѣ славно,
„Усердно и очень исправно
„Въ годъ за три щелка по лбу;
„Ѣсть же мнѣ давай вареную полбу“.
Призадумался попъ,
Сталъ почесывать лобъ:
Щелчокъ щелчку рознь...
Да понадѣялся на русскій авось.
Попъ говоритъ Балдѣ: „Ладно;
„Не будетъ намъ обоимъ накладно.
„Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
„Окажи свое усердье и проворье“.
Живетъ Балда въ поповомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣстъ за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До-свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балдѣ лишь и печалится,
Попенокъ зоветъ его тятей;
Кашу заваритъ, няньчится съ дитятей;
Одинъ попъ лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубитъ,
О расплатѣ думаетъ частенько.

Время идетъ, и срокъ ужь близенько.
Попъ не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ;
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ, онъ попадьѣ признается:
„Такъ и такъ, что дѣлать остается?“
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Попадья говоритъ: „Знаю средство,
„Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
„Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь,
„А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь;
„Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
„И Балду-то безъ расплаты отправишь“.
Стало на сердцѣ у попа веселѣе;
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ, онъ кричитъ: „Поди-ка сюда,
„Вѣрный мой работникъ Балда!
„Слушай: платить обязались черти
„Мнѣ оброкъ до самой моей смерти.
„Лучшаго бъ не надобно дохода,
„Да есть на нихъ недоимки за три года.
„Когда наѣшься ты своей полбы,
„Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный“.
Балда, съ попомъ понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ, изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ:
„Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?“
— Да вотъ, веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить. —
Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
„Скажи, за что такая немилость?“
— Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока,
Вотъ, ужо будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!

„Балдушка, погоди ты морщить море,
„Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
„Погоди, вышлю къ тебѣ внука".
Балда мыслитъ: „Этого провесть не штука!"
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ:
„Здравствуй, Балда-мужичекъ;
„Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
„Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали,
„Не было чертямъ такой печали;
„Ну, такъ и быть — возьми; да съ уговору,
„Съ общаго нашего приговору, —
„Чтобы впредь не было никому горя:
„Кто скорѣй изъ насъ обѣжитъ около моря,
„Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
„Между тѣмъ, приготовятъ тамъ и мѣшокъ".
Засмѣялся Балда лукаво:
„Что это ты выдумалъ, право?
„Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
„Со мною, съ самимъ Балдою?
„Экаго послали супостата!
„Подожди-ка моего меньшого брата".
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ,
У моря бѣсенка находитъ.
Держитъ Балда за уши одного зайку:
„Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
„Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,
„Со мною тягаться слабенекъ, —
„Это было бъ лишь времени трата;
„Обгони-ка сперва моего брата.
„Разъ, два, три! Догоняй-ка!"
Пустились бѣсенокъ и зайка:
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка — въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ обѣжавши,

Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладитъ.
Глядь, — а Балда братца гладитъ,
Приговаривая: „Братецъ мой любимый,
„Усталъ, бѣдняжка! Отдохни, родимый“.
Бѣсенокъ оторопѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
„Погоди“, говоритъ, „схожу за оброкомъ“.
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: „Бѣда!
„Обогналъ меня меньшой Балда!“
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось,
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ: „Полно, мужичекъ,
„Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
„Только слушай: видишь ты палку эту?
„Выбери себѣ любую мѣту —
„Кто далѣе палку броситъ,
„Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
„Что жь? Боишься вывихнуть ручки?
„Чего ты ждешь?“ — Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку. —
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду,
Разсказывать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумитъ,
Да чертямъ веревкой грозитъ.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: „Что ты хлопочешь?
„Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...“
— Нѣтъ, говоритъ Балда,
Теперь моя череда —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.

Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь, тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу — оброкъ ужь твой;
Не снесешь кобылы — онъ будетъ мой. —
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: „Глупый ты бѣсъ,
„Куда ты за нами полѣзъ?
„И руками снести не смогъ,
„А я, смотри, снесу промежь ногъ".
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
Испугался бѣсенокъ — и къ дѣду,
Разсказывать про такую побѣду.
Черти встали въ кружокъ,
Дѣлать нечего — собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, покрякиваетъ,
А попъ, завидя Балду, вскакиваетъ,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный попъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелка —
Прыгнулъ попъ до потолка;
Со второго щелка —
Лишился попъ языка;
А съ третьяго щелка —
Вышибло умъ у старика.

А Балда приговаривалъ съ укоризной:
„Не гонялся бы ты, попъ, за дешевизной!..“
13 сентября.

VI.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

(1833).

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ:
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ:
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ:
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
„Дорогой за себя дамъ откупъ:
„Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь.“
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
„Богъ съ тобою, золотая рыбка!
„Твоего мнѣ откупа не надо;
„Ступай себѣ въ синее море,
„Гуляй себѣ тамъ на просторѣ.“
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:

„Я сегодня поймалъ было рыбку,
„Золотую рыбку, не простую;
„По нашему говорила рыбка,
„Домой, въ море синее просилась,
„Дорогóю цѣною откупалась:
„Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
„Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
„Такъ пустилъ ее въ синее море."
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
„Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
„Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
„Наше-то совсѣмъ раскололось."
Вотъ, пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?"
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
„Разбранила меня моя старуха,
„Не даетъ старику мнѣ покою:
„Надобно ей новое корыто;
„Наше-то совсѣмъ раскололось."
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
„Будетъ вамъ новое корыто."
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
„Выпросилъ, дурачина, корыто!
„Въ корытѣ много ли корысти?
„Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ:
„Поклонись ей, выпроси ужь избу."
Вотъ, пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.

Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
„Еще пуще старуха бранится,
„Не даетъ старику мнѣ покою:
„Избу проситъ сварливая баба.“
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
„Такъ и быть: изба вамъ ужь будетъ.“
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ, —
А землянки нѣтъ ужь и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
„Дурачина ты, прямой простофиля!
„Выпросилъ, простофиля, избу!
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
„Не хочу быть черной крестьянкой,
„Хочу быть столбовою дворянкой.“

Пошелъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
„Пуще прежняго старуха вздурилась,
„Не даетъ старику мнѣ покою:
„Ужь не хочетъ быть она крестьянкой,
„Хочетъ быть столбовою дворянкой.“
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жь онъ видитъ? Высокій теремъ;
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
„Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
„Чай, теперь твоя душенька довольна?“
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вотъ, недѣля-другая проходитъ, —
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
„Не хочу быть столбовою дворянкой,
„А хочу быть вольною царицей.“
Испугался старикъ, взмолился:
„Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
„Ни ступить, ни молвить не умѣешь, —
„Насмѣшишь ты цѣлое царство.“
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною
„Со мною, дворянкой столбовою?
„Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
„Не пойдешь, поведутъ поневолѣ.“

Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:

„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
„Опять моя старуха бунтуетъ:
„Ужь не хочетъ быть она дворянкой;
„Хочетъ быть вольною царицей.“
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
„Добро! Будетъ старуха царицей!“

Старичекъ къ старухѣ воротился,
Что жь? Предъ нимъ царскія палаты:
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ — испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: „Здравствуй, грозная царица!
„Ну, теперь твоя душенька довольна?“
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали,
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
„Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
„Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
„Не садися не въ свои сани!“

Вотъ, недѣля-другая проходитъ, —
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.

Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбкѣ;
„Не хочу быть вольною царицей,
„Хочу быть владычицей морскою,
„Чтобы жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
„Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
„И была бъ у меня на посылкахъ."

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ, идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ: на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?"
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
„Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
„Ужь не хочетъ быть она царицей,
„Хочетъ быть владычицей морскою,
„Чтобы жить ей въ окіянѣ-морѣ,
„Чтобы ты сама ей служила
„И была бы у ней на посылкахъ."
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился —
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

VII.

Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ чалится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ, въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ,
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? И онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой;
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица

Ужь и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила
И, красуясь, говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! Скажи,
„Да всю правду доложи:
„Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ;
„Ты, царица, всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться, подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такого,
И женихъ сыскался ей, —
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;

А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ, царица, снаряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
Что же зеркальце въ отвѣтъ? —
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
„Но царевна всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
„Ахъ, ты, мерзкое стекло!
„Это врешь ты мнѣ на зло!
„Какъ тягаться ей со мною?
„Я въ ней дурь-то успокою!
„Вишь, какая подросла!
„И не диво, что бѣла:
„Мать беременна сидѣла,
„Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
„Но скажи: какъ можно ей
„Быть во всемъ меня милѣй?
„Признавайся: всѣхъ я краше!
„Обойди все царство наше,
„Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
„Такъ ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
„А царевна все жь милѣе,
„Все румянѣй и бѣлѣе“.
Дѣлать нечего. Она
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,

Позвала къ себѣ Чернавку
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей:
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной,
Вотъ, Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
„Въ чемъ, скажи, виновна я?
„Не губи меня, дѣвица!
„А какъ буду я царица
„Я пожалую тебя".
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Богъ съ тобой!"
А сама пришла домой.
"Что?" сказала ей царица,
„Гдѣ красавица-дѣвица?"
— Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,
Отвѣчаетъ ей она:
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,

Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она;
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межь тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,

Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „Что за диво!
„Все такъ чисто и красиво,
„Кто-то теремъ прибиралъ,
„Да хозяевъ поджидалъ.
„Кто-же? выдь и покажися,
„Съ нами честно подружися;
„Коль ты старый человѣкъ, —
„Дядей будешь намъ навѣкъ;
„Коли парень ты румяный, —
„Братецъ будешь намъ названный;
„Коль старушка, — будь намъ мать,
„Такъ и станемъ величать;
„Коли красная дѣвица, —
„Будь намъ милая сестрица".

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,

И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ, мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, — не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межь тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „Дѣвица!
„Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
„Всѣхъ насъ семеро, тебя
„Всѣ мы любимъ; за себя
„Взять тебя мы всѣ бы ради,
„Да нельзя; такъ Бога ради,
„Помири насъ какъ нибудь:
„Одному женою будь,
„Прочимъ ласковой сестрою.

„Что жь качаешь головою?
„Аль отказываешь намъ?
„Аль товаръ не по купцамъ?“
—„Ой вы, молодцы честные,
„Братцы вы мои родные!“
„Имъ царевна говоритъ:
„Коли лгу, пусть Богъ велитъ
„Не сойти живой мнѣ съ мѣста,
„Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
„Для меня вы всѣ равны,
„Всѣ удалы, всѣ умны,
„Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
„Но другому я навѣчно
„Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
„Королевичъ Елисей“. —

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
„Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,“
Старшій молвилъ, поклонясь:
„Коли такъ, не заикнуся
„Ужь о томъ“. — „Я не сержуся,“
Тихо молвила она,
„И отказъ мой — не вина.“
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ, царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ, объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,

Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! Скажи,
„Да всю правду доложи:
„Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
„Но живетъ безъ всякой славы,
„Средь зеленыя дубравы,
„У семи богатырей
„Та, что все жь тебя милѣй“.
И царица налетѣла
На Чернавку: „Какъ ты смѣла
„Обмануть меня? и въ чемъ?..“
Та призналася во всемъ, —
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила: иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
„Бабушка, постой немножко!“
Ей кричитъ она въ окошко:
„Пригрожу сама я псу,
„И кой-что тебѣ снесу.“
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитятко, дѣвица!
„Песъ проклятый одолѣлъ,
„Чуть до смерти не заѣлъ.

„Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
„Выдь ко мнѣ.“ Царевна хочетъ
Выдти къ ней, и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣсного звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
„Видно, выспался онъ худо,“
Ей царевна говоритъ;
„На жь, лови!“ —и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
„Благодарствую,“ сказала,
„Богъ тебя благослови;
„Вотъ за то тебѣ, лови!“
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хвать — поймала. „Ради скуки
„Кушай яблочко, мой свѣтъ.
„Благодарствуй за обѣдъ“,
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ, и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
„Брось!“ Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
„Что, Соколка, что съ тобою?
„Лягъ!“ И въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла

Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмячки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась, не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. „Не къ добру!“
Братья молвили: „Печали
„Не минуемъ.“ Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной

Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли —
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ, они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: „Спи во гробѣ!
„Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
„На землѣ твоя краса;
„Духъ твой примутъ небеса.
„Нами ты была любима
„И для милаго хранима —
„Не досталась никому,
„Только гробу одному.“

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,

„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ;
„Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ, —
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу, наконецъ,
Обратился молодецъ.
„Свѣтъ нашъ, солнышко! Ты ходишь
„Круглый годъ по небу, сводишь
„Зиму съ теплою весной,
„Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
„Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
„Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
„Ты царевны молодой?
„Я женихъ ей“. — Свѣтъ ты мой,
Красно солнце отвѣчало:
Я царевны не видало.
Знать, ее въ живыхъ ужь нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.

Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался, —
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
„Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
„Позолоченый рожокъ!

„Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
„Круглолицый, свѣтлоокій,
„И, обычай твой любя,
„Звѣзды смотрятъ на тебя.
„Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
„Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
„Ты царевны молодой?
„Я женихъ ей.“ — Братецъ мой,
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала. — „Какъ обидно!“
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
„Погоди: объ ней, быть можетъ,
„Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ;
„Ты къ нему теперь ступай;
„Не печалься же, прощай.“

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
„Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
„Ты гоняешь стаи тучъ,
„Ты волнуешь сине море,
„Всюду вѣешь на просторѣ,
„Не боишься никого,
„Кромѣ Бога одного;
„Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
„Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
„Ты царевны молодой?
„Я женихъ ея.“ — Постой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;

Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ;
Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста. —

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ, идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами
И, качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
„Какъ же долго я спала!“
И встаетъ она изъ гроба...
„Ахъ!“ .. и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ
И, бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
„Дочка царская жива!“

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: „Я ль всѣхъ милѣе,
„Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, слова нѣтъ,
„Но царевна все жь милѣе,
„Все румянѣй и бѣлѣе“.
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла —
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

VIII.

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.

(1834).

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ

И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ, бывало, съ юга: глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря; со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ, онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу.
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ
Вотъ, мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотого пѣтушка.
„Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ царю, „на спицу:
„Пѣтушокъ мой золотой
„Будетъ вѣрный сторожъ твой.
„Коль кругомъ все будетъ мирно,
„Такъ сидѣть онъ будетъ смирно
„Но лишь чуть со стороны
„Ожидать тебѣ войны,
„Иль набѣга силы бранной,
„Иль другой бѣды незванной, —
„Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
„Приподыметъ гребешокъ,
„Закричитъ и встрепенется,

„И въ то мѣсто обернется.“
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ:
„За такое одолженье,“
Говоритъ онъ въ восхищеньѣ,
„Волю первую твою
„Я исполню, какъ мою.“

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы:
Чуть опасность гдѣ видна, —
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: „Кири-ку-ку!
„Царствуй, лежа на боку!“
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли:
Таковой имъ царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ, однажды царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
„Царь ты нашъ! Отецъ народа!“
Возглашаетъ воевода:
„Государь! Проснись! Бѣда!“
— Что такое, господа?
Говоритъ Дадонъ, зѣвая:
А? кто тамъ? бѣда какая? —
Воевода говоритъ:
„Пѣтушокъ опять кричитъ;
„Страхъ и шумъ во всей столицѣ.“
Царь къ окошку — анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.

Медлить нечего: „Скорѣе!
„Люди, на конь! Эй, живѣе!“
Царь къ востоку войско шлетъ;
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ, проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было ль, не было ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять, —
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшого
Шлетъ на выручку большого.
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ:
Пѣтушокъ кричитъ опять;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ не зная, быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслитъ онъ.
Вотъ, осьмой ужь день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежь высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельѣ тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.

Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ..
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ лать
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ...
Царь завылъ: „Охъ, дѣти, дѣти!
„Горе мнѣ! Попались въ сѣти
„Оба наши сокола,
„Горе! Смерть моя пришла."
Всѣ завыли за Дадономъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать;
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близь воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ, —
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
„А! здорово, мой отецъ!“
Молвилъ царь ему: „Что скажешь?
„Подь поближе, что прикажешь?“
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ:
Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, какъ свою.
Подари жь ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь былъ изумленъ.
„Что ты?“ старцу молвилъ онъ:
„Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
„Или ты съ ума рехнулся?
„Что ты въ голову забралъ?
„Я, конечно, обѣщалъ;
„Но всему же есть граница.
„И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
„Полно, знаешь ли, кто я?
„Попроси ты отъ меня
„Хоть казну, хоть чинъ боярскій,

„Хоть коня съ конюшни царской,
„Хоть полцарства моего.“
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу! —
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: „Такъ лихъ же, нѣтъ!
„Ничего ты не получишь.
„Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь,
„Убирайся, цѣлъ пока;
„Оттащите старика!“
Старичекъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить:
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась, а дѣвица —
„Хи, хи, хи“, да „ха, ха, ха!“
Не боится, знать, грѣха.
Царь, хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно.
Вотъ — въѣзжаетъ въ городъ онъ.
Вдругъ раздался легкій звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ,
Охнулъ разъ — и умеръ онъ;
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.

Сказка — ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

Болдино, 20 сентября 1834. 10 ч. 53 м.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Народныя пѣсни и сказки, записанныя Пушкинымъ.

I.

Свадебныя пѣсни, записанныя для П. В. Кирѣевскаго.

1.

„Береза бѣлая,
„Береза кудрявая,
„Куда ты клонишься,
„Куда поклоняешься?“
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ.—
„Княгиня душенька!
„Куда ты ладишься?“
— Туда я лажуся,
Куда батюшка отдаетъ
Съ родимой матушкой.

2.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу-времечкѣ,
При княгиниомъ дѣвичничкѣ,
Вылеталъ же младъ-ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,

На шелкову занавѣсочку.
Какъ увидѣла да узрѣла
Свѣтъ княгинина матушка:
„Ты дитя мое, дитятко,
„Ты дитя, чадо милое!
„Приголубь ты яснаго сокола,
„Яснаго сокола залетнаго,
„Добраго молодца заѣзжаго,
„Свѣтъ Ивана Александровича!“
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломились,
Бѣлы ручки опустились,
Красота съ лица смѣнилась.

3.

Собрала невѣста подружекъ,
Посадила подружекъ высоко,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ,
Думаетъ думушку крѣпче всѣхъ.
„Что долго нѣтъ Ивана?
„Мнѣ посла послать некого,
„Мнѣ самой иттить некогда.
„Я хоть пойду, не дойду,
„Я хоть дойду, не найду,
„Я хоть найду его, —
„Позвать къ себѣ не смѣю.“

4.

Какъ въ дому-то березонька бѣлёхонька стоитъ,
А наша невѣста бѣлѣе ея,
Бѣлѣе ея снѣгу бѣлаго лицо.
Шла наша невѣста съ высокова терема́,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино все пролила,

Все глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудерушки его:
„Видать ли, мнѣ, кудерушки, васъ у себя?
„На правой на ручушкѣ, на золотомъ перстенькѣ?“

5.

Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви:

Ягода съ ягодой сокатилася,
Ягода ягодѣ поклонилася,
Ягода съ ягодой слово молвила,
Ягода отъ ягоды не вдали росла.

6.

Между горъ по каменью
Серебромъ ручей бѣжитъ,
По тому по ручейку
Ходила-гуляла княгиня-душа.
Искала княгиня-душа
Самоцвѣтна камушка.
Нашла, нашла камушекъ,
Нашла самоцвѣтненькій.
Разломала камушекъ,
Его на три граночки. —
Первую граночку
Её родну батюшкѣ.
Вторую граночку —
Родной ея матушкѣ,
А третью граночку —
Ладу милому.

7.

Затопися, баненька,
Раскалися, каменка,
Расплачься, княгиня-душа,
По своей сторонушкѣ,

По родной матушкѣ,
По родимому батюшкѣ...
(Отрывокъ).

8.

О горе, горе то-невѣстино!
О горе, горе!
Ты невѣстушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назадъ,
О горе, горе!
Что подружекъ-то стоятъ,
О горе, горе!
Что подружки говорятъ,
О горе, горе!
Что наказываютъ,
О горе, горе!
Что приказываютъ:
О горе, горе!
„Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
„Ты съ кроватушки долой!“
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
— Вы подруженьки!
О горе, горе!
— Мнѣ нельзя спихнуть:
О горе, горе!
— Въ головахъ-то у него
О горе, горе!
— Плетка шелковая,
О горе, горе!
— Она объ восьми хвостахъ,
О горе, горе!

— Она больно бьетъ,
О горе, горе!
— Приговариваетъ:
О горе, горе!
— Не зови-ко худякомъ,
О горе, горе!
— Зови добрымъ молодцомъ.
О горе, горе!

9.

Поется, когда идутъ за невѣстой къ вѣнцу:

Какъ у нашего князя
Невеселые кони стоятъ.
Они чуютъ путь-дороженьку
По невѣсту ѣхати.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
„Уливайте *) гору крутую,
„Чтобы моему разлучнику
„Ни взойтить бы, ни взъѣхати!“
— Не грози, княгиня-душа)! **
— На крутую гору пѣшъ взойду,
— Добра коня въ поводу сведу.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
„Запирайте вы воротечки,
„Что тремя замками нѣмецкими“.
— Не печалься, княгиня-душа,
— Приведу я съ собой слесаря,
— Отопретъ замки нѣмецкіе.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
„Заплетайте косу русую,
„Чтобы моему разлучнику
„Не расплесть, не расчесать ее!“
— Не печалься, княгиня-душа!

*) Иначе: укатайте — по времени года.
**) Поется также:„ Не печалься, княгиня-душа! Поведемъ мы коней въ кузницу, подкуемъ коней подковами, подковами-то булатными.“

— Привезу съ собой свахоньку;
— Расплететъ она косу русую,
— Увеземъ тебя съ собой, душеньку.

10.

Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ:

Трубчистая коса
Вдоль по улицѣ шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За косу хваталася:
„Коса ты, косынька!
„Ужели ты моя?“
— Я тогда буду твоя,
— Какъ я въ Божью церковь вступлю,
— Золотой вѣнецъ приму.

11 и 12.

(Сводный текстъ изъ 2-хъ варіантовъ).

Въ сыромъ бору на клену *)
Виситъ колыбель на шелку;
Въ колыбели лежитъ князь молодой (имя жениха),
Передъ нимъ стоятъ бояры **).
„Вскачните колыбель высоко!
„Выше клену стоячаго,
„Ниже облака ходячаго ***).
„Чтобы видно было тестевъ дворъ,
„Чтобы видно было тещинъ терёмъ!
„Въ этомъ терему ходитъ-гуляетъ ****),

*) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.
**) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.
***) Въ другомъ пушкинскомъ варіантѣ этого стиха нѣтъ.
****) Съ этого стиха до конца пѣсня пополнена изъ другого ея ва ріанта, также записаннаго Пушкинымъ.

„Ходитъ-гуляетъ княгиня-душа,
„Шолковымъ платкомъ помахиваетъ:
— Ты сюда, сюда, молодой князь!
— Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая *)“.

I.

Изъ цикла легендъ о Стенькѣ Разинѣ.

1.

Во городѣ то было во Астрахани,
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ:
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ,
Черный бархатный кафтанъ на размашечку надѣтъ,
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ,
Свой персидскій кушачекъ во правой рукѣ несетъ.
Онъ боярамъ государевымъ не кланяется,
Къ астраханскому воеводѣ подъ судъ нейдетъ.
Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца,
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ:
— „Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
„Вы сходите, приведите удалого молодца“.
Какъ поймали молодца во царевѣ кабакѣ,
Приводили удалого къ воеводѣ на дворъ;
А какъ сталъ воевода его спрашивати:
— „Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой человѣкъ!
„Чьего рода, чьего племени, чей отеческій сынъ?
„Иль изъ нашего городу, изъ Астрахани,
„Или со Дону казакъ, иль казацкій сынъ?“

---

*) Въ варіантѣ, изъ котораго взято начало, соотвѣтствующіе стихи читаются такъ:

Въ терему гуляетъ княгиня,
По имени зовутъ ее Катерина,
Каленые орѣшки щелкаетъ,
Шитою ширинкою махаетъ:
„Ты сюда, сюда, Иванъ-князь!
„Какъ здѣсь твое суженое,
„Здѣсь твое ряженое,
„Здѣсь твоя княгиня
„По имени Катерина“.

— Я не съ вашего городу, не съ Астрахани,
Я не съ Дону казакъ, не казацкій сынъ.
Я со Камы со рѣки, Сеньки Разина сынокъ.
Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать.
Ты умѣй его приняти, умѣй подчивати. —
Разсердился воевода на удалого молодца,
Закричалъ тутъ воевода громкимъ голосомъ своимъ:
— „Что есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
„Вы возьмите, отведите удалого молодца,
„Посадите удалого въ бѣлокаменну тюрьму".

2.

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
Во лодочкѣ гребцовъ ровно двѣсти молодцовъ,
Посреди лодки хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ.
Закричалъ тутъ атаманъ громкимъ голосомъ своимъ:
„А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки".
Мы исчерпнули воды изо Камы со рѣки,
Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
„Знать-то знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ сидитъ,
„Во неволюшкѣ сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ".
— Не печалься, нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ.

III.

Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго царя у Владиміра,
Жила-была молода вдова;
У вдовушки было девять сыновъ —
Десятая дочь любезная;

Поили, кормили, пелегали *).
Девять сыновъ подъ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за морянина.
Они прижили малаго дѣтища;
Она годъ живетъ и другой живетъ,
На третій годъ стосковалася.
Стала она морянина въ гости звать:
„Пойдемъ, морянинъ-свѣтъ,
„Ты къ тещѣ, а я къ матери,
„Ты къ шурьямъ, а я къ милымъ братьямъ“.
Они день идутъ и другой идутъ —
На третій день становилися,
Нарубили огонечекъ малешенекъ,
Пустили дымочекъ тонешенекъ;
Напали воры-разбойники,
Они морянина зарѣзали,
Морянинка въ воду бросили,
Морянинку въ полонъ взяли...
Какъ всѣ-то разбойники стали пить и ѣсть,
Одинъ-то разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, Богу молится.
И сталъ онъ у морянинки разспрашивать:
„Ты скажи, скажи, морянинка,
„Отъ какого ты села-города,
„И котораго отца-матери?“
Стала ему морянинка разсказывать:
„У славнаго у царя у Владиміра
„Жила-была молода-вдова,
„У вдовушки было девять сыновъ,
„Десятая дочь любезная:
„Поили, кормили, пелегали.
„Девять сыновъ подъ разбой пошли,
„Десятую дочь замужъ выдали,
„По край моря, за морянина“.

*) „Лелѣяли“. *А. П.*

— „Вставайте, братцы родимые!
„Не морянина мы зарѣзали,
„Не морянинка въ воду бросили,
„Не морянинку во полонъ взяли:
„Мы зарѣзали зятя любезнаго,
„Въ воду бросили племянника,
„Родну сестру взяли въ полонъ!“
Вставали братцы родимые, —
Просили у сестры прощеньица:
„Отчего ты намъ не сказалася,
„Что ты намъ родна сестра?“
Пошли... къ родной матушкѣ,
Становились на колѣнки всѣ
И просили у нея прощеньица:
„Прости насъ, родная матушка,
„Не знавши, зарѣзали зятя любезнаго,
„Въ воду бросили племянника,
„Родну сестру взяли во полонъ!“

IV.

Пѣсни, сохранившіяся въ тетрадяхъ Пушкина.

1.

Какъ за церковью, за нѣмецкою,
Д брый л д ъ Б гу м лится:
„Какъ не дай, Боже, хорошу жену:
„Хорошу жену — въ честной пиръ зовутъ,
„Меня молодца не примолвили; *)
„Мою жену — въ новы саночки,
„Меня молодца — на запяточки;
„Мою жену — на широкій дворъ,
„Меня молодца — за вороточки“.

---

* „Не пригласили“. *А. Д.*

2.

Во лѣсахъ дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то она въ лѣсу заблудилася;
Заблудимши, она приаукнулась:
„Ты ау, ау, мой любезный другъ,
„Мой любезный другъ, жизнь-душа моя!“
— Ужь я радъ бы тебѣ откликнулся, —
За мной ходятъ трое сторожей:
Первый сторожъ — родимый батюшка,
Второй сторожъ — моя матушка,
А третій сторожъ — молода жена!

3.

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ,
И того-то берутъ, разудаленькаго, въ службу царскую,
По указу его берутъ государеву.
Онъ со вечера-то сталъ, разудалый, коня сѣдлать,
Ко полуночи сталъ со двора съѣзжать.
Отецъ-то и мать его, разудаленькаго, провожать пошли,
Провожали его, разудаленькаго, весь родъ-племя.
Позади-то его идетъ горюшенька молода жена;
Молоду жену, бѣлую лебедушку, уговариваетъ:
„Воротись ты, жена, воротись, душа-лебедь бѣлая,
„Впереди-то у насъ все огни горятъ, огни неугасимые“.
— Разудалый добрый молодецъ, меня не обманывай,
Горитъ у тебя, у молодца, ретиво сердце.

4.

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
Ужь недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно семь дней, какъ спозналась съ горемъ я;
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,

Игры, пляски, хороводы и...
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темнымъ лѣсамъ, —
Въ темномъ лѣсѣ кинареечки поютъ,
Мнѣ, дѣвчонкѣ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой, кинареечка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

V.

Сказки, записанныя Пушкинымъ.

I.

Сказка, послужившая основой для сказки В. А. Жуковскаго о царѣ Берендеѣ.

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну; онъ оставилъ жену свою беременную. Ѣдучи домой, дорогою захотѣлось ему пить: видитъ онъ пролубь и въ пролубѣ плаваетъ золотой ковшикъ; но только онъ хочетъ испить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ. Царь взмолился — нѣтъ: „Подари мнѣ, чего ты не знаешь!“ Задумался бѣдный царь: какъ, чего я не знаю, я все знаю — ну, такъ и быть, дарю. Пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодого Ивана-царевича, безъ него родившагося. Царь догадался, что его-то онъ и подарилъ, и весьма опечалился. Иванъ-царевичъ выросъ. Прогуливаясь однажды верхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пенять за то, что онъ еще не явился — и что срокъ его прошелъ. Иванъ-царевичъ удивляется и получаетъ объясненіе отъ отца своего. Три раза является къ нему старикъ и научаетъ, куда идти. Иванъ-царевичъ приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощутся, а одна по-одаль. Онъ беретъ ея платье. Всѣ одѣваются, остается одна... Царе-

вичъ выходитъ. Другъ съ другомъ обручаются. Она научаетъ его, какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика — отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ, сидя на крыльцѣ, взбѣсился, завидя царевича. Сей, по совѣту Марьи-царевны, становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и такимъ образомъ приближается. Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки: повелѣваетъ построить церковь въ одну ночь. Царевичъ думалъ-думалъ и, наконецъ, сказалъ: „А ну же его! повѣситъ, такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога“. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: „Не печалься, Иванъ-царевичъ, скинь портки, повѣсь на шестокъ, да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее — отрѣжь, гдѣ неровно — приколоти“. Царевичъ былъ безунывная головушка, легъ и заснулъ. Поутру церковь готова. — Ну, сказалъ царь послѣ обѣдни: я хитеръ, а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь, но сперва узнай ее между 30-ю прочими. — „Это не мудрено“, думалъ Иванъ-царевичъ. — Нѣтъ, мудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ. — Задумался царевичъ: „М... его такъ, вѣсить, такъ вѣсить!“ Но царевна его надоумила: на которую сядетъ муха, та и старшая. Наутро приходитъ онъ къ царю, видитъ всѣхъ царевенъ, у одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ. „Вотъ старшая!“ — „Правда, Иванъ-царевичъ, но всѣ эти хитрости не твои; а послѣ-завтра 3-я загадка“. — „Ну, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, тутъ ужь тебѣ не помогу; дѣло въ томъ, чтобъ ты сшилъ са-

поги, пока у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть; убѣжимъ". Она плюнула три слюнки на окно Ивана-царевича, да три слюнки къ себѣ, — сѣли верхомъ и ускакали. Поутру посылаетъ царь къ Ивану-царевичу: Что ты, Иванъ-царевичъ, спишь или думу думаешь? — „Думу думаю", отвѣчаютъ слюнки. — Наконецъ, царь видитъ обманъ и посылаетъ за нимъ погоню. „Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна: не гонятся ли за нами?" Тотъ прилегъ къ землѣ: „Нѣтъ". Марья-царевна послушала: „Близко", и тотчасъ обратила Ивана-царевича въ рожь, а себя — въ пшеницу. Погоня наскакала. Не видя дороги и не видя ни одного измятаго колоса, они воротились. Новая погоня. Марья-царевна превращаетъ Ивана-царевича въ церковь, а себя — въ священника, и церковь такъ ветха, что мохомъ обросла, и священникъ такъ старъ, что еле дышетъ. Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но Марья-царевна разливаетъ между имъ и собою рѣку, и царь возвращается со стыдомъ. Иванъ-царевичъ и Марья-царевна вступаютъ въ свое государство. „Забудешь ты меня, Иванъ-царевичъ; не цѣлуй ребенка, когда пріѣдешь къ отцу и къ матери, а то забудешь меня". Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ отцу и къ матери, въ восторгѣ цѣлуетъ ребенка и забываетъ Марью-царевну. Между тѣмъ, предлагаютъ ему невѣсту, онъ съ нею обручается. Марья-царевна проситъ у старушки, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ позволеніе испечь пирогъ. Пирогъ подаютъ на царскій столъ, разрѣзываютъ: оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ и зо-

ветъ: „Голубокъ ты мой, не забудь ты меня, какъ забылъ Иванъ-царевичъ свою Марью-царевну“, и проч.

II.

Царь Кащей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать замужъ, покамѣстъ самъ будетъ живъ. Дочь приступаетъ къ нему: „Гдѣ же твоя смерть?“ — Въ баранѣ, отвѣчаетъ Кащей, въ козлѣ, въ вѣникѣ. Дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣникъ, — напрасно: Кащей живъ. Наконецъ, онъ объявляетъ, что смерть его на морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ дупло, а въ дуплѣ сундукъ, а въ сундукѣ заяцъ, а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо. — Иванъ-царевичъ идетъ за смертію Кащея; голодъ; попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ; Иванъ-царевичъ говоритъ имъ каждому: „Я тебя съѣмъ“, но оставляетъ имъ животъ; приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выноситъ изъ моря яйцо; отецъ проситъ отъ нея мѣсяца, недѣли, дня и проч.

III.

Слѣпой царь не вѣрилъ своей женѣ и не пускалъ ее въ садъ. „Вели, сказала она, повѣсить кровать мою на яблоню, я взлѣзу туда, ты покамѣстъ обхватишь яблоню, да держи“. Царь согласился. Любовникъ былъ уже тамъ, царица къ нему лѣзетъ, царь пока держитъ яблоню.

Глядя на сіе, мужъ съ женою (царь да царица) поссорились и побранились; жена была беременна;

она родила и велѣла убить сына и принести себѣ его сердце. Младенецъ уговорилъ повара принести вмѣсто своего собачье сердце и подмѣнить кузнецкаго сына. Молодой царевичъ собираетъ маленькую шайку, ребяты признаютъ его царемъ, ибо по его велѣнію береза приклонилась и лягушки замолкли. Царенокъ дѣлаетъ висѣлицу, вѣшаетъ, кнутомъ сѣчетъ и въ ссылку ссылаетъ; доходитъ слухъ о томъ до царя, который задаетъ ему разныя задачи и удивляется раннему понятію сына кузнеца.

Ѣдетъ царь мимо кузницы. „Богъ помочь, кузнецъ". — Спасибо, В. В. — Сколько иверенiй (?) съ тѣхъ поръ, какъ ты куешь? — „А сколько шаговъ ступилъ твой конь?" — Пріѣзжай же ко мнѣ завтра не пѣшкомъ, не верхомъ, покажи мнѣ своего друга и недруга, и принеси мнѣ даръ, котораго бы я не взялъ. — Кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага) и собаку (своего друга); жену бьетъ, та его бранитъ и убѣгаетъ, собаку бьетъ, та визжитъ и къ нему ласкается. Царь догадывается, что кузнецъ уменъ умомъ сыновнимъ, призываетъ его и ѣдетъ съ нимъ и со своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться. — Подъѣзжаютъ къ сосновой рощѣ. — „Что бъ изъ нея сдѣлать, мой сынъ?" спрашиваетъ царь. — Да наковальню, отвѣчаетъ царскiй сынъ (мнимый). — „А ты, кузнецкiй сынъ?" — Теремы царскiе. — Видятъ еловую рощу и березовую; тотъ же вопросъ, отвѣты въ томъ же духѣ. — Царь привозитъ кузнецова сына домой. Мать его въ него влюбляется; новый Іосифъ, онъ убѣгаетъ и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ; онъ . . . . . , ѣстъ и вшей бьетъ. — „Что ты дѣлаешь?"

— Убавляю, прибавляю и недруговъ побѣждаю. Не узнавъ его, оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику. Царевичъ приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ (?) ввергается въ темницу и осуждается на смерть. Три висѣлицы: золотая, серебряная, шелковая. Царь и царица ѣдутъ смотрѣть казнь королевича. Онъ хохочетъ: чему? Да тому, что переднія колеса ѣдутъ за лошадью, а заднія-то за чѣмъ? (allusion à la reine qui suit le roi). Пріѣзжаютъ. Царевичъ проситъ позволенія играть на рожкѣ, рать его вооружается; ступаетъ на ступень, на другую, на третью, и все играетъ въ рожокъ. Наконецъ, хохочетъ. — Чему, дуракъ? —„Самъ ты дуракъ! Взгляни, какъ мои голуби твою пшеницу клюютъ,“ и проч.

На шелковой висѣлицѣ вѣшаетъ онъ сводника, купца Шелковникова; вотъ куда каламбуры зашли!

IV.

1. О святкахъ молодые люди играютъ игрища, идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „Чортъ, жени меня“. Чортъ выходитъ изъ-за печки, соглашается женить. Невѣста — дочь, проклятая отцомъ и матерью. Молодые ѣдутъ въ чужой городъ, заживаютъ домкомъ. Разъ видятъ двухъ нищихъ, старика со старухою, и несутъ они младенца, что не ѣстъ, не пьетъ ужь 30 лѣтъ. Молодые зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенца, и вываливается оттуда осиновый чурбанъ; она открываетъ имъ, что она — ихъ дочь.

2. Въ томъ же родѣ. Женихъ пропадаетъ три

года; невѣста его узнаетъ, что должно въ лѣсу, въ пустой хижинѣ, три ночи ночевать, дабы достать его. Находитъ хижину, около нея ходитъ, слышитъ голосъ его, но не видитъ входа. Видитъ хоръ чертей, между ними и онъ, на гудкѣ играетъ. Хижинка открывается, она видитъ тамъ кучу змѣй, — бросается туда, то былъ хворостъ, и проч.

3. Мать, разсердясь на сына, говоритъ ему: „Лукавый тебя побери.“ Мальчикъ исчезаетъ. Тоже слышитъ его голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да воскреснетъ Богъ), она — туда, а плачутъ въ ригѣ, у пруда. „Господи, говоритъ она, прости мое согрѣшеніе!“ Мальчикъ тутъ: Я былъ тамъ и тамъ... и огни, и много ихъ, и проч.

V.

Народныя пѣсни, переведенныя Пушкинымъ.

1.

„Не шуми, мати зеленая дубровушка“.

Ne murmure donc pas, verte forêt, ma mère!
Ne m'empêche pas de réfléchir.
Demain je dois comparaitre
Devant ce terrible juge, devant le Tzar lui-même.
Le Tzar m'interrogera:
„Apprends moi, jeune homme,
„Avec qui as tu exercé tes brigandages?“ —
— Je m'en vais te le dire, Tzar orthodoxe, notre espérance.
Je m'en vais te le dire toute la vérité!
J'ai eu quatre complices:
Le premier, c'était la nuit sombre;
Le second — c'était mon bon cheval;

Le troisième — mon coutelas d'acier;
Le quatrième — mon arc dur à plier.
Les flèches étaient mes émissaires.
Alors le Tzar, notre espérance, me répondra:
„Bravo, jeune homme,
„Tu as su voler, et tu as su répondre;
„C'est pourquoi je m'en vais te récompenser:
„Tu auras un haut château au milieu de la plaine,
„Deux poteaux avec une poutre au travers" *).

2.

„Ой ты, нашъ батюшка, тихій Донъ!"

„Don paisible, Don, notre père!
„Pourquoi donc es-tu si trouble?"
— Comment ne serais-je pas trouble?
De froides sources jaillissent du fond de mon lit;
Le poisson agite mes ondes;
Trois barques m'ont traversé:
Dans la première barque il y avait les glorieux cosaques du Don,
Dans la seconde on a passé les drapeaux,
Dans la troisième il y avait un jeune seigneur et une jeune fille.
Le jeune seigneur tentait de faire entendre raison à la jeune fille:
„Ne pleure pas, ma belle jeune fille! Ne pleure pas, ma belle amie!
„Je te marierai à mon fidèle esclave,
„Tu seras l'épouse de l'esclave, et la douce amie du maître;
„Tu feras son lit et tu coucheras avec moi".
La jeune fille répond au jeune homme:
„Je serai la douce amie de celui dont je serai la femme;
„Je coucherai avec celui dont je ferai le lit".
Le jeune homme se fâcha,

*) Une potence.

Il tira son sabre bien effilé,
Il coupa la tête à la jeune fille
Et la jeta dans les ondes rapides.

3.

„Что пониже было города Саратова".

Un peu plus bas que la ville de Saratof,
Un peu plus haut que la ville de Tsaritsine
Coule notre mère la rivière Kamyschenka.
Elle mène à sa suite de beaux rivages escarpés
Et des vertes prairies;
Elle tombe dans la Volga, notre mère.
Deux belles barques voguaient sur la rapide rivière;
Elles étaient très-bien ornées;
Elles étaient couvertes d'une forêt de lances et de drapeaux.
Il y avait dans les barques de braves rameurs,
Les Kosaques du Don,
De Grebentsi et des Zaporogiens.
Ils avaient des bonnets de velours doublés de zibéline,
Des kaftans bruns, doublés de koumatch,
Des ceintures de soie d'Astrakan,
Des chemises de couleur, bordées de galon d'or,
Des bottes de maroquin vert avec des talons de travers.
Ils rament, ils chantent des chansons,
Ils glorifient le Tsar orthodoxe,
Le tzar Pierre I;
Ils maudissent, ils outragent le prince Menchikoff;
Ils le maudissent, lui, sa femme, ses enfants et ses petits-enfants:
„Ce chien, ce voleur, il nous mange notre paie,
„Nos provisions et nos appointements,
„Et encore ne nous permet pas de nous promener sur le Volga
„Et de chanter le Doudinoy!" *).

*) C. à d. faire les pirates. Le Doudinoy est un refrain d'un chant de brigands.

4.

„Вы, молодые ребята, послушайте,
„Что мы, стары старики, будемъ сказывати".

Ecoutez, jeunes gens,
Ce que nous autres vieillards nous allons vous raconter,
Touchant le terrible Tzar Ivan Vassilievitch.
Le Tzar, notre Seigneur, avait marché sur Kasan;
Il avait fait creuser des mines sous la Kasanka et le Soulay (rivières);
Il y avait fait rouler des tonneaux pleins de poudre;
Et dans la plaine déserte il avait établi ses batteries et ses caissons.
Les Tartares se promenaient par la ville;
Ils se moquaient du terrible Tzar, ils disaient:
„Ha! le Tzar Blanc *) n'aura pas notre ville!"
Alors le Tzar se mit en colère
De ce que la mine tardait à jouer.
Il ordonna de mettre à mort les canoniers,
Les mineurs et ceux qui allumaient les mèches.
Ils baissèrent la tête et se mirent tristement à penser;
Un seul canonier eut le courage de s'écrier:
„Ordonne-moi, Seigneur, de dire un mot..."
Il n'eut pas le temps de dire ce mot,
Le feu des mèches le gagna;
Les mines, les tonneaux de poudre éclatèrent;
Les murailles volèrent par dela le Soulay,
Les Tartares furent frappés de terreur
Et ils se soumirent au Tzar Blanc.

5.

„Внизъ то было, по матушкѣ, Камышенкѣ рѣкѣ".

C'était sur la Kamychenka,
Devant l'embouchure de la Samara.

*) Titre que les sujets de race tartare donnent à notre Souverain.

Une légère chaloupe voguait d'après le courant;
Le jeune ambassadeur du Tzar, le prince Semen Konstantinovitch Karamychef, était assis dans la chaloupe;
Dans sa main gauche il tenait l'oukaze du Tzar,
Dans sa main droite un sabre bien effilé.
Sur le beau rivage escarpè,
Sur le sable jaune et fin,
Se promenaient des braves jeunes gens:
Des cosaques du Don,
Des Grebentsi, des Zaporogiens,
Et puis des cosaques de glorieux Yaïck *).
Ils s'assemblèrent en un même cercle,
Ils pensèrent une même pensée,
Ils dirent un même mot,
Ils pointèrent un petit canon de cuivre,
Ils firent rouler un petit boulet de fer,
Ils firent feu sur la légère chaloupe.
Ils ne blessèrent personne,
Ils tuèrent seulement l'ambassadeur du Tzar.

6.

„Ахъ ты, батюшко, свѣтелъ мѣсяцъ!"

Lune brillante, notre père! **)
Pourquoi ne brilles-tu pas comme jadis?
Pourquoi ne brilles-tu das du soir jusqu'à minuit,
De minuit jusqu'à la blanche aurore?
Tu te caches derrière le nuage.
Tu t'enveloppes d'obscurité.
Voilà ce qui est arrivé dans la Sainte Russie ***)
Dans la glorieuse ville de Pétersbourg,
Dans la cathédrale de Petropavlovsky (de St. Pierre et St. Paul)

*) Ancien nom de l'Oural.
**) La lune, en langue russe, est du genre masculin.
***) Svlataya Rousse — expression consacrée. Moscou n'a jamais été appelée la ville sainte; son épithète est — la ville de pierre blanche, bélo-kamennaya.

A droite, près du klyros,
Près du tombeau de l'Empereur,
De l'Empereur Pierre, dit le-Grand,
Un jeune matelot priait Dieu;
Il pleurait comme coule une rivière *),
Il pleurait la mort de l'Empereur,
Il disait en sanglotant:
„Ouvre-toi, terre humide, notre mère! **)
„Ouvre-toi en quatre;
„Couvercle, ôte-toi du cercueil;
„Déplie-toi, linceul de drap d'or;
„Et lève-toi, reveille-toi, notre père, Tzar orthodoxe***),
„Jette un regard sur ta brave, ta chère armée:
„Sans toi elle est devenue orpheline et impuissante".

7.

N'est-ce pas bien triste et bien endêvé? Mon amant me quitte.
Ne valait-il pas mieux que nous ne nous fussions jamais connus?
Je n'aurais connu ni les chagrins, ni les pénibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'aurait pas fait mal; mon sang n'aurait pas bouillonné; je ne l'aurais pas regretté.
J'irai sur le nouveau perron, je m'appuierai sur la balustrade, je m'envelopperai de fourrures, je m'inonderai des larmes, je regarderai la plaine déserte.
Dans la plaine déserte l'hermine joue avec la zibéline.
C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi...
Mon amant serait-il content si je jouais avec un autre que lui?

*) Expression consacrée.
**) Expression consacrée.
***) Pravoslavny Tzar, un des titres de nos souverains.

8.

„Ахъ, вы, выходы, выходы,
„Погреба государевы!"

Ho!
Caves souterraines, caves de notre Tzar!.. *)
Ho! voilà qu'un brave jeune homme sort des caves de notre Tzar.
Il chancelle et trébuche,
Mais il n'est pas ivre.
Il s'appuie sur son fusil.
Deux belles jeunes filles ont vu de leurs fenêtres
Le brave jeune homme;
Elles descendent l'escalier,
Elles demandent au brave jeune homme:
„Es-tu marié, jeune homme?"
— Je suis marié, belles jeunes filles;
Ma femme est une grande dame —
C'est le fusil que m'a donné le Tzar.
Mes petits enfants —
Ce sont les balles de plomb;
Toute ma parenté —
C'est ma giberne avec ses cartouches;
Mes terres et mon héritage —
C'est le large champ de bataille.

9.

„У насъ, то было, братцы, на тихомъ Дону".

C'était sur le Don paisible,
Dans la ville de Tscherkask:
Il est né un brave jeune homme,
Stépan Timoféevitch Rasine.
Le bon Stépan ne fréquentait pas les Krougs des Kosaques,**)

*) La couronne avait le monopole de l'eau de vie.
**) Assemblées publiques où l'on délibérait en commun.

Il n'y délibérait pas avec nous autres;
Le bon Stépan fréquentait le Kabak du Tzar;
Il y délibérait avec les va-nus-pieds.
„Messieurs mes frères les va-nus-pieds!
„Allons un peu nous promener sur la mer bleue,
„Attaquons-y les vaisseaux des mécréans,
„Prenons de l'or autant qu'il nous en faut,
„Et puis, frères, nous irons dans Moscou bâtie en pierre,
„Nous y acheterons des habits de couleur,
„Et nous reviendrons chez nous".

10.

„На зарѣ то было, братцы, на утренней . . ."

C'était, frères, à la pointe du jour,
Au lever du rouge beau soleil, *)
Au coucher de la claire lune:
Ce n'était pas un faucon qui planait sous le ciel,
C'était le yessaoul **) qui se promenait par le bourg,
Et qui réveillait les braves jeunes gens,
„Levez-vous, braves jeunes gens,
„Eveillez-vous, Kosaques du Don!
„Il ne fait pas bon chez nous,
„Le glorieux, le paisible Don s'est troublé
„Depuis sa source jusqu'à la mer d'Azof.
„Tout le peuple Kosaque s'est ému.
„Nous n'avons plus d'ataman,
„Nous n'avous plus Stépan Timoféevitch
„Dit Stenka Rasine:
„On a pris le brave,
„On lui a lié ses blanches mains,
„On l'a mené à Moscou bâtie en pierre
„Et, au milieu de la glorieuse Krasnaya Ploch-
tchade, ***)
„On lui a tranché sa tête rebelle".

*) Expression consacrée et inévitable.
**) Officier cosaque.
***) Grande place au Kremle.

11.

„Ахъ, далече-далече во чистомъ полѣ...“

Loin, bien loin, dans la plaine déserte,
S'élevait bien-haut un bel arbre;
Sous le bel arbre croissait un gazon;
Parmi le gazon fleurissaient des fleurs bleues:
Un tapis était étendu sur les fleurs.
Deux frères étaient assis sur le tapis;
L'aîné frappait sur des cymbales,
Le cadet chantait une chanson:
„Notre mère nous mit au monde, comme deux enfants;
„Notre père nous éleva, comme deux jeunes faucons;
„Il nous éleva et rien ne nous apprit.
„La lointaine contrée étrangère dessèche sans qu'il vente,
„La lointaine contrée étrangère fait transir sans qu'il gèle.
„Notre mère a cru ne pouvoir de sa vie se débarasser de nous;
„Et la voilà qui nous a perdus en une seule heure.
„Elle nous a perdus, elle ne nous verra jamais“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1825.

I. Андрей Шенье (стр. 1). Издд. 1826 и 1829 гг., съ пропусками, пополненными въ Библ. Зап. 1858. Черновое — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2370, лл. 59 об. — 64, подъ заглавіемъ: „Андрей Шенье въ темницѣ", принятомъ и нами, потому что такъ называлъ это стихотвореніе самъ Пушкинъ (см. письмо къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1826: „Читалъ-ли ты моего „А. Шенье въ темницѣ"? Суди о немъ какъ езуитъ, — по намѣренію"). Рукопись и изд. 1826 г. представляютъ, въ сравненіи съ текстомъ 1829, нѣкоторые варіанты:

[1] Пѣвцу любви, дубравъ и мира (1826, 1829)

[2] Несу надгробные цвѣты

(Поправка, сообщенная Пушкинымъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 3 авг. 1825 г., но не вошедшая въ печатный текстъ).

[3] Слѣдующіе засимъ 44 стиха замѣнены въ издд. 1826 и 1829 гг. 4-мя строками точекъ.

[4] Не узрю васъ...

[5] . . . . . для сладкихъ искушеній (рук.)

[6] . . . . . мою живую младость (рук.)

[7] На шумныхъ вечерахъ мой звонкій смѣхъ
Далеко возвѣщалъ часъ утѣхъ;
Когда жь, утомлены вакхальною тревогой,
надъ чашею треногой... (рук.)
Когда жь, вакхальною тревогой утомясь (1826)

[8] (Стихъ замѣненъ строкой точекъ въ издд. 1826 и 1829).

Объ Андреѣ Шенье (см. т. I, стр. 562) въ бумагахъ Пушкина осталась (Моск. Муз. № 2370, л. 65) слѣдующая замѣтка, которую онъ, вѣроятно, хотѣлъ помѣстить въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію:

„А. Ch. погибъ жертвою французской революціи, на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегій и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ, творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году. Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства..."

Въ 1827 г., уже годъ спустя послѣ напечатанія этого стихотворенія, полный списокъ его былъ отобранъ у кандидата моск. университета Андрея Леопольдова, сдѣлавшаго на рукописи помѣту, что стихи эти написаны „на 14 декабря 1825 г." По этому поводу возникло цѣлое дѣло, по которому, кромѣ Леопольдова, привлечены были къ отвѣтственности два гвардейскіе офицера — конно-егерскаго полка шт.-капитанъ Алексѣевъ и конно-піонернаго эскадрона прапорщикъ Молчановъ. Оба эти офицера, по Высочайше утвержденному въ 1828 г. рѣшенію аудиторіатскаго департамента, были переведены изъ гвардіи тѣми же чинами въ армейскіе полки; первый, сверхъ того, просидѣлъ мѣсяцъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Леопольдову же, котораго въ

первой инстанціи новгородскій уѣздный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ (!), окончательнымъ приговоромъ вмѣнено въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтверждено, чтобы впредь въ поступкахъ своихъ былъ осмотрительнѣе.

Сенатъ призналъ стихотвореніе Пушкина „очень соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ“, и постановилъ, что „хотя титулярнаго совѣтника Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 г., то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія“. Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго восходило дѣло, прибавилъ, что за Пушкинымъ, „по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14 декабря 1825 г. и по духу самаго сочиненія его“, надлежитъ учредить секретный полицейскій надзоръ. Неприличіе усмотрѣно было въ слѣдующемъ объясненіи, которое было написано Пушкинымъ въ отвѣтъ на оффиціальный запросъ:

„Элегія Андрей Шенье напечатана въ Собраніи моихъ стихотвореній, вышедшихъ изъ цензуры 8 октября 1825 года. Доказательство тому: одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ. Цензурованная рукопись, будучи вовсе не нужною, затеряна, какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

„Опять повторяю, что стихи, найденные у г. Але-

ксѣева, взяты изъ элегіи Андрей Шенье, не пропущены цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ:

Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу:
Не измѣнилась до конца.
„Привѣтствую тебя, мое свѣтило“, etc.

„Замѣчу, что въ семъ отрывкѣ поэтъ говоритъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ du jeu de paume, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей. Что жь тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

„Въ заключеніе объявляю, что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истины.

„10-го класса Александръ Пушкинъ“.

С.-Петербургъ,
1827 г., 28 іюня.

Въ дополнительномъ объясненіи на имя спб. полицеймейстера полковника Дершау, отъ 24 ноября того же года, Пушкинъ писалъ:

„На требованіе суда узнать отъ меня: „какимъ образомъ случилось, что отрывокъ изъ Андрея Шенье, будучи не пропущенъ цензурою, сталъ переходить изъ рукъ въ руки во всемъ пространствѣ“, отвѣчаю: стихотвореніе мое Андрей Шенье было всѣмъ извѣстно вполнѣ гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну“.

См. изложеніе всего этого дѣла, съ подлинными документами, въ Рус. Стар. 1874, т. X, стр. 693-694; XI, стр. 584-588; 1882, т. XXXIII, стр. 465-468; 1899, т. XCIX, стр. 313-326 (ст. А. Слезскинскаго: „Преступный отрывокъ элегіи Андрей Шенье"); „Дѣло о учрежденіи надзора за поведеніемъ извѣстнаго поэта титулярнаго совѣтника Пушкина" — въ Рус. Стар. 1881, т. XXIX, стр. 223. Приведенные выше документы напечатаны И. А. Шляпкинымъ: „Къ біографіи А. С. Пушкина", Спб. 1899, стр. 26-28. Біографія Андрея Филипповича Леопольдова — въ „Очеркахъ исторіи города Саратова", Сар. 1884, стр. 57 слл.

II. Пріятелямъ (стр. 7). Этою эпиграммою начинается письмо къ кн. Вяземскому отъ 25 янв. 1825. „Напечатай гдѣ-нибудь", приписалъ подъ нею Пушкинъ. Исполняя это желаніе, Вяземскій напечаталъ эпиграмму въ Моск. Телегр. 1825, № 3, стр. 215, подъ заглавіемъ: „Журнальнымъ пріятелямъ" и съ подписью: А. П. „Ты не напрасно прибавилъ: журнальнымъ", писалъ ему Пушкинъ; однако, въ Сѣв. Пчелѣ 1825, № 52, напечатано слѣдующее объявленіе: „А. С. Пушкинъ просилъ издателей Сѣверной Пчелы извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 Моск. Телеграфа подъ заглавіемъ: „Къ журнальнымъ пріятелямъ", должно читать просто: Къ пріятелямъ". Съ этимъ заглавіемъ оно явилось и въ издд. 1826 и 1829 гг. См. ниже, прим. къ эпиграммѣ: „Ex ungue leonem".

Черновой набросокъ — въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2370, л. 85. Здѣсь 1-й стихъ первоначально читался:

Друзья мои...

но затѣмъ исправленъ.

III. Къ именинницѣ (стр. 7). Анн., VII, 89. Написано, по всей вѣроятности, на именины Анны Николаевны Вульфъ, старшей дочери (р. 1800) П. А. Осиповой („Анна“ съ еврейскаго значитъ „благодать“). Въ ея же альбомъ Пушкинъ написалъ и слѣдующіе стихи:

Увы! Напрасно дѣвѣ гордой
Я предлагалъ свою любовь:
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ея души не тронетъ твердой!
Однимъ страданьемъ буду сытъ,
И пусть мнѣ сердце скорбь расколетъ

Два послѣдніе стиха поэтъ самъ означилъ точками — и никакъ не хотѣлъ сказать, что онѣ означаютъ.

IV. Если жизнь тебя обманетъ... (стр. 8). Моск. Телегр. 1825, ч. V, № 17, стр. 37, подъ заглавіемъ: „Стихи въ альбомъ“ съ полною подписью; въ изд. 1826 — „Въ альбомъ“; изд. 1829 — безъ заглавія.

Написано въ альбомъ Евпраксіи Николаевны Вульфъ (р. 12 окт. 1810, въ 1831 вышла за бар. Бориса Александровича Вревскаго, ум. 22 марта 1883). Въ семействѣ ее обыкновенно называли „Зина“ или „Зизи“; она была въ Тригорскомъ душою веселаго общества, играла на фортепьяно аріи Россини,

мастерски варила жженку и являлась первою во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій (Анн., Пушк., 280). Отношенія къ ней Пушкина имѣли дружески-шутливый характеръ. Къ ней же написаны, въ 1826 г., стихи: „Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ...“ (стр. 39).

V. Сожженное письмо (стр. 8). Издд. 1826 и 1829 гг. Приводимъ черновую редакцію по рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 51:

Прощай, письмо любви, прощай! она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!
Но полно! *) Часъ насталъ: гори, письмо любви!
Нѣтъ, полно! **) Ничему душа моя не внемлетъ.
Ужь пламя легкое святой залогъ объемлетъ;
Бумага вспыхнула... Свершилось! Легкій дымъ
Летитъ и стелется съ веселіемъ моимъ...
Ужь перстня вѣрнаго теряя впечатлѣнье,
Кипитъ сургучъ... Увы, печальное видѣнье!..
И гаснетъ. Потемнѣвъ, свернулися листы; ***)
Ихъ пепелъ сохранилъ чуть видныя черты; ****)
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милый
Отрада бѣдная судьбы моей унылой,
Приди на грудь мою, на пламенную грудь, *****)
Близь сердца моего останься! Не забудь
Слова завѣтныя, слова души прекрасной...

„Мысль Пушкина“, говоритъ по поводу этого

Поправки въ рукописи:
*) Довольно! Часъ насталъ
**) Довольно! Ничему...
***) ..... Легкіе свернулися листы
****) На темномъ пеплѣ ихъ угасшія черты
*****) Приди, приди ко мнѣ на горестную грудь!

стихотворенія П. В. Анненковъ (Пушк., 283), — „постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина“ Пушкинъ дѣлаетъ приписку: „5 сентября 1824 года — une lettre de ****“. Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата (извѣстный „талисманъ“), — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ и осталось это стихотвореніе“. — Особа, къ которой оно относится (равно какъ и два позднѣйшихъ стихотворенія: „Ангелъ“ и „Талисманъ“ 1827 г.) и портреты которой— строгій женскій профиль, съ головой, нѣсколько наклоненной внизъ („Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный главой поникшею сіялъ“), такъ часто набрасывались поэтомъ на страницахъ его тетрадей, — графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова, урожденная Браницкая, супруга гр. Мих. Сем. До конца своей долгой жизни (ум. 1880) она сохранила о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ — подъ рядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго. См. сборникъ Бартенева „Пушкинъ“, II, 97-98.

VI. Вакхическая пѣсня (стр. 9). Издд. 1826 и 1829 гг. Въ первомъ стихъ 9-й читается:

[1] Подвинемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

VII. ВЕРТОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ... (стр. 9). Моск. Вѣстн. 1829, ч. I, стр. 44, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ: „Въ крови горитъ огонь желанья...", подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Подражанія". Изд. 1829 — безъ заглавія. Представляетъ переложеніе слѣдующаго отрывка изъ гл. IV „Пѣсни Пѣсней":

„12. Вертоградъ заключенъ, сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ. 13. Лѣторасли твоя — садъ шипковъ съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами. 14. Нардъ и шафранъ, трость и кіннамонъ со всѣми древами ливанскими, смирна, алой, со всѣми первыми мирами. 15. Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Лівана. 16. Возстани, сѣвере и гряди, юже, и повѣй во вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя".

Первые 4 стиха въ стихотвореніи Пушкина — слова „жениха", а остальные — слова „невѣсты".

VIII. САФО (стр. 10). Въ изд. 1826 г. озаглавлено: „Юноша", а въ оглавленіи прибавленъ подзаголовокъ: „Сафо"; въ изд. 1829 г. озаглавлено: „Сафо".

IX. КОЗЛОВУ (стр. 10). Издд. 1826 и 1829 гг. На подлинной рукописи — помѣта: „15 мая 1825. Михайловское-Арапово".

Иванъ Ивановичъ Козловъ (р. 11 апр. 1779, ум. 30 янв. 1840), въ 1821 г. лишился зрѣнія и съ этого же времени получилъ извѣстность своими стихотвореніями и поэмами („Чернецъ", „Невѣста Аби-

досская" Байрона, „Княгиня Долгорукая", „Безумная" и пр.). Сочиненія его издавались въ 1833, 1840, 1855 гг.; самое полное изданіе — А. Ф. Маркса, Спб. 1892, подъ ред. Арс. Ив. Введенскаго.

„Чернецъ, кіевская повѣсть", вышла въ Спб. въ началѣ 1825 г. „Появленіе сей небольшой, но красотами богатой поэмы", писалъ кн. Вяземскій въ Моск. Телегр. 1825, ч. II, стр. 312, есть пріятное событіе въ спокойной литературѣ нашей, а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругу первостатейныхъ поэтовъ нашихъ было, за нѣсколько лѣтъ тому, неожиданнымъ и отраднымъ феноменомъ въ мірѣ нравственномъ и поэтическомъ... Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него геніемъ животворящимъ. Недуги жестокіе, страдальчество физическое, развернули духовныя способности... По мѣрѣ, какъ терялъ онъ зрѣніе и ноги, прозрѣвалъ онъ и окрылялся духомъ... Сей утѣшительный примѣръ можетъ прибавить прекрасную главу къ психологической исторіи человѣка..."

„Читалъ я твое о Чернецѣ", писалъ Пушкинъ Вяземскому 23 мая: „ты исполнилъ долгъ своего сердца..." Получивъ отъ Козлова его поэму съ надписью, онъ писалъ (въ апрѣлѣ) брату Льву: „Подпись слѣпого поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его — прелесть... Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы, — по крайней мѣрѣ, ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами..."

Въ письмѣ упоминается посвященіе поэмы Козлова:

Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ груди моей давно я схоронилъ;

И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ,
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужь я между живыми —
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ . . .

Пушкинъ зналъ, что Козловъ высоко его цѣнитъ: „Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами", писалъ ему Плетневъ 22 янв. 1825 г. См. Соч. Пушк., изд. Поливанова, I, 195.

X. Тамъ, гдѣ семеновскій полкъ . . . (стр. 11). Истор. Вѣстн. 1883, № 2, стр. 468, съ автографа, принадлежащаго П. Я. Дашкову.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій, извѣстный поэтъ, познакомился съ Пушкинымъ и Дельвигомъ въ 1818-1819 гг., когда былъ рядовымъ въ л.-гв. егерскомъ полку, а въ 1825 г., выйдя въ отставку, жилъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ до августа, когда Дельвигъ женился на С. М. Салтыковой. Шуточное стихотвореніе это, вѣроятно, написано весною 1825 г., когда Дельвигъ посѣтилъ Пушкина въ Михайловскомъ, куда ждали и Баратынскаго. Въ ст. Л. Н. Павлищева „Изъ семейной хроники", Ист. Вѣстн. 1888, т. XXXII, стр. 330, оно неправильно отнесено къ 1830 году.

XI. Живъ курилка (стр. 11). Соврем. 1857, № 7, и Анн., VII, 102. Эта эпиграмма на Каченовскаго сообщена Пушкинымъ въ письмѣ къ брату Льву изъ Михайловскаго, въ началѣ апрѣля 1825 г. Какъ видно изъ этого письма, она кѣмъ-то „требо-

валась“ отъ поэта, — вѣроятно, кн. Вяземскимъ, по желанію котораго Пушкинъ и раньше писалъ подобныя же эпиграммы.

XII. Ода Хвостову (стр. 11). Анн., VII, 103. Прежними издателями относилась къ 1824 г., но написана, безъ сомнѣнія, въ 1825, такъ какъ въ ней приведено и оговорено въ примѣчаніи выраженіе Кюхельбекера въ посланіи къ Грибоѣдову, напечатанномъ въ Моск. Телегр. 1825, № 2:

Пѣвецъ! Тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
Высокаго искусства
И рѣзво скачущая кровь!

(Ср. письмо къ брату изъ Михайловскаго, въ нач. апрѣля 1825 г.).

Въ одѣ пародируются однородныя произведенія старинныхъ нашихъ піитовъ и въ особенности — гр. Хвостова, стихи котораго еще во времена „Арзамаса“ служили, по своей нелѣпости, неистощимымъ источникомъ для забавы Жуковскаго, Вяземскаго и др. Въ особенности потѣшно приглашеніе Хвостову отправиться въ Грецію и тамъ занять мѣсто только что скончавшагося „Бейрона“ во главѣ инсургентовъ, причемъ графъ по-прежнему останется сенаторомъ и почтеннымъ литераторомъ...

XIII. Ex ungue leonem (стр. 13). Моск. Тел. 1825, ч. IV, № 13, стр. 43, съ подписью: А. П. Издд. 1826 и 1829 гг. Прислано кн. Вяземскому въ іюнѣ 1825 г. Вызвано отзывомъ А. Е. Измай-

лова объ эпиграммѣ „Пріятелямъ“ — въ „Благонамѣренномъ“ 1825, ч. 30, стр. 173:

„Изъ самаго начала сего ужаснаго осьмистишія открывается, что для сочинителя пріятель и врагъ — синонимы“... Приведя, затѣмъ, первые 4 стиха эпиграммы, авторъ замѣтки продолжаетъ: „Страшно, очень страшно! Болѣе же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!“ Слѣдуетъ заключеніе эпиграммы и замѣтка: „Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до исторіи?“

Въ подчеркнутомъ словѣ „когти“, можетъ быть, скрывается намекъ на длинные ногти, которые носилъ Пушкинъ. Латинское выраженіе, поставленное Пушкинымъ въ заглавіи эпиграммы, въ полномъ видѣ гласитъ: „Ex ungue leonem, ex auribus asinum“ — льва (узнаемъ) по когтямъ, а осла — по ушамъ.

Въ журналѣ и въ изд. 1826 г. стихъ 4-й читается: „И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жь, злодѣй“.

XIV. П. А. Осиповой (стр. 14). Сѣв. Цвѣты на 1829 г., стр. 193, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ П. А. О.“; изд. 1829 г. подъ загл.: „П. А. О.“.

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ намекаетъ на возможность отъѣзда своего за границу, о которомъ онъ въ то время помышлялъ и сговаривался съ братомъ.

XV. Желаніе славы (стр. 14). Соревнователь Просвѣщенія 1825, ч. 30, № 6, стр. 299, съ полною подписью; издд. 1826 и 1829 гг. Черновое — въ рукописи Моск. Муз. № 2369, л. 39 об., начинается такъ:

Когда, желаніемъ и нѣгой утомленный,
Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный,
И ты меня обнимешь . . . . . .

Далѣе можно еще прочесть:

Ты лѣчишь поцѣлуемъ,
Дыханьемъ жаркихъ устъ...
Счастливъ я, не завидую богамъ...

Стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ о неизвѣстной намъ особѣ, жившей, очевидно, въ Одессѣ, и о разлукѣ съ нею.

XVI. Къ А. П. Кернъ (стр. 15). Сѣв. Цвѣты на 1827, стр. 341; изд. 1826 и 1829 гг., подъ заглавіемъ: „Къ***“.

Анна Петровна Кернъ (р. 11 февр. 1800, ум. 1880), дочь полтавскаго помѣщика Петра Марковича Полторацкаго и племянница Елизаветы Марковны Олениной (жены извѣстнаго А. Н. Оленина) въ ранней молодости была выдана, противъ своей воли, за пожилого генерала Ермолая Ѳедоровича Керна (1765—1841). Лѣто 1825 г. она проводила въ Тригорскомъ, у своей тетки П. А. Осиповой, и Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи припоминаетъ свою первую встрѣчу съ нею у Олениныхъ въ 1819 г. Воспоминанія А. П. Кернъ о Пушкинѣ напечатаны въ Библ. для Чтенія 1859, №№ 3 и 4, въ Семейн. Вечерахъ 1864, № 10, Рус. Стар. 1870, т. I, Рус. Арх. 1884, кн. III и въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, Спб. 1899, стр. 222—265. О ней же самой см. Варш. Дневникъ 1880, № 159, назв. книгу Майкова и письма Пушкина въ т. VIII наст. изданія. Послѣ

смерти своего перваго мужа, она вторично вышла замужъ за А. В. Маркова-Виноградскаго, котораго также пережила. Послѣдніе годы своей жизни провела въ большой нуждѣ и когда скончалась, то, по странной случайности, гробъ ея повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозили въ Москву, къ Тверскимъ воротамъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ А. П., между прочимъ, говоритъ, что ея двоюродная сестра А. Н. Вульфъ часто сообщала ей въ письмахъ различныя фразы поэта. Въ одномъ изъ этихъ писемъ говорилось, что Кернъ произвела на Пушкина, при встрѣчѣ съ нимъ у Олениныхъ, „живѣйшее впечатлѣніе", такъ что онъ постоянно повторялъ: „Она была слишкомъ блистательна!". Въ другомъ письмѣ ея самъ Пушкинъ приписалъ сбоку нѣсколько словъ изъ Байрона, — какъ можно судить по неточной передачѣ А. П., вѣроятно, изъ посвященія „Чайльдъ-Гарольда":

Not in those visions to the heart displaying
Forms which it sighs but to have only dream'd,
Hath aught like the in truth or fancy seem'd.

О стихотвореніи „Я помню чудное мгновенье" А. П. разсказываетъ, что Пушкинъ передалъ его ей въ минуту ея отъѣзда въ Ригу; оно было вложено среди неразрѣзанныхъ листовъ 2-й главы „Онѣгина". „Когда я собиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ (Пушкинъ) долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать: насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ, — не знаю. Стихи эти я сообщила тогда бар. Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ Сѣв. Цвѣтахъ".

Подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ А. П. Кернъ и объ этомъ стихотвореніи см. въ кн. Н. И. Черняева: „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ", Харьк. 1900, стр. 33 - 64 и въ „Изслѣдованіяхъ" пр. Сумцова (Харьк. 1900), стр. 229 - 235. Обоими изслѣдователями указано сходство этого стихотворенія съ лицейской элегіей „Къ ней" („Въ печальной праздности я лиру забывалъ...", т. I, стр. 219), посвященнымъ К. П. Бакуниной; первый, кромѣ того, сближаетъ стихотвореніе съ извѣстнымъ произведеніемъ Жуковскаго „Лалла-Рукъ", откуда взято и выраженіе: „геній чистой красоты", и мысль о мимолетномъ видѣніи:

Милый сонъ, души плѣнитель,
Гость прекрасный съ вышины,
Благодатный посѣтитель
Поднебесной стороны!
. . . . . .
Я смотрѣлъ, — а призракъ мимо,
Увлекая душу вслѣдъ,
Пролеталъ невозвратимо;
Я за нимъ, — его ужь нѣтъ!
Посѣтилъ какъ упованье,
Жизнь минуту озарилъ
И оставилъ лишь преданье,
Что когда-то въ жизни былъ.
Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты! и т. д.

Г. Сумцовъ отмѣчаетъ сходство пушкинскаго стихотворенія съ стихотвореніемъ Уордсворта: „She was a phantom of delight", которое, въ близкомъ переводѣ, начинается такъ:

„Она была призракомъ наслажденія, когда впервые промелькнула передъ моимъ взоромъ, — милое видѣніе, ниспосланное, чтобы быть украшеніемъ минуты“...

Стихотвореніе Пушкина неизвѣстно намъ въ автографѣ: многими ошибочно принимался за автографъ списокъ, сдѣланный несомнѣнно не самимъ авторомъ и замѣчательный только тѣмъ, что въ немъ слово „мечты“ написано черезъ *ѣ*. Въ Рус. Мысли 1900, № 4, стр. 126, г. Евг. Вашковъ воспроизвелъ найденный имъ въ бумагахъ г. Калугина черновой набросокъ, близко подходящій къ пушкинскому стихотворенію, но, судя по снимку, едва ли принадлежащій Пушкину: мало сходства съ несомнѣнно пушкинскимъ почеркомъ. Приводимъ этотъ набросокъ, отмѣчая въ выноскахъ зачеркнутые варіанты:

Среди тревоги *) и волненья,
Среди всечасной суеты,
Волшебной грезой вдохновенья
Передо мной явилась **) ты.
Мятежныхъ бурь порывъ могучій
Души моей ***) не возмутитъ,
И вѣрю я, — за черной тучей
Привѣтный солнца лучъ блеститъ.

Музыка на стихотвореніе Пушкина написана М. И. Глинкой. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ“ племянникъ поэта Л. Н. Павлищевъ разсказываетъ, со словъ своего отца, объ исполненіи этого романса Глинкой въ присутствіи Пушкина и А. П. Кернъ:

*) Печали.
**) Предстала.
***) Больной.

„Глинка сѣлъ за весьма плохія, взятыя отцомъ на прокатъ, клавикорды и пропѣлъ свой романсъ. Отецъ аккомпанировалъ пѣвцу на семиструнной гитарѣ. Дядя, выслушавъ романсъ, бросился обнимать своихъ исполнителей, а добрѣйшая Анна Петровна, виновница поэтическихъ овацій, ... прослезилась отъ радости и только послѣ довольно длинной паузы проговорила, что никогда ей и не снилось счастье вдохновлять своей ничтожной особой первоклассnаго въ Россіи поэта и первоклассnаго въ Россіи композитора. При этой овацiи присутствовали бар. Дельвигъ и Соболевскій". Впослѣдствіи, въ 1839 г., Глинка вновь издалъ этотъ романсъ, при чемъ посвятилъ его дочери А. П., Екатеринѣ Ермолаевнѣ Кернъ, на которой онъ собирался жениться и которая потомъ вышла за Шокальскаго. О ней см. въ Запискахъ Глинки, стр. 147—159.

XVII. Къ А. Г. Родзянкѣ (стр. 16). Современникъ 1859, т. 73, стр. 505, и Библ. для Чтенія 1859, т. 154, стр. 115.

Аркадій Гавриловичъ Родзянко (1793-1850) въ молодости служилъ въ военной службѣ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ случай, въ 1818-19 гг., познакомиться съ Пушкинымъ. Онъ занимался литературою и писалъ стихи, печатавшіеся въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; но между его произведеніями были и такія, которыя оказывались неудобными для печати по своему пріапическому содержанію. Вотъ отчего Пушкинъ и называетъ его „Пиромъ Украйны", по имени французскаго нескромнаго поэта XVIII в., а въ письмѣ къ нему отъ 8 дек. 1824 г. (см. т. VIII наст. изд.) прибавляетъ къ этому названію еще и другое: „Намѣстникъ Феба иль

Пріапа". Оставивъ военную службу въ 1821 г., Р. поселился въ своемъ полтавскомъ имѣніи, и тамъ сблизился съ сосѣдкой, А. П. Кернъ. Въ письмѣ къ Пушкину, писанномъ въ маѣ 1825 г., онъ, между прочимъ, говоритъ по поводу этой связи: „Итакъ, одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель. „Слѣдовательно", говоритъ Анна Петровна, „не много стоитъ добродѣтель ваша". А она соблюдаетъ молчаніе, — знакъ согласія и справедливости". Письмо это было писано въ присутствіи самой Анны Петровны, которая тутъ же и приписала: „Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fers". — „А чья вина?" спрашиваетъ Родзянко: „Вотъ, теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ: снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ". Анна Петровна опять приписываетъ: „Ей-Богу, я этихъ строкъ не читала!" — а Р. продолжаетъ: „Но заставила ихъ прочесть себѣ десять разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она изобилуетъ такими дѣтскими хитростями..." (Бартеневъ, Пушк., II, 125-126; Майковъ, Пушк., 239). Въ отвѣтъ на это письмо, писанное Родзянкой еще ранѣе свиданія Пушкина съ А. П. Кернъ въ Тригорскомъ, Пушкинъ и написалъ свое посланіе. См. Н. И. Черняева, Крит. статьи и замѣтки, стр. 65-80, и Сумцова, Изслѣд., стр. 327-330,

XVIII. ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ (стр. 17). Моск. Вѣстн. 1827, ч. I, № 4, стр. 252, съ подписью:

А. П.; изд. 1829. По свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго (Соч., I, 321-322), эта эпиграмма написана Пушкинымъ въ отвѣтъ на несовсѣмъ благопріятный отзывъ князя о „Цыганахъ".

XIX. Движеніе (стр. 17). Прислано кн. Вяземскому при письмѣ отъ 5 дек. 1825 и напечатано въ альманахѣ Погодина „Уранія, карманная книжка на 1826 годъ", стр. 155 и въ изд. 1829 г. П. В. Анненковъ нашелъ въ рукописяхъ Пушкина слѣдующую замѣтку, которая и послужила темой для этого стихотворенія:

„On a admiré le cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne".

„Брадатый мудрецъ", отрицавшій движеніе, — Зенонъ Элейскій, жившій въ V в. до Р. Х. „То, что вы называете движеніемъ, говорилъ онъ, есть только названіе, данное цѣлому ряду одинаковыхъ положеній, изъ которыхъ каждое, отдѣльно взятое, есть покой. Въ каждой отдѣльной точкѣ пространства предметъ находится въ покоѣ; общая сумма множества такихъ состояній покоя и называется движеніемъ". См. Черняева, Крит. статьи и замѣтки о Пушк., 326-333.

XX. Соловей и кукушка (стр. 18). „Уранія" 1826, стр. 265, и изд. 1829 г.

„Какъ ты отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ!" писалъ Пушкину Баратынскій. „Тутъ и мнѣ досталось, да и подѣломъ: я прежде тебя спохва-

тился — и въ одной ненапечатанной пьесѣ говорю что стало очень приторно —

Вытье жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ...“
(Соч. Бар., Каз. 1884, стр. 505).

XXI. Совѣтъ (стр. 18). „Уранія“ 1826, стр. 250, и изд. 1829 г. Въ альманахѣ 1-й стихъ читается: „Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ...“

XXII. Послѣдніе цвѣты (стр. 18). Совр. 1838, т. IX, стр. 137, и Посм., IX, 200.

XXIII. 19 октября (стр. 18). Сѣв. Цвѣты на 1827 г.; изд. 1829 г. Оба раза напечатано съ пропускомъ семи строфъ, возстановленныхъ Я. К. Гротомъ, по автографу, находящемуся въ Имп. Алекс. Лицеѣ, въ Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Наукъ 1857 г. (ср. Анн., VII, 61, и статью Грота: „Автографъ 19 октября“, — Пушк., 142). Варіанты автографа указаны въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ.

[1] Дохнулъ морозъ на убранное поле;
[2] . . . . . туманныхъ горъ.
[3] (Далѣе въ рукописи слѣдуетъ:)
Товарищи, сегодня праздникъ нашъ,
Завѣтный срокъ! Сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, [1]) на сладостное вѣче
Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
Вы собрались, мгновенно [2]) молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить [3]) на языкѣ Лицея
И съ жизнью вновь свободно [4]) пошалить.

[1]) На вѣрный пиръ.
[2]) Чудесно.
[3]) Потолковать.
[4]) Безпечно.

На пиръ любви душой стремлюся я... [1])
Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
И [2]) праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ... О, слушайте, друзья: [3])
Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
Садитеся, [4]) какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святого крова, [5])
Отличіе предписывало намъ [6]).
Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный [7]) суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій сядетъ [8]) первый,
Послѣднимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ;
Но многіе не явятся межь нами... [9])
Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ:
Они придутъ! конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ,
Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ, —
И позабытъ полуденный звонокъ. [10])
Они придутъ; за праздные приборы
Усядутся; наполнятъ свой стаканъ;
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремитъ веселый нашъ пеанъ.

Въ этихъ, отброшенныхъ при печатаніи, строфахъ своего стихотворенія Пушкинъ вспоминаетъ

---

[1]) Стремлюся къ вамъ, хожу межь вами я...
[2]) Я.
[3]) Послушайте, послушайте, друзья,
[4]) Садитесь вновь.
[5]) Когда мѣста одно славнѣй другова.
[6]) ... Присвоивало намъ.
[7]) Всегда хранимъ...
[8]) Будетъ.
[9]) ... Не [сядутъ] будутъ между нами.
[10]) Забывъ межь тѣмъ полуденный урокъ.

школьные распорядки: тридцать (собственно — 29, такъ какъ одинъ вскорѣ былъ исключенъ) воспитанниковъ перваго курса Лицея въ столовой занимали мѣста по поведенію (ср. I, 447), причемъ первое мѣсто обыкновенно принадлежало Вольховскому, о которомъ въ лицейской пѣснѣ говорится:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый! (Ср. I, 401).

Эти-то стихи, можетъ быть, Пушкинымъ же и придуманные, вспомнились ему, когда онъ писалъ свое стихотвореніе. О Брогльо (Брольо) см. I, 402. Данзасъ, Константинъ Карловичъ (ум. 1869), былъ впослѣдствіи секундантомъ Пушкина въ роковой дуэли съ Дантесомъ.

4 Мечты, мечты! Со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ могъ бы я запить виномъ разлуку... [1])
5 Меня друзья со вздохомъ именуютъ
6 Кто измѣнилъ толь сладостной привычкѣ?
Кого изъ васъ увлекъ жестокій свѣтъ?
7 Онъ не придетъ, кудрявый нашъ пѣвецъ...
8 Подъ лаврами Италіи прекрасной
9 . . . . . и [нашихъ] русскихъ музъ рѣзецъ
Не начерталъ надъ раннею могилой
10 Сынъ сѣвера на берегу чужомъ

Эта строфа относится къ Н. А. Корсакову (см. I, 404). За часъ до смерти онъ сочинилъ надпись

[1]) Съ кѣмъ радостно запилъ бы я разлуку.

для памятника надъ своей могилой, и когда ему сказали, что во Флоренціи не сумѣютъ вырѣзать русскія буквы, онъ самъ начертилъ ее крупными буквами и велѣлъ скопировать на камнѣ:

Прохожій, поспѣши къ странѣ родной своей!
Ахъ! Грустно умереть далеко отъ друзей!

Товарищъ Корсакова, кн. Горчаковъ, впослѣдствіи срисовалъ его могилу и подарилъ этотъ рисунокъ директору Лицея Энгельгардту.

[11] Эта строфа, въ рукописи начинавшаяся словами: „Явился-ль ты въ кругу своихъ друзей...“, а также и слѣдующая, относятся къ Ѳедору Ѳедоровичу Матюшкину (ум. 1872), который еще съ дѣтства питалъ страсть къ морю и, выйдя изъ Лицея, отправился въ кругосвѣтное плаваніе съ кап. Головнинымъ на шлюпѣ „Камчатка“, а по окончаніи этой экспедиціи опредѣлился въ Балтійскій флотъ и въ 1820-1824 гг. участвовалъ въ описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири, подъ командою бар. Врангеля, съ которымъ впослѣдствіи еще разъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе. Матюшкинъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ и не участвовалъ въ большей части лицейскихъ годовщинъ; въ 1831 г. онъ крейсировалъ въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ; въ 1850 — въ Балтійскомъ морѣ; въ 1860-хъ гг., уже въ чинѣ контръ-адмирала, завѣдывалъ морскою частью въ Свеаборгѣ; потомъ занималъ разныя административныя должности въ морскомъ министерствѣ, былъ сенаторомъ. Онъ первый подалъ мысль поставить Пушкину памятникъ въ Москвѣ, но скончался, не доживъ до исполненія этой мысли. См. Грота, Пушк., 74-80.

[12] . . . . . мечтаются тебѣ;

[13] И [говорилъ] мнилъ одно: „На долгую разлуку...

Слова, поставленныя въ ковычки, заимствованы изъ прощальной пѣсни лицеистовъ, сочиненной бар. Дельвигомъ: „Шесть лѣтъ промчались какъ мечтанье"; здѣсь, между прочимъ, говорится:

Прощайте, братья! Руку въ руку!
Обнимемтесь въ послѣдній разъ.
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ.

Полный текстъ этой пѣсни см. у Грота, Пушк., 283.

[14] . . мудрыхъ музъ,

[15] Опутанный въ сѣтяхъ нужды суровой

[16] Съ огнемъ любви печальной и мятежной
Съ довѣрчивымъ незнаньемъ первыхъ лѣтъ

[17] . . холодный ихъ привѣтъ.

[18] Подробный и прекрасный разсказъ Пущина о посѣщеніи имъ Пушкина 11-го января 1825 г. см. у Майкова, Пушк., 77 - 83.

[19] (Далѣе въ рукописи слѣдуетъ):

Мы вспомнили, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили — [1])
Наперсники [2]), товарищи проказъ!..
И все прошло — проказы, заблужденья!
Ты, освятивъ [3]) тобой избранный санъ,
Ему [4]) въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ [5]).

---

[1]) Мы вспомнили, какъ мы впервой любили.
[2]) Ровесники...
[3]) Смиренъ, суровъ...
[4]) Но ты...
[5]) Ср. ниже, прим. къ стихотворенію „Пущину" 13 декабря 1826 г.

Потомъ четыре послѣдніе стиха были исключены, а первые перенесены во вторую половину строфы, и она начиналась обращеніемъ къ Малиновскому:

Что жь я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ, [1])
Ты, нашъ казакъ [2]) и пылкій, и незлобный,
Зачѣмъ и ты моей сѣни [3]) надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
Мы вспомнили бъ и пр.

Ив. Вас. Малиновскій (ум. 1873),—самый старшій изъ однокурсниковъ Пушкина. Поэтъ былъ съ нимъ особенно друженъ; его и Пущина вспомнилъ онъ на смертномъ одрѣ, сказавъ: „Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго: мнѣ бы легче было умирать“ (Гротъ, Пушк., 70).

[20] Ступая въ свѣтъ, мы [тотчасъ] послѣ разошлись.

[21] Кн. А. М. Горчаковъ случайно посѣтилъ Пушкина въ Михайловскомъ, въ сентябрѣ 1825 г. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 24 сентября поэтъ говоритъ: „Г. доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разошлись довольно холодно, — по крайней мѣрѣ, съ моей стороны.“ Впослѣдствіи, въ 1880 г., князь разсказывалъ Я. К. Гроту, что въ это свиданіе онъ помѣшалъ Пушкину напечатать какую-то „дурную поэму“, разорвавъ три пѣсни ея; что заставилъ его выбросить изъ Бориса Годунова слово „слюни“, которое поэтъ хотѣлъ употребить „изъ подражанія Шекспиру“, и поручился за него псковскому губернатору Адеркасу (Пушк., 268).

---

[1]) Зачѣмъ и ты не обнялъ друга съ нимъ..
[2]) О нашъ казакъ...
[3]) Глуши надгробной.

Еще ранѣе (1870) Г. отказался участвовать въ комитетѣ по сооруженію памятника Пушкину, „ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье“ (тамъ же, 16, 170).

[22] . . . . . твой голосъ разбудилъ
[23] Но я любилъ толпы рукоплесканья,
Ты [создавалъ] скромно пѣлъ для музъ и для души;
Стихи, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья . . .
[24] Ср. въ посланіи Жуковскаго къ Батюшкову 1812:

О другъ! Служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ чистымъ ихъ союзъ . . .

[25] Обращаясь къ Кюхельбекеру (имя котораго въ изд. 1829 г. замѣнено тремя звѣздочками), Пушкинъ называетъ его своимъ братомъ по музѣ оттого, что оба они писали стихи и нѣсколько — въ одномъ родѣ (элегіи), и братомъ по судьбамъ — оттого, что П. тогда жилъ въ деревнѣ, не имѣя права возвратиться въ Петербургъ или Москву, а К., по возвращеніи изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ секретаря съ А. Л. Нарышкинымъ и гдѣ прочелъ въ „Атенеѣ“ нѣсколько либеральныхъ лекцій о русской литературѣ, также принужденъ былъ удалиться отъ центра администраціи. А. И. Тургеневъ и Жуковскій передали его на попеченіе Ермолова (вотъ отчего и сказалъ Пушкинъ: „Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа“). Но К. поссорился съ Ермоловымъ и осенью 1825 г. возвратился въ Петербургъ.

[26] . сердечныхъ нашихъ мукъ
[27] . подъ кровъ уединенья
[28] Преданія души возобнови.

[29] Пушкинъ не разъ вспоминалъ своего товарища, и слѣды этихъ воспоминаній поэта остались въ его черновыхъ тетрадяхъ. Такъ, 1 іюля 1822 онъ записалъ: „Послѣ обѣда во снѣ видѣлъ Кхбкр. 1 іюля — день счастливый". А въ концѣ 1824, набрасывая черновыя строфы „Андрея Шенье", онъ прерываетъ ихъ замѣткой: „Кхбкр. — да сохранитъ тебя твой добрый геній подъ бурей" (Рук. Моск. Муз. № 2366, л. 33 об. и 2370, л. 19).

[30] Промчится годъ — и къ вамъ явлюся я!
Исполнитъ онъ завѣтъ моихъ мечтаній.

[31] Да здравствуетъ, да здравствуетъ Лицей!
(Далѣе въ рукописи слѣдуетъ):
Златые дни, уроки и забавы [1]),
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ!
О други, съ мѣстъ! Вторую наливайте! [2])
Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте,
Но за кого жь?.. О други! угадайте?
Ура, нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!
Онъ человѣкъ, имъ властвуетъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но, такъ и быть, простимъ ему гоненье: [3])
Онъ взялъ Парижъ, и создалъ нашъ Лицей.
Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...
Хвала и вамъ, хранившимъ юность нашу...

---

[1]) И каѳедра, и зимнія забавы.
[2]) . . . . бокалы наливайте!
[3]) Простимъ ему неправое гоненье.

Черный столъ находился въ лицейской столовой отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ. Словарь составлялся лицеистами и заключалъ въ себѣ шуточныя характеристики всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу Лицея. Лицейскій Мудрецъ — заглавіе издававшагося лицеистами рукописнаго журнала. Александръ Петровичъ Куницынъ (1783 - 1840), одинъ изъ талантливѣйшихъ и образованнѣйшихъ преподавателей своего времени, занималъ въ Лицеѣ, съ 1811 по 1816 г., каѳедру нравственной философіи и правовѣдѣнія. Изъ его сочиненій извѣстны: „Наставленіе воспитанникамъ, читанное при открытіи Царскосельскаго Лицея“ (Спб. 1811), о которомъ и упоминаетъ Пушкинъ въ этой строфѣ; „Изображеніе взаимной связи государственныхъ свѣдѣній“ (Спб. 1817) и „Право естественное“ (двѣ части, Спб. 1818 - 20). Послѣднее сочиненіе осуждено было къ сожженію, и авторъ былъ преданъ за него суду, отчего Пушкину и пришлось исключить его имя при печатаніи стихотворенія. См. Селезнева, Ист. очеркъ Алекс. Лицея, Спб. 1861, стр. 122 - 127, и Гаевскаго, Пушкинъ въ Лицеѣ, Соврем. 1863, № 7, стр. 135.

[32] Мы ближимся ко гробу своему...
[33] Онъ вспомнитъ насъ, дни юныхъ наслажденій...
[34] Сей вѣрный день за чашей проведетъ...

Я. К. Гротъ (Пушк., 280) приводитъ изъ бумагъ товарища Пушкина, С. Д. Комовскаго, еще слѣдующую строфу, которая, повидимому, предназначалась для этого же стихотворенія, но не вошла въ него:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,

Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ,
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же — проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой...
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой?

Подъ копіей этихъ стиховъ находилась замѣтка Комовскаго: „Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ".

XXIV. Изъ А. Шенье (стр. 23). Соврем. 1836, т. I, стр. 191, безъ подписи.

Довольно близкій переводъ отрывка А. Шенье: „Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente...", въ которомъ поэтъ воспроизвелъ сказаніе о смерти Геркулеса, послужившее темою для трагедіи Эврипида „Неистовый Гераклъ". Жена Геркулеса, Деянира, получила отъ убитаго имъ кентавра рубашку, какъ талисманъ, имѣющій силу удержать ея мужа отъ невѣрности, — и однажды послала эту рубашку Геркулесу, подозрѣвая его въ измѣнѣ. Какъ только онъ ее надѣлъ, ядъ, которымъ она была пропитана, сталъ жечь его тѣло. Геркулесъ хотѣлъ сорвать съ себя эту одежду, но она плотно пристала къ тѣлу и причиняла ему мучительную боль. Тогда герой взошелъ на гору Эту, сложилъ тамъ костеръ, легъ на него, самъ поджегъ его и въ пламени возлетѣлъ на небо.

XXV. Зимній вечеръ (стр. 24). Сѣв. Цвѣты на 1830, стр. 34. Изд. 1832.

Въ этомъ стихотвореніи отразилась жизнь Пуш-

кина въ Михайловскомъ зимой 1825 г., о которой мы имѣемъ разсказъ Пущина (см. выше стр. 373) и воспоминанія Языкова въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ нянѣ поэта, Аринѣ Родіоновнѣ. Въ первомъ изъ нихъ (Сѣв. Цв. 1828, стр. 43) Языковъ говоритъ, обращаясь къ нянѣ:

Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола...
Ты занимала насъ, добра и весела,
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ;
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
И легкіе часы летѣли беззаботно.

Въ другомъ стихотвореніи („На смерть няни Пушкина", Сѣв. Цв. 1831; стр. 53) Языковъ описываетъ обстановку пушкинскаго дома:

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
. . . . древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ, — памятникъ почтенный
Елисаветиныхъ временъ...
. . . . . .
Вонъ тамъ — обоями худыми

Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межь ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу, —
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой,
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры
И звонъ стакана о стаканъ.

. . . . . .

Шумнѣй удалая пирушка...
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!

Описаніе пушкинскаго дома уже много разъ дѣлалось, въ позднѣйшее время, его посѣтителями. Такъ, еще въ 1837-38 гг. псковскій губернскій землемѣръ Ивановъ издалъ двѣ тетради видовъ Пскова и его окрестностей. Объ этомъ изданіи есть замѣтка въ Иллюстраціи 1848, т. 6, № 9, стр. 137-139, гдѣ помѣщенъ и рисунокъ дома Пушкина. Домъ этотъ, деревянный, одноэтажный, уже въ то время обветшавшій, занималъ середину между тянувшимися въ обѣ стороны службами; передъ домомъ, съ южной стороны, былъ небольшой скверъ, а съ другой стороны — извилистая рѣка Сороть. — Въ томъ же 1848 г., въ Сѣв. Пчелѣ (№№ 247-251) напечатаны „Путевыя замѣтки“ Давида Мацкевича,

въ которыхъ также сообщено нѣсколько подробностей о пушкинскомъ домѣ. Въ 1859 г. посѣтилъ Михайловское К. Я. Тимоѳеевъ, описавшій его въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 103, стр. 139 - 151. — Новѣйшее и самое полное описаніе — въ альбомѣ В. П. Острогорскаго и В. М. Максимова „Пушкинскій уголокъ", изд. Фишера, М. 1899. Въ настоящее время въ Михайловскомъ нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ пребыванія Пушкина: помѣщичій домъ и всѣ прочія постройки — новыя. Владѣльцемъ имѣнія до послѣдняго времени былъ сынъ поэта Григорій Алѐксандровичъ; теперь же оно пріобрѣтено въ казну, и забота о немъ возложена на псковское дворянство.

„Добрая подружка бѣдной юности" Пушкина, дѣлившая съ нимъ уединенное житье въ Михайловскомъ, Арина Родіоновна, была крестьянка с. Кобрина (въ 60 в. отъ Спб.), принадлежавшаго нѣкогда дѣду поэта, О. А. Ганнибалу. Въ 1799 г. она, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми, получила вольную, но не захотѣла ею воспользоваться, и осталась въ семьѣ Пушкиныхъ. Она выняньчила сначала сестру поэта, потомъ — его самого и, наконецъ, его младшаго брата Льва и скончалась въ 1829 г. въ Петербургѣ, въ домѣ своей старшей питомицы, О. С. Павлищевой. По словамъ сосѣдокъ и пріятельницъ Пушкина, Осиповыхъ, Арина Родіоновна была „старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая". Она горячо любила своего питомца-поэта, разсказывала ему сказки, которыми онъ пользовался для своихъ произведеній, пѣла пѣсни, а онъ, въ свою очередь, дѣлился съ ней своими произведеніями:

я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй

Читаю только старой нянѣ
Подругѣ юности моей.

Эти стихи въ „Онѣгинѣ“ (гл. IV, строфа XXXV) написаны одновременно съ „Зимнимъ вечеромъ“, — и въ нихъ повторяется то же названіе няни „подругой юности“. Пѣсни, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Пушкинъ, — извѣстныя народныя: „За моремъ синичка не пышно жила“ (на тему о свадьбѣ птицъ) и „По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой“. Подробности о стихотвореніяхъ, посвященныхъ нянѣ, и особенно — о „Зимнемъ вечерѣ“ см. у Сумцова Изслѣдованія, стр. 107 - 129.

XXVI. Н. Н. (стр. 25). „Невскій Альманахъ“ на 1826 годъ“, стр. 59. Изд. 1829 г. Въ обоихъ текстахъ стихи 3 - 5 читаются:

Вы тутъ найдете ***ова,
Вел***, Х** ва; *)
К***, дальній вашъ родня...

Буква К*** вызвала нѣкоторое неудовольствіе со стороны подозрительнаго П. А. Катенина, который поспѣшилъ написать Пушкину, 3 февр. 1826: „Въ Невскомъ Альманахѣ (издатель долженъ быть слишкомъ добрый человѣкъ!) послѣ Полевого et compagnie стоитъ какой-то К*** дальній вашъ (чей?) родня. Моя совѣсть чиста, ибо я по сію пору ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ничего не печаталъ; но злые люди!..“

Невскій Альманахъ издавался, начиная съ

*) Въ альманахѣ: „Василья Путкина, ... кова“ (т. е. Маркова),

1825 г., Егоромъ Васильевичемъ Аладьинымъ (ум. 14 авг. 1860), авторомъ нѣсколькихъ плохихъ повѣстей и стихотвореній. Альманаха этого вышло всего 10 книжекъ въ 1825-1833 гг. и двѣ книги въ 1846-48 гг. Изъ произведеній Пушкина въ немъ были помѣщены: отрывки изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (1827), сцена изъ „Бориса Годунова“ (1828), отрывокъ изъ „Онѣгина“ (1829) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ, — авторъ „Сатиры на игроковъ“, вызвавшей въ 1828 г. посланіе Пушкина. О немъ см. ниже, въ примѣч. къ этому посланію.

Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ (р. 25 апр. 1788, ум. 1 окт. 1844) служилъ при Воронцовѣ въ Одессѣ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ (см. письмо къ нему въ т. VIII наст. изд.), потомъ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, наконецъ — попечителемъ одесскаго учебн. округа. Печаталъ статьи въ разныхъ журналахъ 20-хъ и 30-хъ гг., составилъ „Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ“ Спб. 1822. См. „Воспоминаніе о Княжевичѣ“ Н. Гр. (Греча), Спб. 1860.

XXVII. Баратынскому (стр. 25). Моск. Вѣстн. 1829, № 1, стр. 108, подъ заглавіемъ: „Къ ***“; изд. 1829 г., подъ заглавіемъ „Къ Б***“.

„Что же чухонка Баратынскаго?“ (такъ называлъ Пушкинъ его поэму „Эда“, героиня которой — финляндка), спрашивалъ Пушкинъ брата въ письмѣ окт. 1824: „Я жду!“ Въ половинѣ ноября онъ снова напоминаетъ объ этой поэмѣ: „Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя“. А 4 де-

кабря пишетъ: „Пришли же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ, чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду". Изъ письма въ половинѣ февр. 1825 видно, что П., наконецъ, получилъ и прочелъ „Эду". Стихъ о „зоилѣ" вызванъ, вѣроятно, замѣчаніемъ „Сѣв. Пчелы", гдѣ было сказано, что „чувство любви въ поэмѣ не возвышенно и происшествіе совсѣмъ обыкновенно". Эта фраза вызвала возраженіе въ похвальной критической замѣткѣ „Моск. Телегр." 1826, ч. VIII, стр. 62-76.

XXVIII. Буря (стр. 25). Моск. Вѣстн. 1827, ч. I, № 2, стр. 91, съ ошибкой, исправленной въ изд. 1829 г.:

[1] И вѣтеръ воилъ и леталъ.

XXIX. Н. С. Мордвинову (стр. 26). Анн., Мат., 346 (по рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 58 об).

Николай Семеновичъ Мордвиновъ, адмиралъ, впослѣдствіи — графъ (1754-1845) извѣстный своими замѣчательными мнѣніями и докладами по разнымъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ, отличавшимися просвѣщеннымъ взглядомъ на нужды Россіи, былъ въ то время, къ которому относится это стихотвореніе, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ государственнаго совѣта. По словамъ Пушкина, въ одномъ письмѣ къ кн. Вяземскому, М. „заключалъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію". Его воспѣлъ и Рылѣевъ въ своей извѣстной одѣ „Гражданское мужество":

намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной

Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

Баратынскій, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Гнѣдичу, также упоминаетъ о Мордвиновѣ:

Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ дней Фелицыныхъ оставшійся одинъ,
Но смѣло духъ ея хранившій въ вѣкѣ новомъ,
Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать царя...

Подробная біографія М. составлена В. С. Иконниковымъ: „Графъ Н. С. Мордвиновъ, историч. монографія", Спб. 1873.

Василій Петровичъ Петровъ (1733-1799), стихотворецъ екатерининскихъ временъ, написалъ въ 1796 г. оду „Его Высокопревосходительству адмиралу Н. С. Мордвинову" (Соч. Петрова, М. 1811, II, 182), въ которой, между прочимъ, говоритъ:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:
Ты будешь отчества оплотъ!
Свершеніе надежды
Моими зря днесь вѣжды
И славу сбытія,
Не возыграю-ль я?

Объ этой одѣ П. А. Плетневъ напечаталъ въ Трудахъ вольн. общ. люб. росс. слов. 1824 осо-

бую статью (см. его Соч., I, 121); онъ же посвятилъ Мордвинову большое стихотвореніе: „Долгъ гражданина“ (Соч., III, 300). О Петровѣ см. статью И. А. Шляпкина въ Истор. Вѣстн. 1885, № 11, стр. 381 - 405.

XXX. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ (стр. 27) напечатаны Я. К. Гротомъ въ газетѣ „Русь“ 1881, № 11, по найденной въ бумагахъ Плетнева копіи, сдѣланной Погодинымъ.

Личность Стеньки Разина привлекала къ себѣ особенное вниманіе Пушкина: поэтъ искалъ „хотя бы сухого историческаго извѣстія“ о немъ, называлъ его „единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи“, записывалъ народныя пѣсни о немъ и, наконецъ, задумалъ самъ сочинить нѣсколько пѣсенъ въ народномъ духѣ. Л. Н. Майковъ (Пушк., 154) замѣчаетъ, что Разинымъ интересовался также и Н. Н. Раевскій, который тоже собиралъ о немъ свѣдѣнія и впослѣдствіи даже намѣревался писать исторію разинскаго бунта. „Такимъ образомъ, народныя волненія Поволжскаго степного края представляли для обоихъ друзей любопытную историческую задачу. Можно не сомнѣваться, что начало ихъ общаго интереса къ этому предмету восходитъ ко времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, когда въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные признаки сочувствія къ своевольному атаману гулящихъ шаекъ. Конечно, въ тѣхъ же раннихъ впечатлѣніяхъ коренится зародышъ позднѣйшей мысли Пушкина заняться изученіемъ Пугачевщины...“

Погодинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (Рус. Арх. 1865, стр. 95), разсказываетъ, какъ Пушкинъ читалъ

свои пѣсни о Разинѣ. Лѣтомъ 1827 года поэтъ хотѣлъ ихъ напечатать въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими своими произведеніями, отослалъ къ Плетневу, для представленія, черезъ Бенкендорфа, на высочайшую цензуру. По возвращеніи этихъ стихотвореній отъ государя, Бенкендорфъ увѣдомилъ, что „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію. Сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева". Послѣ такого замѣчанія, очень похожаго на выговоръ, Пушкинъ, вѣроятно, уничтожилъ свою рукопись: по крайней мѣрѣ, она до сихъ поръ нигдѣ не отыскана. Записанныя Пушкинымъ народныя пѣсни о Разинѣ находятся въ рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 52 об. — 50 об. Онѣ напечатаны Анненковымъ въ газетѣ „Порядокъ" 1881, № 11, а нами помѣщаются, въ исправленномъ видѣ, въ приложеніи къ настоящему тому. См. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 547, и Грота, Пушк., 135-142.

XXXI. Только что на проталинахъ... (стр. 29). Анн., I, 345; Мат., 337.

XXXII. Стрекотунья бѣлобока... (стр. 29). Анн., I, 344; Мат., 336. Можетъ быть, относится къ посѣщенію Пушкина Ив. Ив. Пущинымъ, 11 января 1825 г. Ср. Шляпкина, Изъ неизд. бумагъ Пушк., стр. 4.

XXXIII. Лишь розы увядаютъ... (стр. 30). По рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 56 об., напечатано (неточно) въ Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 30.

O Chapelain, toi dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudras bien me prêter ton génie:
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Houdart,
Quand l'Iliade est par lui travestie.

XXXVIII. Черновые наброски:

Первый („Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны...", стр. 37) по рукописи Моск. Муз. № 2370, л. 55, нап. въ Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 29.

Второй („Любимецъ моды легкокрылой...", стр. 37) по рукописи № 2367, л. 58 — въ Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 352. Эти стихи не могутъ относиться къ Кипренскому, какъ предполагаетъ г. Ефремовъ, потому что К. написалъ портретъ Пушкина, по заказу барона Дельвига, только въ 1827 г. (портретъ, гравированный Уткинымъ, былъ приложенъ къ „Сѣв. Цвѣтамъ" на 1828 г.), стихи же, по содержанію тетради, въ которой они находятся, и по мѣсту, мии въ ней занимаемому, написаны никакъ не позже 1825 года.

Третій („Шумитъ кустарникъ...", стр. 38) — по рук. № 2367, л. 50, — тамъ же, стр. 351.

Четвертый („Сосѣдство ваше намъ опасно", стр. 38) — по рук. № 2370, л. 51,. напечатанъ не вполнѣ тамъ же, т. 43, стр. 25.

Можетъ быть, къ 1825 г. относится также набросокъ, написанный Пушкинымъ „на лоскуткѣ, безъ года" и напечатанный Шляпкинымъ (стр. 66) по копіи Анненкова:

Что съ тобой, скажи, мнѣ, братецъ?
Блѣденъ ты, какъ святотатецъ,
Волоса стоятъ горой!
Или съ дѣвой молодой
Пойманъ былъ ты у забора
И, принявъ тебя за вора,
Сторожъ гнался за тобой?
Иль смущенъ ты привидѣньемъ?
Иль, за тяжкіе грѣхи
Мучась дивнымъ вдохновеньемъ,
Сочиняешь ты стихи?

1826.

I. Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ (стр. 39). Анн. VII, 92. Объ Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ, которую въ семьѣ Осиповыхъ звали „Euphrosine“, „Зиной“ или „Зизи“, см. выше, стр. 354. Пятистишіе Пушкина написано, вѣроятно, по поводу какого-нибудь разорваннаго ею стихотворенія.

II. Подъ небомъ голубымъ... (стр. 39). Сѣв. Цвѣты на 1828 г., стр. 51; Посм., IX, 466. Черновая рукопись этого стихотворенія, извѣстная Анненкову, но не вошедшая въ собраніе пушкинскихъ бумагъ Московскаго Музея, представляла слѣдующія первоначальныя чтенія:

[1] Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей
[2] быть можетъ, надо мной
[3] . . . . . бурною душой

люша: „Кого послю, и кто поидетъ къ людемъ симъ?“ И рекохъ: „Се азъ есмь, посли мя“. И рече: „Идн и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видяще узрите и не увидите. Одебелѣ бо сердце людій сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи своя смежиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ“.

Н. И. Черняевъ, въ статьѣ: „Пророкъ Пушкина и его связь съ Подражаніями Корану“ (М. 1898), высказываетъ мнѣніе, что стихотвореніе навѣяно образами не библейскими, а вычитанными изъ Корана, и что пушкинскій пророкъ — не кто иной, какъ Магометъ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ возражаетъ („Изслѣдованія“, 5-13), что такое предположеніе „идетъ совершенно въ разрѣзъ съ общимъ стремленіемъ Пушкина къ художественному обобщенію“ и что, въ частности П. не имѣлъ „ни малѣйшаго расположенія къ Магомету“. См. тамъ же возраженія и противъ свящ. Троицкаго, который въ Кіевскомъ Сборникѣ 1899 г. осуждаетъ Пушкина „съ строго религіозной точки зрѣнія“ за отступленія отъ библейскаго текста: поэтъ „вовсе не желалъ выразить здѣсь того или другого пророка, ни Исаіи, ни Магомета, не желалъ придать образу поэта такой односторонній пафосъ, даже не желалъ воспроизвести общій типъ ветхозавѣтныхъ провозвѣстниковъ воли Божіей. „Пророкъ“ — исключительно литературное достояніе, лишь художественный поэтическій образъ, но такого захвата, который выходитъ далеко за предѣлы какихъ-либо частныхъ историческихъ или бытовыхъ рамокъ. Сущность и сила этого произведенія заключается не въ томъ или другомъ частномъ его истолкованіи, частномъ примѣненіи — къ Биб-

ліи, исторіи, литературѣ, а въ глубинѣ образа, въ неисчерпаемо возможномъ его содержаніи. . .“

Автографъ „Пророка“ намъ неизвѣстенъ. Существуетъ преданіе, впервые оглашенное, кажется, А. П. Пятковскимъ въ статьѣ: „П. въ кремлевскомъ дворцѣ 8 сент. 1826 г.“ (Рус. Стар. 1880, № 3, стр. 673 — 675), будто это стихотвореніе написано было Пушкинымъ передъ самымъ отъѣздомъ его въ Москву и было у него въ карманѣ при представленіи государю; оканчивалось же оно, будто бы, слѣдующимъ четверостишіемъ:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди — и съ вервіемъ на выи
Къ царю россійскому явись!

Являясь въ кремлевскій дворецъ, П. имѣлъ твердое намѣреніе, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ государемъ, вручить ему, на прощанье, эти стихи. Пріѣхавъ изъ дворца къ Соболевскому, онъ замѣтилъ, что гдѣ-то обронилъ листокъ со стихами, и очень безпокоился, не случилось ли это во дворцѣ; но листокъ отыскался въ квартирѣ Соболевскаго. Это преданіе, подхваченное легковѣрными критиками (проф. Незеленовъ и др.), представляется, по существу, совершенно невѣроятнымъ, не говоря уже о технической сторонѣ четверостишія. Г. Сумцовъ, признающій это четверостишіе „чисто-пушкинскимъ“ — наряду съ зуевской „Русалкой“ и прочими тому подобными измышленіями памятливыхъ старцевъ и плохихъ виршеплетовъ, — самъ, однако-же, говоритъ, что „Пушкинъ, при его умѣ, не могъ допустить въ „Пророкѣ“ та-

кого нелѣпаго окончанія". Н. И. Черняевъ („Пророкъ", стр. 14) и В. Д. Спасовичъ (Соч., II, 335) рѣшительно и вполнѣ основательно отвергаютъ какъ самое преданіе, такъ и принадлежность Пушкину приведенныхъ стиховъ. Ср. Сумцова, стр. 192 - 193.

IV. Е. А. Тимашевой (стр. 41). Альманахъ „Радуга", изд. П. Арапова и Д. Новикова, М. 1830, стр. 78; Совр. 1837, т. X; Посм., IX, 201, подъ заглавіемъ: „Женщинѣ - поэту" и съ слѣдующими варіантами:

[1] Я слушалъ васъ. . . Я прочиталъ
Сіи небрежныя созданья. . .
[2] Въ исполненныхъ души чертахъ
[3] . . . . . завѣтной розы. . .
[4] . . . . . кто ей внушалъ
Единый стихъ и много прозы.

Екатерина Александровна Тимашева писала стихи, изъ которыхъ особенно извѣстна была пѣсня, напеч. въ Литер. Газетѣ 1831, № 12, съ припѣвомъ: „Ты не повѣришь, какъ ты мила!" Баратынскій посвятилъ ей стихотвореніе: „Вамъ все дано съ щедротою пристрастной". Что такое Запретная Роза, — намъ неизвѣстно. Подъ этимъ заглавіемъ кн. Вяземскій напечаталъ въ Моск. Телегр. 1826, ч. VIII, № 5, стр. 3, стихотвореніе, начинающееся стихомъ: „Московскихъ розъ царица и краса", гдѣ говорится о томъ, что эту розу похитилъ „шмель, пчелѣ и розѣ врагъ", и что она стала поэтому недоступною для любви:

Счастливъ, кто снявъ съ цвѣтка запретъ враждебный,

Кто, возвративъ ее пчелѣ любви,
Ей скажетъ: цвѣтъ прелестный, цвѣтъ волшебный!
Познай весну и къ счастью оживи!

Въ томъ же журналѣ, 1827, ч. XIII, кн. 1, стр. 5-9, въ статьѣ: „Взглядъ на рус. литературу 1825 и 1826 гг.", запретною розою называется литература: „соловьи свищутъ около нея, но, кажется, не хотятъ или ни смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи. Подумаешь, что русская литература выбрала девизомъ: впередъ не забѣгай, назади не оставайся и въ срединѣ не вертись".

Въ письмѣ отъ 9 ноября 1826 г. Пушкинъ спрашивалъ Вяземскаго: „Что Запретная Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу... Но и это не ушло".

V. Къ ***: „Зачѣмъ безвременную скуку..." (стр. 41). Моск. Вѣстн. 1827, № 1, стр. 91. Въ прежнихъ изданіяхъ это стихотвореніе относилось къ 1821 г.; но на автографѣ, находящемся въ Чертковской Б-кѣ, стоитъ помѣта: „1 ноября 1826 Москва". По указанію П. В. Анненкова (II, 288), оно относится къ Плещееву; но въ другомъ мѣстѣ (VII, 165) тотъ же Анненковъ относитъ его къ Кюхельбекеру. Въ подлинникѣ оно не имѣетъ заглавія, и если выбирать между указанными двумя лицами, то, по соображенію съ помѣтою, конечно, должно быть отнесено къ первому изъ нихъ. Въ собственноручномъ спискѣ произведеній 1821 г.,

сохранившемся въ одной изъ пушкинскихъ тетрадей (см. т. I, стр. 582), упоминается пьеса подъ заглавіемъ: „Плещѣеву“; но мы не видимъ основанія отождествлять ее именно съ этимъ стихотвореніемъ. Ср. Рус. Арх. 1866, ст. 1172.

Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (род. ок. 1775, ум. 1827) былъ сынъ Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны Пл-выхъ, которымъ Карамзинъ посвятилъ „Письма Русскаго Путешественника“. Онъ былъ членомъ „Арзамаса“, гдѣ носилъ прозвище „Чернаго Врана“—по смуглому цвѣту лица. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ можно найти у Вигеля, Воспом., V, 45 - 46 и Зейдлица, Жизнь и поэзія Жуковскаго, Спб. 1883, стр. 44 - 45.

VI. Зимняя дорога (стр. 42). Моск. Вѣстн. 1828, № 3; изд. 1829. Въ послѣднемъ стихѣ 5-й строфы Поливановъ видитъ отзвукъ элегіи В. Туманскаго: „На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья...“, напеч. въ Сѣв. Цвѣтахъ 1825, стр. 289, которую Пушкинъ хвалитъ въ письмѣ къ брату въ половинѣ февр. 1825 г.

VII. Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому (стр. 43). Изд. 1829 г. Въ черновомъ подлинникѣ озаглавлено: „Отвѣтъ х+у“. Ѳедоръ Антоновичъ Туманскій (ум. въ Бѣлградѣ, 5 іюля 1853) былъ въ 20-хъ гг. консуломъ въ Яссахъ, откуда часто пріѣзжалъ въ Кишиневъ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ. Въ печати извѣстно всего 8 его стихотвореній, помѣщенныхъ въ Сѣв. Цвѣтахъ 1825—30 гг. и перепечатанныхъ въ книжкѣ: „Стихотворенія В. И. Туманскаго“, Спб. 1881. Стихотвореніе, на которое отвѣчалъ Пушкинъ, въ печати неизвѣстно. Между

прочимъ, Туманскій написалъ Пушкину стихотвореніе, которое Л. Н. Павлищевымъ безъ всякаго основанія приписано было своей матери, Ольгѣ Сергѣевнѣ, сестрѣ Пушкина:

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ...

См. Каллашъ, Рус. поэты о Пушкинѣ, М. 1899, стр. 14.

VIII. Ив. Ив. Пущину (стр. 43). Посм., IX, 392, безъ заглавія; Соврем. 1841, т. XXII.

„1828 года 5-го генваря", разсказываетъ Пущинъ въ своихъ запискахъ (Майковъ, Пушк., 83-85), „привезли меня изъ Шлиссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился, наконецъ, съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Что дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ,—я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что П. первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева (супруга Никиты Михайловича, урожденная графиня Чернышева) и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было (это стихотвореніе). Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина. Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи... Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего зна-

комаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ П-бурга, хранила его до свиданія со мною и рада, что могла, наконецъ, исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, въ 1839 г., я послалъ эти стихи къ Плетневу; такимъ образомъ были они напечатаны".

Пушкинъ и раньше нерѣдко вспоминалъ своего „перваго друга". Такъ, въ одной изъ тетрадей (рук. Моск. Муз. № 2366, л. 33 об.), среди стихотворныхъ набросковъ, относящихся къ 1822 г., находится замѣтка: „Послѣ обѣда во снѣ видѣлъ Кхбкр." (Кюхельбекера). „1 іюля день счастливый". Написавъ фамилію Кюхельбекера съ пропускомъ гласныхъ, Пушкинъ тутъ же дважды написалъ и свою фамилію такимъ же образомъ: Пшкн. и потомъ—анаграммою, тоже дважды: Нкшп., а рядомъ съ нею, также анаграммою и безъ гласныхъ, фамилію Пущина: Нщп. (Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 335). О посѣщеніи Пущинымъ Михайловскаго см. выше, стр. 373.

Въ копіи Анненкова, найденной И. А. Шляпкинымъ (Неизд. бум., стр. 68) оказался первоначальный набросокъ этого стихотворенія, написанный еще въ 1825 г. Здѣсь, послѣ стиха: „Твой колокольчикъ огласилъ", читается:

Забытый кровъ, шалашъ опальный
Ты съ утѣшеньемъ посѣтилъ,
Ты день отрадный и печальный
Съ изгнаннымъ другомъ раздѣлилъ.
Скажи, куда дѣвались годы?
Скажи, что наши, что друзья?
Гдѣ жь молодость? Гдѣ ты? Гдѣ я?
Судьба рукой своей желѣзной
Разбила мирный нашъ Лицей;

Но ты счастливъ, о братъ любезный,
На избранной чредѣ своей.
Ты побѣдилъ предразсужденья...

Эти стихи, въ измѣненномъ видѣ, П. включилъ въ стихотвореніе „19 октября 1825 г." (см. выше, стр. 21), а начальными пятью строками воспользовался впослѣдствіи для посланія къ Пущину — уже въ Сибирь.

IX. Стансы: „Въ надеждѣ славы и добра..." (стр. 43). Моск. Вѣстн. 1828, № 1, стр. 3, безъ подписи. А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ А. И. Михайловскому-Данилевскому отъ 10 янв. 1828 г., сообщилъ это стихотвореніе съ слѣдующей припиской: „Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu, написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетѣ его величества", и съ варіантами:

Ст. 6: Но озарилъ умы наукой
12: Ея предвидѣлъ назначенье
15: Онъ всеобъемлющей рукой
18, 19: Будь пращуру во всемъ подобенъ:
Какъ онъ, рѣшителенъ и бодръ

Извѣстно, что императоръ Николай принималъ Пушкина въ Чудовскомъ дворцѣ 8 сентября 1826 г.; стихотвореніе же носитъ помѣту: „22 декабря 1826, Москва, у Зуб.", т. е. у Зубкова, Василія Петровича, лицеиста II выпуска, женатаго на родственницѣ Пушкина, у котораго поэтъ останавливался въ 1826 г. Быть можетъ, въ рукахъ Тургенева былъ первоначальный черновикъ или искаженный списокъ; во всякомъ случаѣ, странно, что Т., такъ близко знав-

шій Пушкина, получилъ „Стансы“ болѣе года спустя послѣ ихъ написанія и притомъ — въ редакціи, отличающейся отъ печатнаго текста. См. Рус. Стар. 1890, т. 68, стр. 747-748.

X. Князю П. П. Вяземскому (стр. 44). Рус. Арх. 1867, № 2. Въ своей брошюрѣ: „Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива“, Спб. 1880, стр. 9-10, сообщаетъ, что эти стихи Пушкинъ написалъ, по пріѣздѣ въ Москву, въ его дѣтскій альбомъ, откуда они впослѣдствіи были вырѣзаны и переклеены въ другой альбомъ, теперь затерявшійся. При этомъ князь приводитъ стихи въ другой редакціи. Мы печатаемъ ихъ по тексту Рус. Архива, гдѣ они взяты съ автографа.

XI. Наброски:

Первый („О ты, который сочеталъ...“, стр. 44) по рук. Моск. Муз. № 2367, л. 61 об., напеч. въ Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 353. Въ нашемъ изданіи печатается въ исправленномъ видѣ. Относится, вѣроятно, къ кн. П. А. Вяземскому.

Второй („Все въ жертву памяти твоей...“, стр. 45). Анн., Мат., 337. Не находится въ собраніи Моск. Музея. И. А. Шляпкинъ (стр. 3) напечаталъ, по имѣющемуся у него автографу, слѣдующій конецъ этого стихотворенія:

И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, — бурная мечта
Ожесточеннаго страданья.

Изъ автографа видно, что стихотвореніе написано не въ 1826, а въ 1825 году (оно помѣчено: „Триг.

23, Тригорск. 22") и относится, вѣроятно, къ А. П. Кернъ, уѣхавшей въ іюлѣ 1825 г. въ Ригу вмѣстѣ съ А. Н. Вульфомъ. На эту поѣздку и намекаетъ упоминаніе о ревности поэта; въ словахъ о „слезахъ дѣвы" проф. Шляпкинъ видитъ намекъ на Е. Н. Вульфъ.

Къ 1826 году относится также эпиграмма: „Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ...", которая, по своему содержанію, не можетъ быть въ настоящемъ изданіи напечатана.

1827.

I. Ангелъ (стр. 46). Сѣв. Цвѣты на 1828, стр. 59; изд. 1829. Н. А. Полевой относилъ это стихотвореніе, наряду съ „Наполеономъ", „Демономъ" и элегіями: „Къ морю" и „Андрей Шенье", къ числу „отличительныхъ" созданій Пушкина. Въ Ангелѣ онъ видѣлъ „глубоко запавшее въ душу самого отверженнаго духа зерно неба и полное презрѣніе ко всему не небесному". Бѣлинскій также призналъ это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина. По мнѣнію Анненкова, „представленіе демона здѣсь смягчено подъ дѣйствіемъ жизни и, можетъ быть, личнаго опыта". Какъ уже замѣчено выше, стр. 356, есть основаніе относить это стихотвореніе къ Ел. Кс. Воронцовой.

II. Талисманъ (стр. 46). Въ альманахѣ Ард. Иванова „Альбомъ сѣверныхъ музъ", Спб. 1828 стр. 127; изд. 1829 г.

„Талисманъ“ — перстень, подаренный Пушкину гр. Е. К. Воронцовой въ 1824 г., на дачѣ Рено, въ 2-хъ верстахъ отъ Одессы. Этотъ перстень Пушкинъ носилъ обыкновенно на большомъ пальцѣ правой руки (для другихъ пальцевъ онъ былъ слишкомъ великъ), нерѣдко запечатывалъ имъ свои письма и не разставался съ нимъ до смерти. Съ мертвой руки поэта онъ былъ снятъ Жуковскимъ, по смерти котораго, въ 1852 г., перешелъ къ его сыну, Павл. Васильевичу, а послѣднимъ былъ подаренъ, въ 1870-хъ гг., И. С. Тургеневу. Въ 1880 г. Тургеневъ доставилъ его на московскую и петербургскую пушкинскія выставки (см. Соврем. Извѣстія 1880, № 155 и книгу: „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“, Спб, 1880, стр. 326, а также каталогъ петербургской выставки, стр. 33; въ „Альбомѣ“ моск. выставки, на стр. 159, находится и оттискъ сердоликовой печати перстня). По смерти Тургенева, въ 1883 г., „талисманъ“ достался г-жѣ Полинѣ Віардо, которая подарила его Пушкинскому Музею Александровскаго Лицея. Перстень этотъ представляетъ сердоликовую печать, съ еврейскою надписью: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна“. По отзыву спеціалистовъ, онъ — происхожденія крымско-караимскаго и по времени работы относится къ концу XVIII или началу XIX столѣтія. По словамъ П. В. Анненкова, П. самъ вѣрилъ въ волшебную силу „талисмана“ и, „по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участью этого перстня, бережно имъ хранимаго“ (Мат., 171). Съ этимъ перстнемъ онъ изображенъ и на извѣстномъ портретѣ работы Тропинина, написанномъ въ 1827 г. по заказу Соболевскаго.

Что касается стихотворенія „Талисманъ“, то оно, по вѣрному замѣчанію Л. И. Поливанова (Соч. Пушк., изд. 1893, т. I, стр. 242), „носитъ характеръ подражанія восточной поэзіи: здѣсь усвоены ея антитезы и параллелизмъ въ расположеніи мыслей. Однообразное окончаніе каждой строфы, сверхъ того, придаетъ мелодіи стихотворенія характеръ тѣхъ монотонныхъ мотивовъ, которыми отличается музыка востока. Сила же чувства, заключающагося въ каждомъ словѣ, и обиліе высказанныхъ думъ, которыя какъ бы долго сберегались любящею душою для послѣдней минуты разставанія, — представляютъ оригинальный контрастъ съ этой мелодіей, стиха сообщающій словамъ заклинанія напряженный тонъ глубокаго чувства“.

Стихотвореніе послужило сюжетомъ для изданной въ Москвѣ въ 1833 г. лубочной картины, изображающей турчанку, передающую талисманъ своей наперсницѣ. Внизу напечатано все стихотвореніе, съ перемѣною въ 3-мъ стихѣ:

Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ,

вмѣсто: „теплѣе“. Эта довольно рѣдкая гравюра описана П. А. Ефремовымъ въ прим. къ „Талисману“ въ издд. 1880 и 1882 гг. и упомянута В. И. Межовымъ въ его „Puschkiniana“, Спб. 1887, подъ, № 3581.

„Талисманъ“ Пушкина вызвалъ подражанія. Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Мой талисманъ“ и съ подписью: „А. Б..л..н..нъ“, появилось въ Сынѣ Отеч. и Сѣв. Архивѣ 1829, ч. 5, стр. 137, а второе, подъ заглавіемъ: „Талисманъ“ и съ подписью: „Д.....а“, — въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1831 г., стр. 87. Авторомъ этого послѣдняго стихотворенія была

„Додо“ (Евдокія) Сушкова, впослѣдствіи графиня Ростопчина: это было первое печатное произведеніе 19-лѣтней писательницы. При жизни Пушкина, его стихотвореніе было переведено на англійскій яз.-въ книжкѣ: „The Talisman. By Al. Pushkin. From the Russian. With other pieces“ (Spb. 1835) и на французскій — въ сборникѣ: „La Balalayka. Chants populaires russes et autres morceaux de poésies, traduits en vers et en prose par Paul de Julvécourt“. Paris 1837. Другіе переводы явились уже по смерти поэта. Подробности см. въ статьѣ В. П. Гаевскаго: „Перстень Пушкина по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“, въ Вѣстн. Европы 1888, февр., стр. 521 - 537.

III. Соловей (стр. 47). Литературный Музеумъ (В. В. Измайлова) 1827, стр. 311. О соловьѣ, влюбленномъ въ розу, см. т. I наст. изд., стр. 365 и 671-672. Л. И. Поливановъ указываетъ на связь этого стихотворенія съ другими произведеніями того же времени, — „Поэтъ“ (стр. 57) и „Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ...“ (стр. 58): всѣ эти стихотворенія явились плодомъ размышленій о поэтѣ, о свойствахъ его вдохновенія, объ отношеніи къ нему общества и его отношеніи къ обществу, среди котораго онъ живетъ. Въ частности, въ „Соловьѣ“ выражается мысль о безотзывности поэта, какъ пѣвца любви.

IV. Посланіе въ Сибирь (стр. 48). Полярн. Звѣзда 1856, кн. II, стр. 13; Рус. Арх. 1874, № 9. Написано въ Москвѣ и передано А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ мужу, находившемуся тогда на Петровскомъ заводѣ, близь Читы (Иркутской губ., Верхнеудинскаго уѣзда). Декабристъ кн. Александръ

Ивановичъ Одоевскій написалъ на это посланіе отвѣтъ:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки, —
Но лишь оковы обрѣли...

См. стихотворенія Одоевскаго, изд. бар. Розеномъ, Спб. 1882, и сборникъ Бартенева: „Пушкинъ", М. 1881, I, 112.

V. Есть роза дивная... (стр. 48). Историческій Альбомъ" М. П. Погодина, М. 1853 (снимокъ съ рукописи); Библ. Зап. 1859, № 6, ст. 185.

VI и VII. Е. Н. Ушаковой (стр. 49). Библ. Зап. 1859, № 6, стр. 184, съ ошибками, исправленными Л. Н. Майковымъ, Пушк., 363.

Съ семействомъ Ушаковыхъ, состоявшимъ изъ отца — Николая Васильевича, матери — Софьи Андреевны, двухъ дочерей — Екатерины и Елизаветы, и трехъ сыновей, Пушкинъ познакомился въ Москвѣ осенью 1826 г. Домъ Ушаковыхъ на Средней Прѣснѣ былъ очень извѣстенъ въ тогдашней Москвѣ: тамъ постоянно бывали разные выдающіеся музыканты, пѣвцы, а также и литераторы, напр. Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, кн. П. И. Шаликовъ, кн. Вяземскій и др. Пушкинъ скоро сталъ въ этомъ домѣ своимъ человѣкомъ и постояннымъ посѣтителемъ, ухаживалъ за обѣими сестрами, писалъ имъ въ альбомы стихи, рисовалъ карикатуры и пр. Два альбома старшей сестры, Екатерины Николаевны, были потомъ сожжены ея мужемъ, М. Д. Наумовымъ, „ревность котораго не пощадила этого драгоцѣннаго собранія"; два

стихотворенія сохранились случайно, въ копіяхъ, сдѣланныхъ самою Е. Н.

См. статью Л. Н. Майкова: „Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ“ въ книгѣ „Пушкинъ“, стр. 355-377.

VIII. Кн. Волконской (стр. 50). Моск. Вѣстн. 1827, № 9, стр. 113; изд. 1829.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, дочь кн. Ал. Мих. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (род. въ Туринѣ 1792, ум. въ Римѣ 1862), первое свое литературное и эстетическое образованіе получила благодаря заботамъ отца, который былъ извѣстенъ какъ французско-русскій писатель. Выйдя за князя Никиту Григорьевича В. (ум. 1844), жила сначала въ Петербургѣ, занимая высокое положеніе при дворѣ; оставивъ Россію послѣ 1812 г., заняла такое же положеніе и за-границей, особенно — въ Теплицѣ, Вѣнѣ и Веронѣ, во время большихъ политическихъ конгрессовъ, гдѣ въ ея обществѣ любилъ бывать императоръ Александръ I. Возвратившись въ Россію, занялась изученіемъ родной старины; но въ Петербургѣ ея научныя стремленія возбудили неудовольствіе и насмѣшки высшаго общества, и потому она, въ концѣ 1824 г., переселилась въ Москву, гдѣ ея домъ сдѣлался средоточіемъ избраннаго литературнаго и артистическаго круга. Хозяиномъ на ея вечерахъ былъ кн. П. А. Вяземскій, а въ числѣ постоянныхъ гостей — Мицкевичъ, Веневитиновы, Шевыревъ, И. В. Кирѣевскій, Баратынскій, Норовы, Максимовичъ и др. Въ 1829 г. она переѣхала изъ Москвы въ Римъ и, принявъ католичество, уже не возвращалась въ Россію. Ею написано на русскомъ и французскомъ яз., нѣсколько произведеній въ сти-

хахъ и прозѣ: „Quatre Nouvelles“ (M. 1819); „Giovanna d'Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller,“ Roma 1820; „Tableau Slave du V siècle“, Paris 1824, русск. пер. въ Дамск. Журн. 1826, ч. IX и отд., М. 1826; стихотворенія, беллетристическіе отрывки и путевыя впечатлѣнія — въ разныхъ московскихъ журналахъ и альманахахъ (Моск. Вѣстн., Московск. Наблюд., Москвитянинъ, „Денница“ Максимовича, Вѣстн. Европы, Моск. Телегр. и др.). Собраніе ея сочиненій изд. ея сыномъ, кн. Александромъ Никитичемъ (ум. 1878), на русскомъ (Карлсруэ 1865) и французскомъ (Парижъ 1865) языкахъ. Въ 1826 г. въ Москвѣ вышла брошюра о ней: „Portrait de M-me la princesse Zénéide Volkonsky“, тогда же переведенная на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Узнанная“. См. Рус. Арх. 1864, ст. 667 и 1867, стт. 311 и 671; Рус. Стар. 1875, т. XII, стр. 822: „Вечеръ у кн. Волконской“; Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. I, кн. 2, М. 1889, стр. 265-268; Истор. Вѣстн. 1897, №№ 3 и 4 (ст. Н. А. Бѣлозерской). Письмо ея къ Пушкину, нап. у Бартенева, Пушк., I, 148; здѣсь она, между прочимъ, убѣждаетъ поэта вернуться въ Москву и обѣщаетъ прислать ему литографію своего портрета въ видѣ Жанны д'Аркъ.

Упоминаніе въ стихахъ Пушкина о знаменитой итальянской пѣвицѣ Анджеликѣ Каталани (1783-1849) объясняется тѣмъ, что она, въ бытность свою въ Москвѣ, поѣхала однажды слушать цыганъ, и такъ осталась довольна пѣніемъ „Стеши“, что сняла съ себя и подарила ей дорогую шаль. „Стеша“ — мать Ольги Андреевны, которая жила у пріятеля Пушкина П. В. Нащокина (см. письма къ нему въ т. VIII).

IX. Графинѣ Кочубей (стр. 50). Молодикъ на 1844 годъ (изд. Бецкаго), ч. II, стр. 7, подъ заглавіемъ: „Въ альбомъ г. К.“ Анн., VII, 95. Во всѣхъ изданіяхъ отнесено къ графинѣ Натальѣ Викторовнѣ Кочубей, бывшей за гр. А. Гр. Строгоновымъ (о ней см. наст. изд. т. I, стр. 389); но Л. Н. Майковъ (Мат. 52), на основаніи сохранившагося въ Остафьевскомъ архивѣ автографа, относитъ это стихотвореніе къ кн. А. И. Голицыной (о ней см. т. I, стр. 524). Въ упомянутомъ автографѣ написано на одномъ листѣ съ одой „Свобода“, такъ что, можетъ быть, относится и не къ 1827 г., а къ болѣе раннему времени.

X. Княжнѣ Урусовой (стр. 51). Изд. 1880 г. — Въ изд. Лит. Фонда указаны опечатки: „Троицѣ“ вмѣсто „граціямъ“ и „Богъ“ вм. „видъ“. Это четверостишіе представляетъ подражаніе экспромпту Вольтера, сказанному въ 1859 г. красавицѣ женѣ пастора Верна:

Oui, j'en conviens, chez moi la Trinité
Jusqu'à présent n'avait pas fait fortune;
Mais j'aperçois les trois Graces en une, —
Vous confondez mon incrédulité.

Къ этому же времени относится и напечатанный въ „Матеріалахъ“ Л. Н. Майкова, стр. 264, по рукописи Моск. Муз. № 2267, л. 26 об., мадригалъ княжнѣ Хованской, начинающійся стихомъ: „Ты богоматерь, — нѣтъ сомнѣнья“ и состоящій изъ 12-ти стиховъ. Приводимъ изъ него конецъ:

Есть богъ другой, — земного круга
Ему послушна красота;

Онъ — богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я;
Онъ весь въ тебя, — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

XI. На А. Н. Муравьева (стр. 51). Моск. Вѣстн. 1827, № 6, стр. 124, съ подписью: А. П. — Посм., IX, 464.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ (1806 - 1874), впослѣдствіи — извѣстный церковный писатель, авторъ „Путешествія къ св. мѣстамъ", „Писемъ о богослуженіи", „Исторіи россійской церкви", „Житій святыхъ" и т. д., въ своей брошюрѣ: „Знакомство съ русскими поэтами" (Кіевъ, 1871) разсказываетъ, что однажды, на вечерѣ у кн. Волконской, онъ, по неловкости, сломалъ руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу. Это и вызвало эпиграмму П., который, по словамъ М., „не разобралъ стиховъ, сейчасъ же написанныхъ мною въ свое оправданіе на пьедесталѣ статуи, и думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона". Обиженный прозвищемъ „Митрофана Бельведерскаго", онъ отвѣтилъ Пушкину тоже эпиграммой:

Какъ не злиться Митрофану?
Аполлонъ обидѣлъ насъ:
Посадилъ онъ обезьяну
Въ первомъ мѣстѣ на Парнасѣ.

См. Новое Время 1880, № 1518.

Литературную параллель къ эпиграммѣ Пушкина представляютъ стихи Державина:

Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пиѳона

Божественной своей стрѣлой:
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ,
Ужасная змѣя зіяетъ
И въ мигъ свой испущаетъ духъ.

XII. Кн. Мещерской (стр. 51). Изд. 1880. — Княжна Анна Акинѳіевна Мещерская любила уменьшать свои годы. Быть можетъ, къ ней же относится помѣщаемое въ изданіяхъ сочиненій П., но неизвѣстное по его рукописи четверостишіе:

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы, весталка!
Тебя мнѣ жалко.

XIII. Аріонъ (стр. 51). Лит. Газ. 1830, № 43, стр. 52, безъ подписи; Анн., VII, 41, отнесено къ 1830 г.; но въ черновой рукописи Московск. Музея № 2367, л. 36, помѣчено: $\frac{16 \text{ іюля}}{7}$ и находится среди произведеній, относящихся къ 1826 и 1827 г. Въ этой рукописи П. началъ было замѣнять первое лицо — третьимъ; но поправки остались недоконченными.

Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

Ст. 4: Могучи весла въ глубину
„ 6: Отважно правилъ утлый челнъ
„ 9: Измялъ, всклокочилъ вихорь шумный
„ 12: На берегъ вынесенъ грозою
„ 13: Гимнъ избавленія пою
или: Спасенъ дельфиномъ, я пою.

Аріонъ — греческій поэтъ и музыкантъ, жившій въ 628-585 гг. до Р. Х. — Геродотъ разсказываетъ, что Аріонъ, проживъ долгое время у коринѳскаго тиранна Періандра, пожелалъ однажды посѣтить Италію и Сицилію и, собравъ тамъ большія богатства, отплылъ изъ Тарента на коринѳскомъ суднѣ. Корабельщики хотѣли бросить его въ море, чтобы завладѣть его сокровищами; онъ упросилъ ихъ позволить ему спѣть еще одну пѣсню и затѣмъ самъ бросился въ волны. Дельфинъ, привлеченный его пѣніемъ, вынесъ его на своей спинѣ на берегъ, откуда онъ и добрался до Коринѳа раньше корабельщиковъ, которые, по прибытіи туда, были уличены въ преступленіи и казнены. Это же сказаніе передаютъ Цицеронъ и Овидій; въ „Записках“ А. О. Смирновой (Сѣв. Вѣстн. 1893, IX, 249) приведены слѣдующіе французскіе стихи, будто бы сказанные ей самимъ Пушкинымъ:

Jeune Arion, bannis la crainte,
Aborde aux rives de Corinthe:
Minerve aime ce doux rivage;
Périandre est digne de toi,
Et tes yeux y verront un sage
Assis sur le trône d'un roi.

Кромѣ того, извѣстна баллада на эту тему А. В. Шлегеля. Но Пушкинъ воспользовался только именемъ Аріона для того, чтобы въ поэтической формѣ представить свои отношенія къ декабристамъ, мысль о которыхъ сквозитъ во многихъ его произведеніяхъ 1826-27 гг. „Повѣшенные повѣшены“, пишетъ онъ Вяземскому въ августѣ 1826, — „но каторга 120-ти друзей, братьевъ, товарищей, ужасна...“

Подъ стихотвореніемъ: „Подъ небомъ голубымъ...“ вслѣдъ за помѣтой о смерти Ризничъ, находится еще помѣта: „У. о с. Р. П. М. К. Б.: 24“, которую слѣдуетъ читать: „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 іюля 1826 г.“ (они казнены 13 іюля). Въ другой замѣткѣ эти же заглавныя буквы сопровождаются припиской: „Видѣлъ во снѣ“. Въ рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 38, послѣ черновыхъ строфъ 5-й главы „Онѣгина“, нарисованы валъ и ворота (крѣпость), на валу — висѣлица и на ней — пять повѣшенныхъ, а сбоку начата фраза: „И я бы могъ, [какъ тутъ на...]. Внизу страницы опять повторенъ тотъ же рисунокъ, а посреди страницы снова написано: „И я бы могъ...“ Въ составленной около этого времени, по приказанію государя, запискѣ „О народномъ воспитаніи“ (см. наст. изд. т. VI) П. высказываетъ надежду, что братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ; но онъ самъ, по замѣчанію В. Е. Якушкина (Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 550), еще не былъ въ это время успокоенъ. Обласканный царемъ, восторженно встрѣченный москвичами, онъ продолжалъ думать о погибшихъ братьяхъ, — и не только о живыхъ, но и о мертвыхъ, и мысленно присоединялъ себя къ ихъ судьбѣ. Роковая висѣлица съ пятью повѣшенными попадается даже и въ 1828 г., среди черновыхъ строфъ „Полтавы“ (рук. Моск. Муз. № 2371, л. 38, — Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 47).

О литературномъ значеніи пушкинскаго „Аріона“ см. Сумцова, „Изслѣдованія“, стр. 194-201.

XIV. Три ключа (стр. 52). Отеч. Зап. 1814, № 1, съ помѣтой: „18 іюня 1827“; Посм., IX, 135.

Помѣта: „27 іюля“, принятая нами, указана Анненковымъ по автографу, теперь неизвѣстному.

XV. Черепъ (стр. 52). Сѣв. Цвѣты на 1828, стр. 100, съ пропускомъ именъ Дельвига и Вульфа и съ подписью: „*Я.*“, по поводу которой П. говорилъ: „Никто не усомнится, что это *Я* — я“. Перепечатано въ изд. 1829 г. Черновые наброски находятся въ рукописи Моск. Муз. № 2367, лл. 37 об. и 57 об. и № 2368, л. 36 об. Рукописи и печатныя изданія представляютъ слѣдующіе важнѣйшіе варіанты:

[1] Изд. 1829: За кружкой пива мой герой *)
[2] Сѣв. Цв.: . . . . . мертвыхъ сонмъ почтенный
[3] Рук.: И съ нимъ почтенный кистеръ мой
[4] (Вмѣсто слѣдующихъ пяти стиховъ, въ рукописи читаемъ):

Видъ поэтическій предъ ними:
Въ прозрачной тьмѣ ряды гробовъ,
Златыя надписи надъ ними
Гласятъ о славѣ мертвецовъ,
О благородствѣ ихъ священномъ
И о почтеніи надменномъ
Наслѣдниковъ....

[5] Почтовый терминъ: подорожныя брались на столько-то лошадей съ будущимъ, т. е. съ тѣмъ, что будетъ при пассажирѣ, — съ багажемъ. Студентъ былъ бѣденъ, и потому не могъ платить за багажъ.

*) Указано въ спискѣ опечатокъ.

[6] Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ отъ перваго брака Прасковьи Александровны Осиповой, сосѣдки Пушкина по псковскому имѣнію, род. 17 дек. 1805, ум. 17 апр. 1881. Въ 1822-26 гг. онъ былъ студентомъ дерптскаго университета, гдѣ сблизился съ Н. М. Языковымъ, а лѣтомъ 1824 г., пріѣхавъ на каникулы въ Тригорское, подружился и съ Пушкинымъ. См. ст. Л. Н. Майкова: „А. Н. Вульфъ и его дневникъ“ въ сборникѣ: „Пушкинъ“, стр. 162-222.

[7] Говорится о стихотвореніи Баратынскаго: „Черепъ“, напеч. въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1826 г.:

Усопшій братъ, — кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной? и пр.

Баронъ А. А. Дельвигъ, къ которому обращено это посланіе Пушкина, происходилъ изъ древней германской фамиліи Dallvig, ведущей свое начало съ XIII вѣка. Въ прибалтійскій край Дельвиги переселились въ XV столѣтіи, но тогда они еще не были баронами. Достоинство это было получено однимъ изъ нихъ только въ 1723 г., когда Лифляндія была еще шведской провинціей.

XVI. Поэтъ (стр. 57). Моск. Вѣстн. 1827, № 23, стр. 255. Изд. 1829. Черновое, съ помѣтой: „15 авг. 1827. Михайловское“, въ рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 39. Въ журналѣ стихъ 15 читается:

[1] Къ подножью свѣтскаго кумира.

О литературномъ значеніи этого и сходныхъ съ нимъ пушкинскихъ стихотвореній см. Сумцова, Изслѣд., 28-40.

XVII. Къ Языкову (стр. 58). Моск. Вѣстн. 1827, № 9, стр. 4; изд. 1829 г. Черновое, въ рукописи Моск. Муз. № 2367, л. 37, начинается стихомъ:

Языковъ, братъ! Я получилъ...

Это стихотвореніе представляетъ отвѣтъ на посланіе Яз. къ П., гдѣ Яз. вспоминаетъ веселые дни, проведенные въ обществѣ П. и Вульфа, и, между прочимъ, говоритъ:

Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной, —
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго! Забуду ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль?
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,
Лился въ стаканы-исполины, —
Какъ мы, бывало, пьемъ, да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ, *)
Зовемъ свободу въ нашу Русь, и т. д.

Въ другомъ своемъ стихотвореніи — А. Н. Вульфу — Яз. говоритъ:

*) Евпр. Ник. Вульфъ, которая искусно варила жженку дорогимъ гостямъ Тригорскаго. См. изд. Поливанова, I, 240.

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
Все свято: Пушкинъ, ты да я
Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія!

По мнѣнію Поливанова, П. въ своемъ стихотвореніи „передразнилъ съ свойственнымъ ему искусствомъ стиль Языкова"; Шевыревъ говоритъ, напротивъ, что П. „кланялся стиху Языкова: памятно мнѣ, какъ П. въ 1826 г. привезъ въ Москву „Тригорское" и съ восторгомъ читалъ его намъ". Отзывы П. о Яз. см. въ т. VIII наст. изд., по указателю.

XVIII. Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ... (стр. 58). Невскій Альманахъ на 1828 г., стр. 53, подъ заглавіемъ: „Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье"; Славянинъ 1828, ч. V, № 1, стр. 71, подъ тѣмъ же заглавіемъ; изд. 1829, — безъ заглавія, но съ отмѣткой въ оглавленіи, что это — переводъ изъ Шенье. Французскій подлинникъ напеч. въ Annales Romantiques, Paris 1828, p. 370. — Черновое стихотвореніе — въ рукописи Моск. Муз. № 2367, лл. 36 об. и 37, съ помѣтой: „17 сент. 1827". Первоначальные варіанты:

Въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Во мглѣ ночной пловецъ, гондолой управляя,
При блескѣ Веспера скользитъ по лону водъ...

Стт. 7-8: . . . . . и тихо, бога полнъ,
Поетъ и веселитъ свой путь надъ бездной волнъ.

Ст. 11: Какъ онъ, надъ бездною, безъ эха
я пою.

Путешественники по Италіи XVIII в. (между прочимъ, — Гете) много разъ передавали о томъ, что венеціанскіе гондольеры поютъ октавы Тассо изъ „Освобожденнаго Іерусалима" въ своеобразной, народной передѣлкѣ. Такое пѣніе слышалъ еще Байронъ, о чемъ онъ и говоритъ въ одномъ изъ примѣчаній къ IV-й пѣсни „Чайльдъ-Гарольда". Но 3-я строфа той же пѣсни начинается стихомъ:

In Venice Tasso's echoes are no more,

почему и Пушкинъ, въ позднѣйшемъ „Элегическомъ отрывкѣ" (1829, см. стр. 110), говоритъ:

Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ.

Тотчасъ вслѣдъ за пушкинскимъ переводомъ стиховъ Шенье, въ Невскомъ Альманахѣ напечатанъ переводъ ихъ, сдѣланный И. И. Козловымъ:

Надъ темнымъ заливомъ, вдоль звучныхъ зыбей
Венеціи, моря царицы,
Пловецъ полуночный въ гондолѣ своей
Съ вечерней зари до денницы
Рулемъ беззаботнымъ небрежно сѣчетъ
Лѣнивую влагу ночную...

Это же стихотвореніе, еще при жизни Пушкина, переведено В. И. Туманскимъ, подъ заглавіемъ: „Гондольеръ и поэтъ" (Сѣв. Цвѣты на 1831, отд. II, стр. 5, и „Стихотворенія", изд. 1881, стр. 151):

У стѣнъ Венеціи, владычицы зыбей,
Безпечный гондольеръ, въ мерцаніи ночей,
Скользитъ вдоль береговъ безъ шума и безъ
слѣда,
Поетъ Эрминію, Ринальда и Танкреда...

XIX. 19 октября 1827 (стр. 59). Славянинъ 1830, ч. XV, подъ заглавіемъ: „Товарищамъ молодости“ и съ подписью: П. Въ изд. 1832 — подъ заглав. „19 октября 1827“. Текстъ Славянина представляетъ слѣдующія отличія:

Ст. 3: Въ успѣхахъ дѣлъ и царской службы
„ 6-7: Влачить удѣлъ тоски и горя
Во дни войны, въ открытомъ морѣ

Въ этой „лицейской годовщинѣ“ поэтъ представляетъ всѣ положенія своихъ товарищей, — свѣтлыя и печальныя, вспоминая и морехода Матюшкина, и сосланныхъ въ сибирскіе рудники декабристовъ — Пущина и Кюхельбекера... Ср. выше, стр. 369-378.

Плетневъ разсказывалъ, что за послѣдній стихъ этой пьесы Пушкину „сдѣланы были внушенія“ (Гротъ, Пушк., 81).

XX. Золото и Булатъ (стр. 59). Московск. Вѣстн. 1827, № 2, изд. 1829.

XXI. Эпитафія (стр. 59). Анн. VII, 98, подъ заглавіемъ: „Эпитафія младенцу“. Относится къ сыну декабриста кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго (ум. 1865) и его жены, Маріи Николаевны, урожденной Раевской (ум. 1863), послѣдовавшей за сосланнымъ мужемъ въ Сибирь. Сынъ этотъ, ихъ

первенецъ, Николай, былъ на второй недѣлѣ возраста, когда арестовали его отца. Уѣзжая вслѣдъ за мужемъ, М. Н. оставила ребенка на рукахъ бабки, княгини Александры Николаевны Волконской. Императрица Марія Ѳеодоровна, бывшая въ дружбѣ съ старой княгиней, не разъ плакала вмѣстѣ съ нею и часто спрашивала о ребенкѣ, котораго она называла enfant de malheur и котораго не было дозволено взять въ Сибирь (Записки кн. С. Г. Волконскаго, Спб. 1902, стр. 470).

Эпитафія, написанная Пушкинымъ, отнесена была Анненковымъ къ 1827 г., но написана, безъ сомнѣнія, въ 1828, такъ какъ мальчикъ родился 2-го или 3-го января 1826 и скончался полутора года отъ роду. Въ бумагахъ П. сохранилось письмо М. Н. Волконской къ неизвѣстному лицу, слѣдующаго содержанія (подлинникъ — по-французски):

„Въ моемъ положеніи никогда не знаешь, доставишь ли удовольствіе, напоминая о себѣ старымъ знакомымъ. Но, все-таки, напомните обо мнѣ Александру Сергѣевичу. Я поручаю вамъ возобновить выраженіе моей благодарности за эпитафію Николино. Умѣть утѣшить скорбь матери есть дѣйствительное доказательство его дарованій и направленія его чувствъ“ (Шляпкинъ, 129).

XXII. Монологъ Изабеллы (стр. 60). Анн., Мат., 342. Этимъ монологомъ начинается трагедія Альфіери „Филиппъ“. Пушкинъ не перевелъ непосредственно съ итальянскаго оригинала, а переложилъ въ стихи довольно близкій прозаическій переводъ А. С. Шишкова:

„Желаніе, страхъ, сомнительная и преступная надежда, ступайте изъ груди моей! Филиппова сына

невѣрная Филиппу жена, дерзаю я любить? Я! — Но кто можетъ видѣть его и не любить? Смѣлое, исполненное человѣколюбія сердце, благородная гордость, высокій умъ и въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа, — ахъ! Для чего природа и небо сотворили тебя таковымъ?" и т. д.

XXIII. Плетневу (стр. 60). Напеч. впервые при отдѣльномъ изд. IV и V главъ „Евг. Онѣгина" (Спб. 1828); во 2-мъ изд. „Онѣгина" (1833) отнесено въ примѣчаніе къ гл. IV; въ 3-мъ изд. (1837) помѣщено въ началѣ книги, но уже безъ имени Плетнева. Въ собраніи автографовъ Имп. Публ. Б-ки находится принадлежавшая Плетневу, чисто переписанная Пушкинымъ, тетрадка, заключающая въ себѣ обѣ указанныя главы „Онѣгина" вмѣстѣ съ этимъ посвященіемъ.

Петръ Александровичъ Плетневъ (р. 10 авг. 1792, ум. 29 дек. 1865) познакомился съ Пушкинымъ вскорѣ по выходѣ послѣдняго изъ Лицея и затѣмъ, въ годы изгнанія поэта, былъ, вмѣстѣ съ его братомъ Львомъ, исполнителемъ его литературныхъ порученій, наблюдалъ за печатаніемъ его произведеній, объяснялся съ цензорами и пр. и въ 1826 г., за свое знакомство съ Пушкинымъ, былъ даже отданъ, по Высочайшему повелѣнію, подъ надзоръ полиціи. Какъ писатель, Пл. началъ свою дѣятельность стихотвореніями, но вскорѣ перешелъ къ литературной критикѣ и явился вѣрнымъ выразителемъ теоретическихъ воззрѣній пушкинскаго кружка; въ его статьяхъ впервые даны были характеристики поэтовъ по внутреннему свойству ихъ дарованія. Въ продолженіе семи лѣтъ, съ 1824 г., онъ раздѣ-

лялъ съ бар. Дельвигомъ труды по редактированію „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", а въ 1838-46 гг. былъ преемникомъ Пушкина по редактированію „Современника". Его „Сочиненія и Переписка" изд. Я. К. Гротомъ въ 3 т., Спб. 1885; переписка его съ Гротомъ — также въ 3 т., Спб. 1896. См. „Труды Я. К. Грота", т. III, Спб. 1901, стр. 288-319; Гротъ, Пушк., 124-129, 255-256; Скабичевскій въ Вѣстн. Евр. 1885, № 11; Л. Н. Майковъ, Историко-литературные Очерки, Спб. 1895.

XXIV. Черновые наброски:

Кто знаетъ край... (стр. 61). Совр. 1838, т. IX; Посм. IX, 202.

Эпиграфъ, по словамъ Анненкова, „объясняется извѣстнымъ въ свое время анекдотомъ: одна молодая русская путешественница, послѣ долгаго пребыванія за границей, сказала, что по возвращеніи на родину, весьма обрадовалась клюквѣ. Пушкинъ намѣревался выразить въ стихотвореніи капризъ красавицы, но отдѣлалъ только поэтическую часть пьесы, соотвѣтствующую эпиграфу изъ Вильг. Мейстера, и не приступилъ даже ко второй ея половинѣ. Пародія не была въ его талантѣ и часто принимала у него серьезные, вдохновенные звуки, ей несвойственные..." Подробный разборъ этого стихотворенія данъ проф. Сумцовымъ, Изслѣдованія, стр. 235-243. Оно носитъ на себѣ явные слѣды чтенія „Чайльдъ-Гарольда" — въ упоминаніяхъ о Тассо (ср. выше, стр. 419) и Кановѣ, о которомъ вспоминаетъ Байронъ, обращаясь къ Италіи въ строфѣ LV 4-й пѣсни: „Твой упадокъ все-таки носитъ на себѣ печать божественности, которая все еще озаряетъ тебя своимъ животворнымъ лучемъ; каковы

были великіе люди прежняго времени, такимъ теперь является Канова".

Антоніо Канова (р. 1 ноября 1757, ум. 13 авг. 1822) — величайшій изъ итальянскихъ скульпторовъ новаго времени, произведенія котораго соединяютъ классическую простоту съ жизненностью. Лучшія изъ нихъ — Дедалъ и Икаръ, Тезей, убивающій Минотавра, Амуръ и Психея, Венера и Адонисъ, Кающаяся Магдалина, Геба, Персей съ головой Медузы, Венера-побѣдительница, Парисъ и рядъ надгробныхъ памятниковъ.

Къ нянѣ (стр. 63). Анн., Мат., 4, гдѣ приведено и письмо няни, отвѣтомъ на которое, повидимому, служитъ этотъ неоконченный набросокъ:

„Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ, я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна, — вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, — забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское, — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила. Поживи, дружочекъ, хорошенько, — самому слюбится. Я, слава Богу, здорова. Цѣлую ваши ручки и остаюсь многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна" (Тригорское, марта 6).

Земли достигнувъ, наконецъ... (стр. 63). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 536, по рукописи Моск. Публ. Музея № 2368, л. 21, гдѣ эти стихи написаны карандашомъ и почти уже стерлись.

Толпа холодная... (стр. 64). Тамъ же, стр. 348, по рукописи № 2367, л. 42 об. (неточно). Здѣсь печатается въ исправленномъ видѣ.

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ... стр. 64). Тамъ же, стр. 542, по рук. № 2368, л. 35.

Кормомъ, стойлами, надзоромъ... (стр. 64). Тамъ же, стр. 540, по рукописи № 2368, л. 34. Мысль этого стихотворенія, оставшагося въ бумагахъ Пушкина лишь въ черновомъ наброскѣ, была имъ сообщена крестьянину-стихотворцу Ѳ. Н. Слѣпушкину, который и воспользовался ею для своего стихотворенія: „Конь и домовой". См. И. С. Ремезова: „Самоучки (матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи)", Спб. 1886, стр. 119.

Въ рощахъ карійскихъ... (стр. 65). Изд. Лит. Фонда, II, 28, по рукописи № 2368, л. 36. Набросано, въ крайне исчерканномъ и неразборчивомъ видѣ, среди черновыхъ VI и VII строфъ 7-й главы „Онѣгина". Тутъ же дважды повторены стихи:

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней,
И вьется плющъ, могилъ любовникъ,
И свищетъ ночью соловей...

1828.

I. Друзьямъ (стр. 66). Анн., VII, 37. Написано въ отвѣтъ на упреки, вызванные стихотвореніемъ: „Въ надеждѣ славы и добра...", и было авторомъ представлено графу А. Х. Бенкендорфу, который увѣдомилъ Пушкина, что государь совершенно доволенъ этимъ произведеніемъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано. „Искренность

вообще составляетъ отличіе поэзіи Пушкина", говоритъ В. Е. Якушкинъ („О Пушкинѣ", М. 1899, стр. 63), — „но данная пьеса проникнута особеннымъ чувствомъ. Видно, что несправедливые упреки въ льстивомъ ласкательствѣ были тяжелы бѣдному поэту; онъ подвергся этимъ упрекамъ даже отъ друзей, не понимавшихъ его новаго направленія, и къ такимъ-то друзьямъ написана эта прекрасная пьеса. Объясняя имъ общія и личныя причины, заставляющія его хвалить молодого царя, поэтъ затѣмъ въ энергическихъ выраженіяхъ еще разъ отвергаетъ упрекъ въ лести и дѣлаетъ вѣрную и рѣзкую характеристику льстецовъ, которые внушаютъ власти крутыя мѣры и возстановляютъ ее противъ просвѣщенія... И это стихотвореніе снова вызвало совершенно несправедливые упреки въ лести. между тѣмъ, оно настолько далеко было отъ всякой лести, что императоръ... запретилъ его печатать. Это очень характерно: произведенія Пушкина, которыя служатъ поводомъ къ обвиненію его въ лести, въ измѣнѣ либеральнымъ идеямъ, въ проповѣди оффиціальнаго консерватизма, не дозволяются правительствомъ къ печати... Эти случаи ясно доказываютъ, какъ нужна историческая точка зрѣнія при оцѣнкѣ лицъ и произведеній, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленныхъ".

II. Великопольскому (стр. 67). Сѣв. Пчела 1828, № 30.

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій (р. 27 дек. 1797, ум. 6 февр. 1868), псковскій помѣщикъ, учился въ Казанскомъ университетѣ, служилъ въ Семеновскомъ полку, потомъ — въ арміи, помѣщалъ стихотворенія въ разныхъ журналахъ 20-хъ гг. Съ

Пушкинымъ познакомился, вѣроятно, во Псковѣ, въ 1824-25 гг. (см. письма къ нему въ т. VIII). Сочиненіе его „Къ Эрасту (Сатира на игроковъ)“ вышло въ февралѣ 1828 г., въ видѣ прекрасно напечатанной книжки, съ картинками и виньетками; въ № 26 „Сѣв. Пчелы“ появилась о ней небольшая замѣтка, въ которой было сказано, что авторъ „имѣлъ цѣль самую благонамѣренную: представить всю гнусность картежнаго ремесла, всю пагубу молодыхъ людей, предающихся страсти къ картамъ. Успѣетъ ли онъ устранить первыхъ, остановить послѣднихъ? Не думаемъ!“ (Герой сатиры, Аристъ, въ одну ночь проигрываетъ въ карты все свое состояніе, губитъ свою честь и лишается разсудка). Пушкинъ, зная автора какъ страстнаго и притомъ безхарактернаго игрока, всего четыре дня спустя послѣ напечатанія приведенной выше рецензіи, помѣстилъ въ той же „Сѣв. Пчелѣ“ свое стихотвореніе, обозначивъ имя автора сатиры въ заглавіи одною буквою **В***** и не подписавъ своего имени (въ примѣчаніи было сказано: „Имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem“). Великопольскій, конечно, сейчасъ же узналъ Пушкина и немедленно отправилъ Булгарину, для напечатанія въ его газетѣ, „Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ, помѣщеннаго въ № 30 Сѣв. Пчелы“:

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
Тебя, насмѣшливый поэтъ!
Твой стихъ, весенней легче пташки,
Порхаетъ и чаруетъ свѣтъ.

Я радъ, что геній удосужилъ
Тебя со мной на пару словъ;

Ты очень мило обнаружилъ
Бесѣды дружескихъ часовъ.

Съ твоимъ проказникомъ-сосѣдомъ
Знакомъ съ давнишней я поры:
Обязанъ другу онъ послѣднимъ
Урокомъ вѣтреной игры!

Онъ очень помнитъ, какъ, смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ.

Блуждая въ молодости шибкой,
Онъ спотыкался о порогъ;
Но гдѣ послѣдняя ошибка,
Тамъ первый мудрости урокъ!

Булгаринъ не рѣшился напечатать эти стихи безъ позволенія Пушкина, а послѣдній не далъ своего согласія на ихъ напечатаніе и написалъ В-му довольно колкое письмо. Это привело къ полному разрыву между бывшими пріятелями, и В. написалъ на П. эпиграмму, которая, впрочемъ, осталась ненапечатанной:

Аристъ-поэтъ.

Аристъ — негодный человѣкъ,
Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой,
Отцомъ покинутъ, брошенъ службой,
Провелъ безъ совѣсти свой вѣкъ.
Его исправить — трудъ напрасенъ;
За то кричитъ о немъ весь свѣтъ:
Вотъ онъ-то — истинный поэтъ,
И каждый стихъ его прекрасенъ.
И точно: вѣрь или не вѣрь, —

Не правда ли (сказать межь нами)?
На всю поэзію теперь
Другими взглянемъ мы глазами!

Впослѣдствіи В. пріобрѣлъ нѣкоторую литературную извѣстность, какъ авторъ довольно курьезныхъ драматическихъ пьесъ: „Владиміръ Влонской", „Любовь и Честь", „Міръ слѣпыхъ" и „Янетерской", изъ которыхъ послѣдняя была изъята изъ продажи и уничтожена. Въ 1859 г. онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Раскрытый Портфель". Въ 50-хъ и 60-хъ гг. много хлопоталъ о введеніи придуманнаго имъ способа обработки льна и пеньки, разорился отъ разныхъ неудачъ и умеръ чуть не въ нищетѣ. См. о немъ: „П. и В." — въ сборникѣ Бартенева „Пушкинъ", II, 131 - 137; Б. Л. Модзалевскій, — въ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова", Спб. 1902, стр. 335 - 446, и отд.

Ш. Городъ пышный... (стр. 68). Сѣв. Цвѣты на 1829, стр. 134, съ подписью: ** и именемъ Пушкина въ оглавленіи. Вызвано знакомствомъ П. съ Анной Алексѣевной Олениной (р. 11 авг. 1808, ум. 15 дек. 1888), дочерью извѣстнаго президента Академіи Художествъ. Ѳ. Г. Солнцевъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ (Рус. Стар. 1876, мартъ, 633), разсказываетъ, что П. за нее сватался но бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ противъ него была ея мать. Впослѣдствіи А. А. вышла за г. Андро, бывшаго президентомъ города Варшавы. См. о ней Рус. Стар. 1890, т. 67, стр. 387 - 412.

IV. Ея глаза (стр. 69). Сѣв. Звѣзда 1829, съ подписью: Ап. и съ придуманнымъ заглавіемъ: „Къ

пріятелю, сравнивавшему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами". Посм., IX, 142. — Въ альманахѣ, въ ст. 9, вм. „Олениной" напечатано было „Элодіи"; въ Посм. — „О..." Въ Рус. Стар. 1890, т. 67, стр. 397, сообщенъ варіантъ изъ альбома А. А. Олениной, гдѣ ст. 2 читался: „Твоя Россетти егоза".

Стихотвореніе кн. Вяземскаго: „Черныя очи, чудныя очи" (Соч. IV, 42 и 82) посвящено Александрѣ Осиповнѣ Россетти (1810 — 82), которая въ обществѣ того времени носила прозвище Donna Sol и, постоянно вращаясь въ литературномъ кругу, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Гоголемъ, Вяземскимъ и другими писателями, впослѣдствіи называвшими ее Notre Dame du bon secours de la littérature russe en détresse Любимая фрейлина императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Александры Ѳеодоровны, Россетти въ 30-хъ гг. вышла за Ник. Мих. Смирнова, бывшаго потомъ губернаторомъ въ Калугѣ и Петербургѣ и оставившаго воспоминанія о Пушкинѣ (Рус. Арх. 1882, I, 229-239). Ея братья, Аркадій и Клементій Осиповичи, были пріятелями Пушкина; изъ нихъ первый также написалъ о немъ воспоминанія (тамъ же, 245-248). Послѣ смерти А. О. Смирновой во многихъ журналахъ (Рус. Арх., Рус. Стар., Сѣв. Вѣстн.) печатались ея обширная переписка, а также — „Записки" (Сѣв. Вѣстн. 1893-95), вышедшія потомъ отдѣльнымъ изданіемъ (Спб. 1895-97), которыми, къ сожалѣнію, почти невозможно пользоваться, такъ какъ онѣ полны всякихъ несообразностей. См. о ней: Соч. Вяз., VIII, 233; Истор. Вѣстн. 1882, № 10, стр. 225 и Nouvelle Revue 1885, XXXVII, 1-er novembre p. 21.

V. Каковъ я прежде былъ. . (стр. 69). Изд. 1832 (3-я часть изд. 1829), съ помѣткой въ оглавленіи: „Отрывокъ изъ Андрея Шенье“, у котораго, однако, взятъ только одинъ стихъ, поставленный эпиграфомъ. Автографъ нашелся въ записной книжкѣ П., сохраненной Краевскимъ (Имп. Публ. Б-ка); онъ написанъ карандашемъ и представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Безъ тайной нѣжности и сладкаго волненья
[2] Я прежнимъ идоламъ....

VI. Портретъ (стр. 70). Сѣв. Цвѣты 1829, съ подписью: **. Относится къ дочери графа Ѳедора Андреевича Толстого, графинѣ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, бывшей въ замужествѣ за гр. Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Кн. Вяземскій, въ письмѣ къ П. отъ 25 сент. 1828, спрашивалъ его: „Какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Венеру) съ беззаконною кометою? Покажи ихъ“. (Бартеневъ, Пушк., II. 40).

Къ той же особѣ относятся и слѣдующіе стихи Баратынскаго, написанные въ 1827 г.:

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла!
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты
И какъ русалка ты хохочешь.

VII. Не пой, красавица... (стр. 70). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 148; изд. 1829. — Разсказываютъ, что Грибоѣдовъ сообщилъ Глинкѣ одинъ грузинскій мотивъ; Глинка его записалъ, а потомъ сыгралъ при Пушкинѣ, которому музыка такъ понравилась, что онъ тутъ же написалъ къ ней слова, составляющія это стихотвореніе. Романсъ Глинки изданъ въ 1831 г. Стелловскимъ.

VIII. Къ *** (стр. 71). Посм., IX, 153. Въ рукописи Моск. Муз. № 2371, л. 22 об., находится черновой набросокъ этого стихотворенія, съ варіантомъ 3-го стиха:

Чей голосъ томный, взоръ державный

и съ недоконченнымъ четверостишіемъ послѣ ст. 4-го:

Кого ты съ тайнымъ ждешь волненьемъ,
При комъ блѣднѣешь и горишь,
Кого ревнуешь съ иступленьемъ,
Къ кому.....

IX. Наперсникъ (стр. 71). Сѣв. Цвѣты 1829, съ подписью: ** и именемъ автора въ оглавленіи; изд. 1829. Въ альманахѣ ст. 6-й читается:

Таи въ себѣ свои мечты.

Рукопись этого стихотворенія намъ неизвѣстна. По словамъ видѣвшаго ее П. В. Анненкова, оно первоначально составляло одно цѣлое съ предыдущими стихами „Къ ***“ и разбито на двѣ пьесы самимъ поэтомъ.

X. Цвѣтокъ (стр. 71). Галатея (изд. Раича) 1829, ч. 1, съ подписью: „А. Пушкинъ“; изд. 1829.

XI. То Dawe (стр. 72). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 59, съ подписью: А. П.; изд. 1828. — Въ альманахѣ 5-й стихъ читается: „Рисуй О-й черты"; въ изд. 1829 имя замѣнено точками. — Написано на пароходѣ, когда П. провожалъ до Кронштадта одного знакомаго, уѣзжавшаго за границу. Доу (George Dawe, 1781-1829) — англійск. портретный и историческій живописецъ, написавшій портреты многихъ высшихъ офицеровъ англ. арміи, участвовавшихъ въ битвѣ при Ватерлоо; въ 1819 г., по приглашенію императора Александра I, прибылъ въ Россію и, проведя здѣсь 9 лѣтъ, написалъ болѣе 400 портретовъ русскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ войнѣ съ Наполеономъ, — коллекцію, сохраняющуюся въ особой галлереѣ Зимняго Дворца. Кромѣ того, имъ написано много портретовъ частныхъ лицъ, преимущественно — военныхъ. Портретъ Пушкина, имъ рисованный, остается неизвѣстнымъ.

XII. Увы, языкъ любви болтливой... (стр. 72). Черновой набросокъ въ рук. Моск. Муз. № 2371, л. 13 (Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 39).

XIII. Воспоминаніе (стр. 73). Первая половина — въ Сѣв. Цвѣтахъ 1829, стр. 10; изд. 1829 и Посм.; вторая — у Анн., Мат., 189. Черновое — въ Моск. Муз. № 2371, л. 14, представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] И сонъ, дневныхъ заботъ награда
[2] Вся кровь кипитъ....
[3] Въ изгнаньи...
[4] (Далѣе зачеркнуто):

Я слышу [шопотъ] — жужжанье клеветы лукавой,

Рѣшенья глупости и легкой суеты,
И шопотъ зависти [укоръ] кровавой.

[5] О тайнахъ счастія и гроба.

Вторая половина этого стихотворенія не назначалась Пушкинымъ для печати, какъ имѣющая характеръ чисто-личной исповѣди. О томъ, кого подразумѣвалъ поэтъ подъ „двумя тѣнями", Анненковъ (Пушк., 244) говоритъ: „По всѣмъ соображеніямъ, обѣ эти личности принадлежатъ къ Одесскому обществу. Въ чемъ состояло преступленіе Пушкина, за которое они мстили ему, — неизвѣстно, такъ же точно, какъ неизвѣстны и имена ихъ... Весьма правдоподобно, что подъ одной изъ нихъ П. подразумѣвалъ г-жу Ризничъ, а подъ другой, умершей за границей, — особу, къ которой написана пьеса Иностранкѣ (I, 349, 656). Ср. ниже „Заклинаніе" и „Разставаніе".

Проф. Сумцовъ („Изслѣдованія", 141-142) считаетъ это стихотвореніе однимъ изъ самыхъ „выношенныхъ" созданій П. „Сомнѣніе въ друзьяхъ здѣсь переходитъ въ отрицаніе и осужденіе ихъ и, параллельно съ тѣмъ, простой плачъ переходитъ въ горькій, мучительный плачъ раскаянія и обиды... Тутъ подсчитаны старыя и новыя обиды со стороны грубаго, полу-культурнаго, крѣпостническаго строя всей тогдашней русской жизни".

Первая половина „Воспоминанія" переведена на польскій яз. Ад. Мицкевичемъ. См. „Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина", Спб. 1899, стр. 122.

XIV. Ты и вы (стр. 74). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 11, съ опечаткой во 2-мъ стихѣ: „Она обма-

номъ замѣнила"; изд. 1829. Въ рукописи Моск. Музея № 2371, л. 14 об., стихотвореніе начинается такъ:

Холодный Вы сердечнымъ Ты
Она ошибкой замѣнила

и сопровождается тремя помѣтами: „18 мая у княгини Голицыной etc.", „20 мая 1828" и, въ концѣ стихотворенія, — „23 мая". По указанію А. П. Кернъ (Рус. Стар. 1880, № 1), оно относится къ А. А. Олениной.

XV. 26 мая (стр. 74). Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 98; изд. 1832. Въ сохранившемся автографѣ (снимокъ въ альбомѣ петербургской пушк. выставки 1899) два послѣдніе стиха 2-й строфы читаются:

Растерзалъ мнѣ душу страстью
И сомнѣньемъ всколебалъ.

Стихотвореніе написано въ день рожденія поэта, 26 мая 1828, когда ему наступилъ 30-й годъ. Проф. Сумцовъ („Изслѣд.", 144) приводитъ изъ „Семейной Хроники" Павлищева разсказъ о томъ, какъ, прочитавъ эти стихи своей сестрѣ, П. сказалъ: „Хуже горькой полыни напрокудило мнѣ житье на землѣ! Нечего сказать, знаменитъ день рожденія, который вчера отпразднованъ. Родился въ маѣ — и вѣкъ буду маяться". При этомъ онъ зарыдалъ. Ольга Сергѣевна также не могла удержаться отъ слезъ..."

Извѣстно стихотворное возраженіе Пушкину митрополита Филарета, появившееся въ печати только въ 1848 г., въ Звѣздочкѣ Ишимовой, № 10:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,

Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ, —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Ср. Моск. Вѣд. 1880, № 155; Рус. Курьеръ 1880, № 162.

Такимъ образомъ, по мнѣнію м. Филарета, П. самъ во всемъ виноватъ: для вліянія среды, общества, исторіи, случайныхъ обстоятельствъ ничего не оставлено. Такая точка зрѣнія позднѣе (1887) чрезвычайно рѣзко обнаружилась въ извѣстной проповѣди одесскаго архіепископа Никанора, гдѣ несчастная кончина великаго поэта объяснена какъ наказаніе Божіе за его служеніе Вакху и Кипридѣ (Сумцовъ, 149).

Къ поученію Филарета П. отнесся благодушно и почтительно: въ 1830 г. онъ написалъ извѣстные стансы: „Въ часы забавъ“, см. ниже, стр. 121.

Другая передѣлка пушкинскаго стихотворенія принадлежитъ И. П. Клюшникову, писавшему подъ псевдонимомъ: —ѳ—:

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, — зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.
Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ,
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ,

Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.
Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить, —
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!

XVI. Предчувствіе (стр. 75). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 134, съ подписью: ** и съ именемъ Пушкина въ оглавленіи; изд. 1829. Рукопись Моск. Муз. № 2371, л. 17. Варіанты:

[1] Распростерлись въ тишинѣ
[2] Непреклонное терпѣнье (альм.)
[3] Шаткой жизнью утомленный (альм.)
[4] Ангелъ нѣжный, ангелъ ясный,
Ангелъ радостный, — прости!
Опечалься, взоръ прекрасный
Подыми иль опусти.
[5] Все блаженство, все мечтанье
(Или:) Славы [гордое] мечтанье
И надежду юныхъ дней.

XVII. Шотландская пѣсня (стр. 76). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 31, подъ заглавіемъ: „Два ворона“; въ изд. 1829 — нынѣшнее заглавіе дано въ оглавленіи. Черновое — въ Моск. Муз. № 2371, л. 99 об., представляетъ варіанты:

[1] Кабы могъ знать да вѣдать.
[2] (Добавлено:)
Полетимъ же, полетимъ,
Мертва тѣла поѣдимъ.

Проф. Сумцовъ („Изслѣд.“, 259) приводитъ послужившую оригиналомъ для этого стихотворенія шотландскую балладу „Три ворона“:

„Когда я гулялъ одинъ, я услышалъ карканье двухъ вороновъ. Одинъ сказалъ другому: „Куда мы полетимъ и гдѣ будемъ сегодня обѣдать?“ — Я былъ за старой, развалившейся плотиной; я видѣлъ тамъ недавно убитаго рыцаря, и никто не знаетъ, что онъ тамъ лежитъ; знаетъ только его соколъ, собака и красивая любовница. Собака побѣжала на охоту; соколъ полетѣлъ за дичью; любовница полюбила другого; такъ что мы можемъ получить сладкій обѣдъ...“

XVIII. Н. Д. Киселеву (стр. 76). Рус. Арх. 1874, № 6. Написано подъ собственнымъ портретомъ, который былъ посланъ Пушкинымъ уѣзжавшему за границу Киселеву.

XIX. Е. В. Вельяшевой (стр. 77). Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 79, подъ заглавіемъ: „Къ ***“ и съ помѣтой: „1828. Ижоры“, но безъ имени автора, которое указано только въ оглавленіи. Изд. 1832 — безъ заглавія.

Изъ письма П. къ А. Н. Вульфу видно, что 2-й и 3-й стихи этой пьесы „исправлены“ Павломъ Ивановичемъ Вульфомъ, дядей Алексѣя Николаевича; Пушкинъ, однако, принялъ эту „поправку“. Отецъ Екатерины Васильевны Вельяшевой, Василій Ивановичъ, старицкій исправникъ, былъ женатъ на сестрѣ П. И. Вульфа, Натальѣ Ивановнѣ. См. В. Колосова, „А. С. П. въ Тверской губ. въ 1827 году“, Тверь 1888.

XX. П. И. Эгельстрому (стр. 77). Анн., VII, 82, подъ заглавіемъ: „Эге....му“. Павелъ Ив. Эгельстромъ былъ помѣщикъ Новоторжскаго у. Тверской губ., села Пречистая Каменка. Онъ былъ

родомъ шведъ, плохо говорилъ по-русски, но усердно писалъ стихи или, по его произношенію, „штыхи", на рус. языкѣ. Его сосѣдъ Копыловъ за это постоянно надъ нимъ потѣшался. См. указ. выше брошюру Колосова, стр. 7-8.

XXI. А. Н. Вульфъ (стр. 78). Анн., VII, 92. Анна Николаевна, старшая сестра Алексѣя Николаевича Вульфа, р. 1880, ум. въ 50-хъ гг. Буквы означаютъ Россетти, Оленину и Нетти Вульфъ.

XXII. Анчаръ (стр. 79). Сѣв. Цвѣты 1832, стр. 113; изд. 1832. Черновое — въ Моск. Муз. № 2371, л. 20 об., представляетъ варіанты:

[1] Въ пустынѣ тощей и глухой
[2] Ростетъ....
[3] Природа Африки моей
Его въ день гнѣва породила
И жилы мощныя корней
Губящимъ ядомъ напоила.
[4] Кругомъ нѣтъ жизни, — все молчитъ,
Недвижно все; лишь вихорь черный
[5] Въ альм. и изд. 1832: „А князь..."

Это стихотвореніе, написанное въ тверской деревнѣ г-жи Осиповой, Малинникахъ, а напечатанное только въ 1832 г., въ изданномъ Пушкинымъ и его друзьями, въ пользу семейства покойнаго Дельвига, послѣднемъ томикѣ „Сѣв. Цвѣтовъ", сдѣлалось для поэта причиною непріятностей. Подъ предлогомъ, что хотя оно и было безпрекословно пропущено обыкновенною цензурою, но не было предварительно представлено государю, Бенкендорфъ упрекалъ П.

въ измѣнѣ принятымъ на себя обязательствамъ, въ нарушеніи честнаго слова и въ обманѣ (см. письмо къ Бенкендорфу 7 янв. 1832 и черновой его набросокъ). П. долго не могъ забыть этой обиды и вспоминалъ о ней съ горечью спустя 4 года въ письмѣ къ женѣ: „Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ (т. е. до облеченія въ званіе издателя), я получалъ уже полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: „Vous avez trompé и т. п."

Въ основѣ Анчара, по указанію проф. Сумцова („Изслѣд.", 186), лежатъ дѣйствительные факты, вычитанные Пушкинымъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь путешествія по Востоку. На остр. Явѣ, среди вулканическихъ горъ, лежитъ „долина смерти". Ея голая почва покрыта скелетами разныхъ животныхъ. Часто по ихъ положенію видно, что тигръ въ ту минуту, когда схватилъ жертву, погибъ вмѣстѣ съ нею, что хищная птица, прилетѣвшая поживиться свѣжимъ трупомъ, на немъ была застигнута смертью. Тутъ же лежатъ цѣлыя кучи мертвыхъ жуковъ, муравьевъ и др. насѣкомыхъ, отравленныхъ губительнымъ воздухомъ долины смерти. Прежде думали, что воздухъ этотъ происходитъ отъ испареній ядовитаго дерева анчара; въ дѣйствительности же анчаръ тамъ и не ростетъ; выдѣляющаяся изъ-подъ земли углекислота убиваетъ всякое низкорослое животное, ступающее на почву долины. Но за анчаромъ остается слава „древа яда". Анчаръ (antiaris toxicaria) ростетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Явы. Онъ имѣетъ гладкій, стройный цилиндрическій стволъ въ 60-80 футовъ вышиною, увѣнчанный красивымъ полушаріемъ листвы. Путникъ можетъ совершенно безопасно отдохнуть подъ его тѣнью; надо только остерегаться, чтобы на кожу не попалъ молочный

сокъ, обильно вытекающій изъ нѣжной коры дерева: онъ вызываетъ воспаленіе кожи, боль и мучительные пузыри. Этимъ-то сокомъ малайцы отравляютъ клинки своихъ кинжаловъ и острія стрѣлъ (Природа и Люди 1893, стр. 349). Смерть раба, собравшаго ядовитую смолу, возможна въ дѣйствительности.

Объ анчарѣ П. могъ прочесть и у Байрона, въ строфѣ 126 п. IV „Чайльдъ-Гарольда", гдѣ говорится, что наша жизнь есть „всеуничтожающее дерево, котораго корень — земля, листья и вѣтви — въ небесахъ, съ котораго ядъ течетъ на людей, какъ роса, — болѣзнь, смерть, рабство, все зло, которое мы видимъ, и то еще большее зло, котораго мы не видимъ, но которое стремительно проникаетъ въ беззащитную душу съ постоянно новыми страданіями..."

Мериме, помѣстившій въ своей книгѣ „Portraits historiques et littéraires", между прочимъ, переводъ этого стихотворенія П., желая показать, что развѣ только латинскій языкъ можетъ дать понятіе о сжатости русскаго, приводитъ по-латыни 6-ю строфу:

„At vir virum — Misit ad antchar superbo vultu, — Et ille obedienter viam ingressus est, — Et rediit mane cum veneno".

XXIII. Отвѣтъ Катенину (стр. 80). Сѣв. Цвѣты" 1829, стр. 120; изд. 1829.

Въ Сѣв. Цвѣтахъ напечатано было стихотвореніе Катенина „Русская быль", съ замѣткой издателя: „За стихотвореніе сіе обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣверные

Цвѣты". Въ разсказѣ К-на князь Владиміръ присутствуетъ на состязаніи пѣвцовъ и присуждаетъ женоподобному греку-пѣвцу коня и латы, а русскому его сопернику — завѣтный кубокъ, данный Святославу императоромъ Цимисхіемъ. „Русская быль", посвященная Пушкину, сопровождалась стихотворнымъ посланіемъ къ поэту, гдѣ авторъ, посмѣявшись надъ археологами и романтиками, т. е. надъ двумя тогдашними нашими литературными лагерями, говоритъ, что завѣтный кубокъ не потерянъ и находится теперь въ рукахъ Пушкина:

Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невпопадъ,
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ, однако, на житье:
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь,
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ Кастальскихъ водъ....

Пушкинъ не рѣшился напечатать это посланіе вмѣстѣ съ разсказомъ; оно явилось только въ 1832 г., въ 1-й ч. „Сочиненій" Катенина; такимъ образомъ, отвѣтъ на посланіе сталъ извѣстенъ публикѣ раньше, чѣмъ само посланіе. „Всего любопытнѣе", говоритъ Анненковъ, „что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, К. спрашивалъ у него, почему не приложилъ онъ къ „Русской были" и посланія, то въ отвѣтахъ П. ясно увидѣлъ, что намеки на собратію были истинными

причинами исключенія этой пьесы. Такъ вообще былъ остороженъ П. въ спокойномъ состояніи духа!" (Мат., 52).

XXIV. Утопленникъ (стр. 81). Моск. Вѣстникъ 1829, ч. I, стр. 80, съ подзаглавіемъ: „Простонародная пѣсня", а въ оглавленіи: „Простонародная сказка". Послѣднее взято и въ изд. 1829. Текстъ журнала представляетъ одинъ варіантъ:

[1] На палатѣ мужъ лежитъ.

XXV. Опричникъ (стр. 83). Современникъ 1838, т. XI, подъ заглавіемъ: „Опричникъ"; Посм., IX, 215, подъ заглавіемъ: „Кромѣшникъ". Въ рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 18, не имѣетъ заглавія. Эта рукопись представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] (Далѣе зачеркнуто):
Недавно кровь со всѣхъ сторонъ
Струею тощей снѣгъ багрила,
И подымался томный стонъ,
Но смерть коснулась къ нимъ, какъ сонъ,
Свою добычу осѣнила...
[2] Кто сей? — Кромѣшникъ молодой
(въ Посм.: „Кромѣшникъ удалой").

XXVI. Чернь (стр. 85). Моск. Вѣстн., 1829, ч. I, стр. 200, безъ эпиграфа, который находится только въ изд. 1829. Черновое — въ Моск. Муз. № 2371, л. 92. По словамъ Анненкова (II, 474), въ рукописи, нынѣ намъ неизвѣстной, было озаглавлено: „Ямбъ". Приготовляя, незадолго до смерти, новое изданіе своихъ стихотвореній, П. рѣшилъ назвать эту пьесу „Поэтъ и толпа" (Моск. Муз. № 2393).

По словамъ Шевырева, П. написалъ это стихотвореніе подъ вліяніемъ художественной теоріи Шеллинга, проповѣдывавшей освобожденіе искусства и усвоенной Пушкинымъ въ кружкѣ Веневитинова, органомъ котораго явился „Московскій Вѣстникъ". Сущность этой теоріи состояла въ весьма строгомъ взглядѣ какъ на призваніе художника, такъ и на задачу самого искусства. Какъ служитель изящнаго, художникъ не долженъ былъ принадлежать толпѣ, раздѣлять ея стремленія и признавать ея нужды. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, это ученіе ставило художника и единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своихъ произведеній: онъ не нуждался въ сочувствіи окружающихъ, не имѣлъ надобности отдавать отчета въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ и одинъ зналъ настоящую причину и первую цѣль своихъ произведеній. Этотъ взглядъ на поэта и поэзію и нашелъ себѣ выраженіе во многихъ произведеніяхъ Пушкина.

Это мнѣніе Шевырева принято было и Анненковымъ и положено въ основу его сужденій о позднѣйшей поэтической дѣятельности П. Новѣйшіе изслѣдователи (Майковъ, Сумцовъ и др.), однако, представили противъ этого мнѣнія довольно вѣскія возраженія. Майковъ указываетъ, что первоначально П. назвалъ свое стихотвореніе „Ямбомъ", по примѣру „Ямбовъ" Андрея Шенье, въ которыхъ столь любимый Пушкинымъ французскій поэтъ бросалъ укоры и обличенія своимъ обезумѣвшимъ современникамъ. „Тотъ же смыслъ жесткой сатиры имѣетъ и „Чернь" русскаго поэта: въ спорѣ между толпой и пѣвцомъ П. изображаетъ два различные взгляда на поэзію: одинъ, принадлежащій людямъ, не посвя-

щеннымъ въ тайны творчества, и другой — свойственный самому художнику. Сопоставленіе двухъ воззрѣній естественно требовало, чтобы каждое изъ нихъ было очерчено въ краскахъ рѣзко различныхъ, чтобы грубому требованію пользы было противопоставлено спокойное служеніе свободному вдохновенію. Между тѣмъ какъ въ желаніи толпы услышать смѣлые уроки звучитъ голосъ лицемѣрія, — поэтъ отвѣчаетъ ей равнодушіемъ и презрѣніемъ и предпочитаетъ уйти въ свѣтлый, ему одному доступный міръ творчества. Таковъ смыслъ послѣднихъ четырехъ строкъ стихотворенія, которыя всего больше подвергались критическимъ пересудамъ... Не можетъ подлежать сомнѣнію, что „Чернь“ есть отвѣтъ со стороны поэта его непризваннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Что П. обращался въ этомъ стихотвореніи не къ народной черни, а къ пустой толпѣ свѣтской, — это видно, между прочимъ, изъ разсказа Шевырева о чтеніи стихотворенія самимъ авторомъ въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской: будучи откровененъ съ друзьями своими, не скрывая своихъ литературныхъ трудовъ и плановъ, радушно сообщая о своихъ занятіяхъ людямъ, интересующимся поэзіей, П. терпѣть не могъ, когда съ нимъ говорили о стихахъ его и просили что-нибудь прочесть въ большомъ свѣтѣ. На одномъ изъ собраній у кн. В. пристали къ П., чтобы прочесть. Въ досадѣ онъ прочелъ „Чернь“ — и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: „Въ другой разъ не станутъ просить!“ (Майковъ, Пушк., 331, 343-347).

Къ этому можно прибавить, что презрѣніе къ „черни“, выраженное въ извѣстныхъ словахъ Горація: „Malignum spernere vulgus“ и „Procul este, pro-

fani!“ было довольно ходячей фразой въ нашей поэзіи XVIII вѣка. Ср., напр., у Державина:

Умѣй презрѣть и ты златую,
Злословну, площадную чернь!
(„Капнисту“, 1797).
Умолкни, чернь непросвѣщенна,
Слѣпые свѣта мудрецы!
(„Безсмертіе души“, 1797).
Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной!
(„О удовольствіи“, 1798).

или у Дмитріева:

И равнодушіе къ сужденью
Толпы зоиловъ и глупцовъ.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, очевидно, разумѣется не народная толпа.

Выраженіе объ Аполлонѣ: „Но мраморъ сей вѣдь богъ!“ явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ воспоминанія о Батюшковѣ, который, впервые увидѣвъ въ Римѣ статую Аполлона Бельведерскаго, писалъ Дашкову: „Это не мраморъ, — богъ!“ (Соч. Бат., I, біогр., 177-178).

О пародіи на это стихотвореніе Пушкина см. ниже, въ прим. къ посланію 1830 г. „Къ вельможѣ“.

XXVII. Конрадъ Валленродъ (стр. 87). Моск. Вѣстн. 1829, ч. I, стр. 181, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ поэмы Конрадъ Валленродъ М-ча“; изд. 1829, съ заглавіемъ лишь въ оглавленіи.

Поэма Мицкевича, написанная въ 1826-27 гг., напечатана въ первый разъ въ Спб. 1828. Стихо-

твореніе П. представляетъ довольно близкій, хотя и не размѣромъ подлинника, переводъ первыхъ 39-ти стиховъ „Вступленія“ къ Валленроду.

„Область Палемона“: Литва. Палемонъ — легендарный родоначальникъ литовской земли и шляхты. По преданію литовской лѣтописи, П., „княжи римское“, былъ „кревный“ царю Нерону и забрался въ Литву „зъ жоною и зъ дѣтьми своими и подданными и скарбомъ своимъ“, вмѣстѣ съ 500 шляхтичами и ихъ семьями. Этой легендой литовцы доказывали свое древнее происхожденіе: они — старая римская шляхта, между тѣмъ, какъ поляки — люди простые, получившіе свои гербы „въ Чехахъ“.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Мицкевичу см. ниже, въ примѣч. къ стихотворенію: „Мицкевичъ“ (1835).

XXVIII. Слѣнину (стр. 88). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 131, подъ заглавіемъ: „Къ И. В. Сл.“

Иванъ Васильевичъ Слёнинъ (р. 1789, ум. 14 февр. 1836) былъ однимъ изъ лучшихъ книгопродавцевъ своего времени, и въ его лавкѣ постоянно собирались литераторы, какъ послѣ — у Смирдина. Не лишенный образованія, страстный любитель литературы, С. и самъ писалъ экспромты и эпиграммы, печатавшіеся въ журналахъ 20-хъ гг. О немъ см. Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1836, № 21 Соврем. 1854, № 1, отд. III, стр. 50-51; „Матеріалы для исторіи русск. книжной торговли“, Спб. 1879; Ост. Арх., I, 627-628.

XXIX. Филимонову (стр. 89). Невскій Альбомъ, изд. Бобылева, т. II, Спб. 1840, стр. 1; Посм. IX, 222.

Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ 1787)-1858), авторъ поэмъ: „Дурацкій Колпакъ“ (5 частей, 1822-28), „Обѣдъ“ (1837), „Непостижимая“ (1841), басенъ и пр. О немъ см. Спб. Вѣд. 1858, № 158; Всем. Иллюстр. 1858, № 32; Библіогр. Записки, т. I (1859) № 20; Соврем. 1858, № 9, Замѣтки Новаго Поэта; Рус. Арх. 1866, ст. 1716; 1879, I, 486; Соч. кн. Вяземскаго, IX, 103; Соч. Батюшкова, т. III.

XXX. Подражаніе Анакреону (стр. 89). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 71; изд. 1829.

Переработка 60-й оды Анакреона, которая, въ близкомъ къ подлиннику переводѣ А. Бажанова, читается такъ:

Что, ѳракійская лошадка, на меня такъ косо смотришь
И, съ презрѣньемъ отбѣгая, за неловкаго сочла?
Знай же, — я еще сумѣю на тебя узду накинуть
И возжей тебя заставлю по ристалищу бѣжать.
Ты теперь въ лугахъ пасешься, рѣзво прыгаешь и скачешь,
Потому что не нашелся ловкій всадникъ для тебя.

Пушкинъ далъ не переводъ, а подражаніе, замѣнивъ, при этомъ, „ѳракійскую“ кобылицу — „кавказскою“, что придаетъ стихотворенію, до нѣкоторой степени, русскій обликъ. См. С. Любомудрова, Античные мотивы въ поэзіи Пушкина, Спб. 1901, стр. 56.

XXXI. 19 октября 1828 (стр. 90). Въ ст. В. П. Гаевскаго: „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ

въ пушкинское время", Отеч. Зап. 1861, т. 139, № 11, стр. 29-41. Въ этой же статьѣ напечатанъ и сохранившійся протоколъ празднованія 1828 г., писанный рукою Пушкина:

„Собралися на пепелищѣ скотобратца курнофеіуса Тыркова, по прозвищу кирпичнаго бруса, 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ — Тося, Илличевскій — Олесенька, Яковлевъ — паясъ, Корфъ — дьячекъ-морданъ, Стевенъ — шведъ, Тырковъ — смотри выше, Комовскій — лиса, Пушкинъ — французъ (смѣсь обѣзіаны съ тигромъ).

a. Пѣли нзвѣстный лицейскій пеанъ: Лѣто, знойна.

Пушкинъ-французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ сочинитель Олесенька, что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва Лѣто знойно пѣть какъ выше обозначено *).

b. Вели бесѣду.

c. Выпили вдоволь ихъ здоровій.

d. Пѣли рефутацію г-на Беранжера **).

e. Пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ ***).

f. Пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ ****).

g. Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся.

h. Тырковіусъ безмолвствовалъ.

---

*) Неизданное стихотвореніе Илличевскаго:

Лѣто знойно, дщерь природы
Идетъ къ намъ въ страну.

**) Часть ея приводится ниже, вслѣдъ за этимъ протоколомъ.

***) По словамъ Я. К. Грота (Пушк., 82), обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:

О Соломонъ,
Въ Библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ!

****) Гимнъ Дельвига: „Шесть лѣтъ промчались какъ мечтанье"

ваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, — и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки".

Посланіе Готовцовой оканчивается стихами:

Несправедливъ твой приговоръ,
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ, —
Молчанье выразитъ укоръ.
(См. Каллаша, Рус. поэты о П., 32).

П., отвѣчавшій на это посланіе только изъ учтивости, затруднялся и медлилъ отвѣтомъ и послалъ его Дельвигу только 26 ноября. „Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцовой", писалъ онъ, — „чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій? А отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго пола, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!"

XXXIII. Любопытный (стр. 91). Сѣв. Цвѣты 1829, стр. 32; изд. 1829.

Передѣлка старой, лицейской эпиграммы 1816 г. см. т. I, стр. 197.

XXXIV. Собраніе насѣкомыхъ (стр. 91). Напечатано въ Подснѣжникѣ 1830, стр. 18, съ замѣною собственныхъ именъ — звѣздочками и съ варіантами:

Вотъ Олинъ — тощая піявка,
Вотъ Раичъ — мелкая козявка,

Вслѣдъ затѣмъ появилась въ Моск. Телегр. 1830 („Новый Живописецъ общества и литературы", № 8, стр. 135), за подписью: „Обезьянинъ", пародія:

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ
И рѣзкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чайльдъ-Гарольдія смѣшная,
Вотъ Донъ-Жуанія моя;
Вотъ Дидеротія блажная;
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И макъ Германіи завялой,
И древнихъ эллиновъ горохъ.
Все, все рядкомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, положено,
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

На эту пародію въ Вѣстн. Европы, ч. II, стр. 301 явилось возраженіе, гдѣ, между прочимъ, было замѣчено, что „энтомологи велятъ загадочные стихи читать слѣдующимъ образомъ:

Полтава — Божія коровка,
Кавказскій Плѣнникъ — злой паукъ;
Вотъ Годуновъ — россійскій жукъ,
Онѣгинъ — тощая піявка,
Графъ Нулинъ — мелкая козявка."

Послѣ этого стихотвореніе было снова перепечатано въ Литер. Газетѣ 1830, № 43, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Сіе стихотвореніе, напечатанное въ альманахѣ „Подснѣжникъ“ нынѣшняго года, обратило на себя всеобщее вниманіе. Всѣ журналы отозвались о немъ, и большею частью неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы и въ Московскомъ Телеграфѣ. Пародія Вѣстника отличается легкимъ остроуміемъ; пародія Телеграфа — полнотою смысла и строгою грамматическою и логическою точностью. Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.“ — Ср. замѣтку: „Самъ съѣшь“ въ т. VI.

XXXV. Невѣдомскій (стр. 91). Сборникъ студентовъ Спб. унив., 1857, т. I.

„Лирическія поэмы Николая Невѣдомскаго: Русскій Орелъ. — Наполеонъ“. Спб. 1828, 8°, 76 стр. См. Моск. Телегр. 1828, № 4.

XXXVI. Черновые наброски:

Риѳма, звучная подруга... (стр. 92). Анн., Мат., 105, и Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 44, по рукописи Моск. Муз. № 2371, л. 25. Рукопись представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Ахъ, зачѣмъ ты улетѣла
[2] Твой привычный, звучный лепетъ

За послѣднимъ куплетомъ слѣдуютъ еще неразборчивыя строчки, гдѣ можно прочесть лишь нѣсколько словъ:

И младенца воспріяли
Боги — Сонъ, Діана и Ночь...
И отъ гнѣвнаго Зевеса
сокрыла Ночь...

Ср. стихотвореніе 1830 г. „Риѳма“ (стр. 151). Сюда же вѣроятно, относятся и слѣдующіе стихи, находящіеся въ другой тетради (№ 2368, л. 33 об.):

Своенравная царица
Романтическихъ октавъ,
Риѳма, сладкая пѣвица
. . . . . .
Своенравная подруга
Гармонической мечты,
Риѳма, мнѣ часы досуга
Оживлять умѣла ты
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своевольныя четы...

Въ степяхъ зеленыхъ Буджака... (стр. 93). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр, 42, по рукописи Моск. Муз. № 2371, л. 19. — Буджакъ — бывшая татарская часть Бессарабіи, между Прутомъ и Днѣстромъ.

Волненьемъ жизни утомленный... (стр. 94). Тамъ же, стр. 41, по той же рукописи, л. 16 об.

Брадатый староста Авдѣй... (стр. 94) Тамъ же, стр. 53, по той же рукописи л. 90 об. Варіанты:

Скворецъ [налѣво и направо]
. . . . . [не умничалъ лукаво]

Послѣ словъ: „Христосъ воскресъ!“ можно еще разобрать:

Скворецъ мой былъ не пустомеля,
Не вралъ онъ всякой чепухи,
Онъ былъ ученѣе....

Сводня (стр. 94). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 538-539, по рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 27, гдѣ эти стихи находятся между черновыми строфами VII главы Онѣгина и отрывками изъ Арапа Петра Великаго. Нами печатается съ пропускомъ одного слова и 33-хъ стиховъ.

Къ 1828 г. относятся также слѣдующіе наброски въ рукописи № 2371:

л. 88 об.: „Тебя пою на томной лирѣ,
„Но гдѣ найду мой [идеалъ]
„И кто пойметъ меня въ семъ мірѣ?“
Но Анатоль не понималъ...

л. 97 об.: Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною
Брызжетъ, пѣнится вино...

л. 99 об.: Лещинскій околѣлъ, — отечеству бѣда!
Потоцкій живъ еще, — утѣшьтесь, господа!

(„Потоцкій“ зачеркнуто и надписано: „Князь Сергій“).

А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Майковъ, Пушк., 250) разсказываетъ, что зимою 1828 г. П. какъ-то сталъ переводить вписанные въ ея альбомъ французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе — на французскій. Между прочимъ, въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi, sans doute, il est fait.

Пушкинъ перевелъ:

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ;
Я скажу тебѣ резонъ:
Невозможно!

Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано: „Ecrit dans mon éxil". П. приписалъ:

Amour, éxil, —
Какая гиль!

Д. Н. Барковъ написалъ одни всѣмъ извѣстные стихи несовсѣмъ правильно, и П. вмѣсто перевода написалъ слѣдующее:

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть.

Однажды, заставъ А. П. Кернъ за письмомъ къ ея сестрѣ въ Малороссію, П. приписалъ въ немъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ,
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

1829.

I. Примѣты (стр. 96). Подснѣжникъ (изд. Коншина и бар. Розена) 1829, стр. 139; издд. 1832 и Посм.

II. вѣрилъ въ примѣты. Получивъ извѣстіе о томъ, что произошло 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ, онъ на другое же утро выѣхалъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, но вернулся, не доѣхавъ и до первой станціи, — потому, какъ онъ самъ объяснялъ, что при выѣздѣ встрѣтилъ попа, а затѣмъ заяцъ перебѣжалъ ему дорогу (Анненковъ, Пушк., 311).

II. Въ альбомъ (стр. 96). Литер. Газ. 1830, № 20, стр. 157; изд. 1832. По мнѣнію Анненкова, Соч. Пушк., II, 497, относится, какъ и слѣдующее стихотвореніе, къ А. А. Олениной.

III. Я васъ любилъ... (стр. 97). Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 104; изд. 1832.

IV. А. П. Кернъ (стр. 97). Лит. Газ. 1830, № 13, стр. 101, подъ заглавіемъ: „Къ ***“ и съ полною подписью; въ изд. 1832 — безъ заглавія.

Во второй половинѣ 20-хъ гг. А. П. Кернъ

окончательно разошлась съ мужемъ и поселилась въ Петербургѣ, сохранивъ близкую связь съ П. А. Осиповой, С. Л. и Н. О. Пушкиными, О. С. Павлищевой, Дельвигомъ и его женою и др. Она пользовалась общей любовью за свой умъ, острый и наблюдательный, доброе сердце и пріятный характеръ. „Присущая Аннѣ Петровнѣ веселость и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать, — милое кокетство подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ о ней ни на чемъ не основанные, самые неправдоподобные слухи (Л. Павлищевъ, Изъ семейной хроники, стр. 170). Этими-то сплетнями и вызвано стихотвореніе П. Ср. Майкова, Пушк., 257.

V. Ел. Н. Ушаковой (стр. 98). Галатея (изд. Раича) 1829, ч. I, № 5, стр. 265, подъ загл.: „Е. Н. У***вой“ и съ ошибками, исправленными въ изд. 1829, а именно:

[1] . . . . . докучной модой
[2] (Стихъ пропущенъ).

Черновое — въ рукописи Моск. Муз. № 2371, л. 12 об. (ср. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 39) читается такъ:

Вы избалованы природой,
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша страстная хвала
Вамъ кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ хвалить не мудрено,
[Что ваши взоры — сердцу жалы],

Что ваши ножки очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно васъ любить сердечно;
[Но, кажется, до сей поры]
[Еще не знали вы, конечно,]
Но вы не знаете, конечно,
Что и [хвастливая] болтливая Москва
Порою правды не умалитъ,
Что иногда и сердце хвалитъ,
[И съ нимъ согласна голова]
Хоть и кружится голова.

Въ Галатеѣ и въ изд. 1829 и Посм. предпослѣдній стихъ былъ напечатанъ съ сокращеніемъ: „Въ тѣ дни, какъ пр.... поле"; онъ возстановленъ у Анн., II, 500. Ср. Майкова, Мат., 267 - 268.

Елизавета Николаевна — младшая сестра Ек. Ник. Ушаковой, см. выше, стр. 407 и статью Майкова: „Знакомство П. съ семействомъ Ушаковыхъ", Пушк., 355 - 377.

VI. Отрывокъ (стр. 99). Сѣв. Цвѣты 1831, стр. 56; изд. 1832. Черновыя — въ Моск. Муз. № 2382, л. 107 об., и у Шляпкина, 7 (ср. Рус. Стар. 1893, т. 77, стр. 222) — представляютъ варіанты:

[1] (М) Все тихо; на Кавказъ идетъ ночная мгла;
Восходятъ звѣзды надо мною
[1] (Ш) На холмы Грузіи ночная тѣнь легла;
Шумитъ Арагва предо мною.
[2] (М) [Я снова юнъ и твой], — унынья моего

[2] (Ш) Тобой, одной тобой... Мечтанья моего
[3] (Ш) И сердце живо вновь, и любитъ, — оттого

За послѣдней строкой въ Музейной рукописи слѣдуетъ еще нѣсколько исчерканныхъ стиховъ, гдѣ можно разобрать:

Прошли забытые . . . . . многихъ лѣтъ...
Гдѣ вы, [знакомыя] безцѣнныя созданья?
Иные далеко, иныхъ ужь въ мірѣ нѣтъ...
Я снова твой, я вновь тебя люблю
И безъ надеждъ, и безъ желаній,
Безъ темной ревности....
Чиста моя любовь
И [тихій жаръ моихъ] нѣжность дѣвственныхъ мечтаній.

По мнѣнію комментаторовъ, это стихотвореніе навѣяно любовью къ будущей женѣ поэта, Н. Н. Гончаровой. П. сватался за нее въ концѣ апрѣля 1829 г., при посредничествѣ гр. Толстого-американца, но получилъ отказъ и 1 мая, написавъ письмо ея матери, выѣхалъ изъ Москвы въ Грузію, а 15 мая уже началъ въ Георгіевскѣ журналъ своего путешествія въ Арзрумъ.

VII. Калмычкѣ (стр. 99). Лит. Газ. 1830, № 38, стр. 11, съ подписью: „К. р. с.“ (анаграмма арзамасскаго прозвища „Сверчокъ“). Черновое — въ Моск. Муз. № 2382, л. 107.

О встрѣчѣ съ калмычкой, вызвавшей это стихотвореніе, П. разсказываетъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“. Разсказъ этотъ въ черновой руко-

писи „Путешествія“ нѣсколько отличается отъ напечатаннаго, почему и приводимъ его здѣсь:

„Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. „Какъ тебя зовутъ?“ — ***. — Сколько тебѣ лѣтъ?“ — Десять и восемь. — „Что ты шьешь?“ — Портка. — „Кому?“ — Себя. — „Поцѣлуй меня“. — Не можна, стыдно. — Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ“. Капъ-Кой — названіе Владикавказа.

[1] „На зло моихъ затѣй“ — галлицизмъ: en dépit de...

[2] Извѣстный, въ ту пору только что вышедшій, романъ Альфреда де-Виньи: Cinq-Mars.

VIII. Изъ Гафиза (стр. 100). „Царское Село“, альманахъ на 1830 годъ, изд. Коншина и бар. Розена, стр. 223; изд. 1832. Находится въ рукописи на отдѣльномъ листкѣ въ бумагахъ Н. Н. Раевскаго, подъ заглавіемъ: „Шеерь І. Фаргать-беку“. Рукопись перебѣленная и большей частью согласная съ печатнымъ текстомъ; но въ нѣсколькихъ мѣстахъ есть отличія и первоначальныя чтенія, уже зачеркнутыя и замѣненныя:

Ст. 4: Съ [христіанскою] толпой
„ 6: Азраель...
„ 8: И пощадой будетъ ей.
„ 11: [Скромность] Робость дѣвственныхъ движеній
Майковъ, Мат., 269.

Гафизъ (Шемсъ-Эддинъ-Мохаммедъ, 1300-1389) — знаменитый персидскій поэтъ. Стихотвореніе П. не есть переводъ или подражаніе; здѣсь только воспроизводится одинъ изъ мотивовъ восточной лирики.

IX. Донъ (стр. 100). Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1831, № 83, стр. 655; изд. 1832. Черновое въ Моск. Муз. № 2382, л. 102, начинается такъ:

Здравствуй, Донъ, завѣтный Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ удалыхъ,
Казаковъ большихъ и малыхъ,
Я привезъ тебѣ поклонъ!

Это стихотвореніе, исполненное, по выраженію Анненкова, „блеска и радости", передаетъ чувства возвращающагося на родину поэта, который является здѣсь передовымъ вѣстникомъ донцовъ, двинутыхъ въ обратный походъ съ Кавказа.

X. Делибашъ (стр. 101). Сѣв. Цвѣты 1832, стр. 58; изд. 1832. Делибашъ (по-турецки — „сумасшедшій") — удалой наѣздникъ; лава — строй казачьей сотни для атаки, въ одну шеренгу, выгнутую дугою.

XI. Монастырь на Казбекѣ (стр. 102). Сѣв. Цвѣты 1831, стр. 47; изд. 1832. Стихотвореніе написано 20 сентября.

Возвращаясь изъ Закавказья, П. записалъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“: „Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками“.

XII. Кавказъ (стр. 102). Лит. Газ. 1831, № 1; изд. 1832.

Нѣкоторые образы въ этомъ стихотвореніи напоминаютъ строфы Державина въ одѣ „На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи“ (1797), выписанныя Пушкинымъ въ примѣчаніи къ Кавказскому Плѣннику:

Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки,
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ, и пр.

XIII. Дорожныя жалобы (стр. 103). Сѣв. Цвѣты 1832, безъ подписи; изд. 1832. По указанію Анненкова (Мат., 211) первоначально называлось: „Дорожные стихи“.

Все, написанное Пушкинымъ о русской ямской

и почтовой гоньбѣ, собрано въ майской кн. „Почтово-телеграфнаго Журнала“ 1899. По словамъ этого спеціальнаго изданія, П. даетъ „вполнѣ опредѣленное представленіе о русскихъ дорогахъ, уѣздѣ, станціяхъ, ямщикахъ и станціонныхъ смотрителяхъ первой половины XIX столѣтія“. — „Въ Дорожныхъ жалобахъ“, говоритъ проф. Сумцовъ („Изсл.“, 202), „что ни куплетъ, то цѣлая біографическая страница. Въ первомъ же куплетѣ находится цѣлая исторія многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ путешествій П. пѣшкомъ и верхомъ, что бывало преимущественно въ Михайловскомъ, въ телѣгѣ, — напр. на пути на югъ, по бѣлорусскому тракту, въ 1820 г., въ кибиткѣ, коляскѣ и каретѣ... Особенно мѣтко очерчены неудобства путешествій по Россіи въ старинное время, — переѣзды подъ пестрыми казенными шлагбаумами у заставъ городскихъ и сельскихъ, опасность встрѣтиться съ разбойниками, кишѣвшими въ крѣпостное время въ лѣсахъ и подъ мостами, тягостныя высидки въ карантинахъ (то было время чумы и холеры), всякаго рода внѣшнія неудобства, вызывавшія многочисленныя жалобы въ мемуарахъ и даже въ поэзіи“, — напр. въ „Ропотѣ на дорогѣ“ кн. И. М. Долгорукова:

Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ — вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ нельзя ни лечь, ни сѣсть,
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться, —
Не сыщешь мягкой булки съѣсть.

По указанію Л. И. Поливанова (I, 299), по-

слѣдніе два стиха 7-й строфы были исправлены Пушкинымъ:

Объ отставкѣ, о невѣстѣ,
О деревнѣ помышлять.

Яръ — извѣстный московскій ресторатор. Мясницкая — одна изъ самыхъ длинныхъ и оживленныхъ московскихъ улицъ.

XIV. Обвалъ (стр. 104). Сѣв. Цвѣты 1831, стр. 95; изд. 1832.

XV. Олеговъ щитъ (стр. 105). Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 53; подписано двумя звѣздочками, но имя автора указано въ оглавленіи. Изд. 1832.

Стихотвореніе вызвано адріанопольскимъ миромъ, подписаннымъ 2 сентября 1829. Главнокомандующій русскихъ войскъ, гр. Дибичъ, 8 августа вступилъ въ Адріанополь; его армія, опираясь лѣвымъ флангомъ на черноморскій флотъ, а правымъ — на архипелагскій, уже охватывала Константинополь, до котораго оставалось лишь нѣсколько переходовъ; но султанъ поспѣшилъ отправить въ русскую главную квартиру уполномоченныхъ, которымъ и удалось достигнуть заключенія мира. По мнѣнію Н. И. Черняева (Крит. ст. и зам. о П., стр. 339-364) стихотвореніе Пушкина. „насквозь пропитано сарказмомъ, чувствомъ горечи и удивленіемъ: въ немъ отчетливо звучитъ упрекъ Дибичу за то, что онъ убоялся призраковъ и не увѣнчалъ надлежащимъ образомъ славы и подвиговъ русскаго оружія, занявъ Константинополь". Въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ" П. полемизируетъ съ французскимъ путешественникомъ Фонтанье, который, описывая походъ 1829 г., за-

мѣчаетъ, что „одинъ поэтъ, извѣстный силою своего воображенія и бывшій свидѣтелемъ столькихъ высокихъ подвиговъ, нашелъ въ нихъ предмегъ не для поэмы, а только для сатиры". Поэтъ отвергаетъ обвиненіе въ сатирѣ, указывая на то, что арзрумскій походъ, въ которомъ онъ участвовалъ, никогда не былъ предметомъ сатирическаго изображенія. Въ этомъ, буквальномъ смыслѣ слова, П., конечно, совершенно правъ; но очень вѣроятно, что французскій писатель не понималъ дѣла такъ буквально и имѣлъ въ виду не арзрумскій походъ, а толки, вызванные въ петербургскомъ обществѣ стихотвореніемъ „Олеговъ щитъ", въ которомъ многіе должны были угадывать его настоящее примѣненіе...

XVI. Зима (стр. 106). Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 66; изд. 1832. Черновое въ Московск. Муз. № 2382, л. 15, начинается стихомъ:

Зима. Что дѣлать мнѣ въ деревнѣ? Я встрѣчаю...

XVII. Зимнее утро (стр. 107). „Царское Село", альм. Коншина и бар. Розена, 1830; изд. 1832. Черновое — Моск. Муз. № 2382, л. 16 об., — представляетъ варіантъ послѣдняго стиха 4-ой строфы:

Коня черкасскаго запречь.

Измѣнивъ этотъ стихъ, какъ напечатано, П. изъ довольно пышнаго образа сдѣлалъ простую сельскитихую картину. Онъ всегда такъ поправлялъ свои стихотворенія, замѣчаетъ Анненковъ (Мат., 212).

XVIII. Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ (стр. 108). Анн., Мат., 226. Черновое — въ Моск. Муз. № 2371, л. 17 об., и 2382, лл. 43-44. Въ первой изъ этихъ рукописей — только небольшой отрывокъ, съ варіантомъ 5-го стиха 1-й строфы:

Какъ древле юный расточитель

Во второй рукописи помѣта: „14 дек. 1829“ находится послѣ 4-й строфы, а 5-я строфа приписана послѣ. Въ этой послѣдней строфѣ упомянуты екатерининскіе герои: „Перунъ кагульскихъ береговъ“— Румянцовъ, прославившійся побѣдою при Кагулѣ, въ 1770 г., надъ вдесятеро сильнѣйшимъ турецкимъ войскомъ („Кагульскій памятникъ“ въ Ц. Селѣ — см. т. I, стр. 568); „могучій вождь полуночнаго флага“ — Алексѣй Орловъ, истребившій турецкій флотъ подъ Чесмою; „герой Архипелага“ — Ѳедоръ Орловъ, участникъ Чесменскаго боя, обратившій въ бѣгство 18 турецкихъ кораблей при о. Гидрѣ (его подвиги увѣковѣчены постановкою въ Ц. Селѣ колонны, украшенной корабельными носами); „наваринскій Ганнибалъ“ — дѣдъ Пушкина, Иванъ Абрамовичъ, который въ 1770 г. взялъ Наваринъ (памятникъ въ Ц. Селѣ „Побѣдамъ Ганнибала“).

XIX. Элегическій отрывокъ (стр. 109). Моск. Вѣстн. 1830, № 9, стр. 194; изд. 1832. Черновое — въ Моск. Муз. № 2382, л. 25. Въ рукописи и въ журналѣ — варіантъ:

[1] Къ подножію ль стѣны недвижнаго Китая,

исправленный при перепечаткѣ стихотворенія; кромѣ того, въ рукописи послѣ помѣты слѣдуетъ еще стихъ:

Но полно, — разорву оковы я любви...

Стихъ: „Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ“ напоминаетъ Байрона:

In Venice Tasso's echoes are no more,

ср. выше, стр. 419.

Стихотвореніе написано подъ вліяніемъ угнетавшихъ поэта мыслей о Н. Н. Гончаровой.

XX. Стансы (стр. 110). Лит. Газ. 1830, № 2, стр. 10, п. з. „Станцы“; изд. 1832. Черновое — въ Моск. Муз. № 2382, лл. 26 об. и 28. Здѣсь послѣ 4-й строфы зачеркнуто:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Всегда близка, всегда со мной.

Затѣмъ идетъ еще одна исчерканная строфа, изъ которой можно разобрать только два стиха:

Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта ...

Послѣдній стихъ строфы 5-й въ Газетѣ, какъ и въ рукописи, читается:

Межь ихъ стараясь угадать.

П. вообще часто писалъ: „межь ихъ“, „межь ими“, и позднѣйшія исправленія дѣлалъ, вѣроятно, по чьимъ-нибудь указаніямъ.

Стихотвореніе написано въ ту пору, когда на югѣ Россіи появилась чума. Связь его съ другими произведеніями П., въ которыхъ развивается мысль о смерти, указана Сумцовымъ, Изслѣд., 201. Ср.

стихи Жуковскаго въ посланіи „Къ Филалету“ (А. И. Тургеневу) 1807:

Повсюду вѣстники могилы предо мной:
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ, —
Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру ль преклонясь, гармоніи внимаю, —
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.

XXI. Загадка (стр. 111). „Царское Село“ Коншина и Розена, 1830, стр. 4; изд. 1832; Посм., IX, 457.

Стихотвореніе характеризуетъ Дельвига, какъ автора идиллій и пѣсенъ въ русскомъ стилѣ. Мнѣніе П. объ этихъ произведеніяхъ можно видѣть изъ того мѣста „Отрывковъ изъ писемъ, мыслей и замѣчаній“, которое, при печатаніи ихъ въ Сѣв. Цвѣтахъ 1828 г. было, изъ скромности, выпущено Дельвигомъ:

„Идилліи Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лицняго, неестественнаго въ описаніяхъ!“

XXII. Эпиграммы на Кaченовскаго (стр. 112).

1. Литературное извѣстіе — „Подснѣжникъ“ 1829, стр. 188, съ замѣною имени Каченовскаго тремя звѣздочками; издд. 1832 и Посм.

Эпиграмма вызвана статьями Надеждина въ Вѣст. Евр. 1829, №№ 1 и 2 — „Сонмище нигилистовъ“ и №№ 8 и 9 — „Полтава“, въ которыхъ заключались рѣзкія нападки на Пушкина. Издатель „Подснѣжника“ сдѣлалъ къ стихамъ П. примѣчаніе: „Чувствительно благодаримъ почтеннаго Александра Сергѣевича за сіе извѣстіе и нетерпѣливо ждемъ первой книжки элизейскаго журнала“. — Изъ упоминаемыхъ здѣсь писателей XVIII вѣка Николай Никитичъ Поповскій (1730 - 1760) — профессоръ элоквенціи и магистръ философіи, ученикъ Ломоносова и переводчикъ „Опыта о человѣкѣ“ Попа; Иванъ Перфильевичъ Елагинъ (1725 - 1793) — авторъ „Опыта повѣствованія о Россіи“ и переводчикъ „Мизантропа“; Николай Гавриловичъ Кургановъ (1726 - 1796) — составитель чрезвычайно распространенной въ свое время книги: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія“.

2. Обиженный журналами жестоко... Моск Тел. 1829, ч. 26, № 5, стр. 257; Посм. IX, 471. Написано по поводу жалобы Кач. на цензора С. Н. Глинку, пропустившаго довольно рѣзкую статью объ издателѣ „Вѣстника Европы“ въ „Моск. Телеграфѣ“. Разсмотрѣвъ жалобу, главное управленіе цензуры признало, что выраженія, на которыя жаловался Кач., относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести, и что цензоръ не могъ запре-

тить напечатаніе статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. Исторія этого столкновенія подробно разсказана М. И. Сухомлиновымъ въ статьѣ: „Полемическія статьи П.“ (Историч. Вѣстн. 1884, мартъ, стр. 464 - 477, и книга: „Изслѣдованія и статьи по рус. лит. и просвѣщенію“, Спб. 1889, т. II, стр. 250 - 267); ср. статью Пушкина: „Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей“, въ т. VI наст. изд.

3. Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій... Моск. Тел. 1829, № 8, стр. 408, и Анн., VII, 102. — Каченовскій ввелъ въ своемъ журналѣ особое правописаніе, по правиламъ котораго въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго, слѣдовало писать і, е, ѵ, напр.: історія, фѵсіка, есѳетіческій и пр. Надъ этимъ правописаніемъ въ ту пору очень потѣшались, и Баратынскій напечаталъ въ „Телеграфѣ“ забавную на него эпиграмму:

Ѵсторіческая епіграмма.

Хвала, мастѵтый нашъ Зоілъ!
Когда-то Дмітріевъ бѣсілъ
Тебя счаѕтлівыми струнамі;
Бѣсілъ Жуковскій вслѣдъ за німъ;
Вотъ бѣситъ Пушкинъ: какъ любімъ
Ты дальновиднымі Судьбамі!
Трі поколѣнія пѣвцовъ
Тебя красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье пріводілі;
Пекісъ о здравіі своемъ,
Чтобы, подобно первымъ тремъ,
Другіе трі тебя бѣсілі.

4. Какъ сатирой безымянной... Моск. Те-

легр. 1829, ч. 29, № 17, стр. 194. Здѣсь 2-й стихъ читается:

На Сатира я напалъ.

Предыдущія три эпиграммы вызвали замѣчаніе Надеждина въ статьѣ о „Полтавѣ“: „Полтава есть настоящая Полтава для Пушкина! Ему назначено было здѣсь испытать судьбу Карла XII... И — какая чудная аналогія! Сѣверный Александръ, проигравъ полтавское сраженіе, пустился въ ребяческіе фарсы, недостойные его генія и славы; Карлъ XII литературнаго нашего міра точно такъ же изволитъ забавляться послѣ Полтавы: онъ ударился въ язвительные стишонки и ругательства!“ Далѣе говорилось о камешкахъ, которые П. пускаетъ „изъ телеграфической пращи“ въ людей, говорящихъ ему правду. Отвѣтомъ на это замѣчаніе и явилась настоящая эпиграмма. Вѣстникъ Европы, съ своей стороны, также отвѣчалъ двумя эпиграммами, напечатанными въ 1-й книжкѣ 1830, стр. 73. Вотъ онѣ:

Къ портрету Хло-Пушкина.

I.

Младый пѣвецъ Фактыдурая!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала!
Ты, глупой скуки ядъ по каплѣ выпивая,
Неопытнымъ сердцамъ надѣлалъ много-бъ зла;
Но, къ счастью, ты великъ — на малыя дѣла.

Орлино-Когтевъ.

II.

О геній геніевъ! Неслыханное чудо!
Стишки ты пишешь хоть куда,

Да только вотъ бѣда:
Ты чувствуешь и мыслишь очень худо!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала,
Великій человѣкъ на малыя дѣла.
Львино-Зубовъ.

По замѣчанію кн. П. А. Вяземскаго (Соч. II, 129), „эти авторы только именемъ страшны, а стихи ихъ такъ же незлобивы, какъ и всѣ эпиграммы Вѣстника Европы".

XXIII. Эпиграммы на Надеждина (стр. 113):

1. Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ... Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 50; Посм., IX, 467.

Въ первой статьѣ Надеждина о Полтавѣ романтикъ Флюгеровскій говоритъ, что Пушкинъ — геній. „Незнакомецъ", — старикъ, въ словахъ котораго излагаются собственныя мысли автора, говоритъ, что признаетъ П. геніемъ тогда, когда онъ создастъ что-нибудь истинно великое, а теперь въ немъ виденъ только огромный талантъ. „Надоумко" (псевдонимъ, которымъ Надеждинъ подписывалъ свои критическія статьи) спрашиваетъ его: неужели же ошибается Сынъ Отечества: „Тамъ напечатано, помнится, такъ: „Сомнѣваюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такіе, которые бы не сознались, что онъ геній. П. началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда невозможно дѣлать усилій, чтобъ быть стихотворцемъ". Что вы на это скажете? — Незнакомецъ. То, что сей наборъ словъ едва ли понятенъ самому тому, съ чьего пера онъ стекъ. Начать писать слишкомъ рано — еще не признакъ генія. Въ противномъ случаѣ, пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ такъ забавно почтеннѣйшій

дядюшка обсуживаемаго нами теперь поэта (въ примѣчаніи прибавлено: „Незнакомецъ, вѣроятно, разумѣлъ прекрасную басню В. Л. Пушкина, въ коей Аполлонъ вершитъ судъ свой надъ однимъ пятнадцатилѣтнимъ поэтомъ"), былъ бы, по всѣмъ признакамъ, геній".

Упомянутая здѣсь эпиграмма В. Пушкина напечатана еще въ 1798 г., въ 3-й кн. „Аонидъ", стр. 248:

Подражаніе французскому.

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
Прислалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ „розо-желтый" облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и, наконецъ, спросилъ,
Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
И оды громкія давно ли сочиняетъ?
„Ему пятнадцать лѣтъ", Эрата отвѣчаетъ.
— Пятнадцать только лѣтъ? — „Не болѣе того".
— Такъ розгами его!

„Семинаристъ" — Надеждинъ; „лакейская" диссертація — его разсужденіе, на латинскомъ яз., о романтической поэзіи, написанное въ угоду классикамъ и въ частности — Каченовскому; ее читаетъ Горацій потому, что Н. любилъ часто цитировать его стихи.

2. Притча. Соврем. 1836, т. III. Въ черновой Моск. Муз. № 2382, л. 105 об., озаглавлено: „Сапожникъ". Проф. Сумцовъ (Изслѣд., 258) указываетъ, что анекдотъ о сапожникѣ находится въ

„Естеств. Исторіи“ Плинія кн. XXXV, 36, 22, гдѣ приведена и пословица: „Ne sutor ultra crepidam“.

Въ Литер. Газ. 1830, № 33, напечатана слѣдующая эпиграмма Баратынскаго, по характеру одинаковая съ пушкинской и, вѣроятно, побудившая Пушкина пріостановиться напечатаніемъ „Сапожника“:

Писачка въ Фебовъ дворъ явился.
„Довольно глупъ онъ“, Фебъ шепнулъ;
„Но самоучкой онъ учился, —
„Пускай присядетъ; дайте стулъ!“
И сѣлъ онъ чванно. Нектаръ носятъ,
Его, какъ прочихъ, кушать просятъ, —
И нахлебался тотчасъ онъ,
И загорланилъ. Но раздался
Тутъ Фебовъ голосъ: „Какъ? Зазнался?
„Эй! Надоумко вывесть вонъ!“

3. Надѣясь на мое презрѣнье... Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 358, по рукописи Моск. Муз. № 2382, л. 102 об., гдѣ записано подъ заглавіемъ: „Эпиграмма“. Повтореніе обвиненія Надеждина въ „лакействѣ“ передъ „сѣдымъ зоиломъ“ — Каченовскимъ. См. соч. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, т. I (Спб. 1900), стр. 402 - 404.

XXIV. Передъ бюстомъ (стр. 115). Анн., Мат., 215.

Объ этомъ бюстѣ, нынѣ украшающемъ одну изъ залъ Имп. Публ. Библ., см. Бартенева, Пушк., I, 201 Бюстъ изваянъ Торвальдсеномъ въ 1818 г., во время открытія перваго Варшавскаго сейма, (когда въ Россіи пользовался уже полною силою Аракчеевъ): прекрасный лобъ съ морщиною, а на устахъ привѣтливая екатерининская улыбка.

XXV. Къ ** (стр. 116). Сѣв. Цвѣты 1830, стр. 125, съ подписью: *А. П.* — Изд. 1832. Рук. Моск. Муз. № 2382, л. 14 об., — безъ помѣты: „На кавказскихъ водахъ", сообщенной Анненковымъ II, 500.

Графъ Эммануилъ Карловичъ Сенъ-При, старшій сынъ подольскаго (впослѣдствіи — херсонскаго) губернатора, гр. Карла Францовича, отъ брака съ княжной Софьей Алексѣевной Голицыной, родился и получилъ воспитаніе въ Россіи. Онъ славился въ большомъ свѣтѣ своими остроумными карикатурами. Младшій его братъ, Алексѣй, извѣстенъ, какъ дипломатъ и историкъ; ему принадлежитъ переводъ „Недоросля" на франц. яз.,—„Le Dadais ou l'Enfant gâté", помѣщенный въ XVIII выпускѣ „Chefs d'oeuvre des théatres étrangers", Paris 1823. См. Соч. кн. П. А. Вяземскаго, VIII, 314 - 316.

XXVI. Поэтъ-игрокъ... (стр. 115). Анн., VII, 100. Рук. Моск. Муз. № 2382, л. 90.

Беверлей — „трагедія мѣщанская въ пяти дѣйствіяхъ, съ франц. языка перевелъ россійской придворной актеръ г. Дмитревской", Спб. 1773 и М. 1787. Эта пьеса, въ которой главное дѣйствующее лицо — игрокъ, еще въ началѣ XIX в. съ большимъ успѣхомъ шла на нашей сценѣ, и имя „Беверлея", надо полагать, сдѣлалось нарицательнымъ.

Стихотвореніе отнесено къ пребыванію П. на кавказскихъ водахъ Анненковымъ; но съ нѣкоторою вѣроятностью можно примѣнить его и къ Великопольскому, автору „Сатиры на игроковъ" въ гораціевскомъ стилѣ, см. выше, стр. 426.

XXVII. Черновые наброски (стр. 116 - 119):

Зорю бьютъ... Анн., Мат., 216; рук. Моск. Муз. № 2382, л. 104 об. — Варіанты:

[1] Мысль далече улетаетъ...
(или:) Духъ и сердце улетаетъ...

оба зачеркнуты. Барабанный бой „зари“ напоминаетъ поэту Царское Село и лицейскіе годы, когда онъ ежедневно слышалъ эти звуки на дворцовой караульнѣ.

Былъ и я среди донцовъ... Анн., Мат., 215. Рук. Моск. Муз. № 2382, л. 103, представляетъ варіанты:

[1] [Часто] [дома] въ тишинѣ

л. 102 об.: На дорогахъ, на войнѣ

Критонъ... Мат., 215; рук. Моск. Муз. № 2382, л. 103.

Зачѣмъ, Елена... Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 348, по рукоп. Моск. Муз. № 2382, л. 17. Первый стихъ сначала былъ:

Зачѣмъ такъ быстро, такъ ревниво...

Во время оное... Тамъ же, стр. 355, по рук. Моск. Муз. № 2382, л. 39 об. — На слѣдующей страницѣ набросаны крайне исчерканныя и неразборчивыя строки, среди которыхъ можно разобрать только четыре стиха:

И вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ
Предъ нами шире становится,
И тише Терекъ злой стремится,
Лучъ солнца ярче засіялъ...

Страшно и скучно... — тамъ же.

Еще одной... Рус. Стар., т. 44, стр. 351, по рукоп. № 2382, л. 27 (не вполнѣ). Изд. Лит. Фонда II, 85.

Переводъ начальныхъ 32-хъ стиховъ „Гимна пенатамъ“ (Hymn to the Penates) Роберта Саути (Southey, 1774 - 1843):

Yet one song more! One high and solemn strain,
Ere, Phoebus! on thy temple's ruined wall
I hang the silent harp: there may its strings
When the rude tempest shakes the aged pile,
Make melancholy music. One song more!

Переводъ П., вообще, довольно близокъ къ подлиннику; но есть и отступленія: самое значительное — въ передачѣ эпитета Юноны „white-armed queen“ (бѣлорукая царица) выраженіемъ: „волоокая“.

И чувствую, душа... Рук. Моск. Муз. № 2382, л. 107. Шляпкинъ, стр. 8, приводитъ это четверостишіе въ нѣсколько иной редакціи:

И чувствую, душа въ сей часъ
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и спокойна...

Полюби меня... Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 358, по рук. Моск. Муз. № 2382, л. 101 об.

Къ 1829 г. относятся (предположительно) еще слѣдующіе стихотворные наброски, найденные и напечатанные Шляпкинымъ, стр. 11, 69 и 70:

1.

То было вскорѣ послѣ боя,
Какъ счастье бросило героя,
И рать побитая кругомъ
Лежала на крови...
И власть, и слава измѣнили,
Какъ ихъ поклонники...

2.

Быть въ сраженіи похвально,
Но кто не смѣлъ въ нашъ храбрый вѣкъ?
Все дерзко, бьется, лжетъ нахально...
Герой! Будь прежде человѣкъ!
Чувствительность бывала въ модѣ
И въ нашей сѣверной природѣ;
Когда горящая картечь
Главу сорветъ у друга съ плечъ,
Плачь, воинъ, не стыдись...

3.

Хотѣлъ я душу освѣжить,
Бывалой жизнію пожить
Въ забвеньи сладкомъ межь друзей
Минувшей юности моей.

* * *

Я ѣхалъ въ дальніе края
Искать не злата, не честей,
Въ пыли, средь копій и мечей...

1830.

I. Отвѣтъ (стр. 120). Литер. Газ. 1830, № 3, стр. 21, съ подписью: Крс. („Сверчокъ“) изд. 1832

Относится къ Екат. Ник. Ушаковой, см. выше стр. 407.

II. Циклопъ (стр. 120). Москвит. 1840, № 10; Анн., Мат., 344. Маскарадъ, на которомъ произнесено это стихотвореніе, подробно описанъ въ отдѣльной брошюркѣ: „Vers chantés et recités, Spb. 1830“. Здѣсь помѣщено 28 стихотвореній, изъ которыхъ три — на рус. языкѣ: Пушкина, Крылова (изображавшаго музу Талію) и неизвѣстнаго („Водолей“); остальныя стихотворенія — на французскомъ яз. См. Рус. Арх. 1866, ст. 1335.

III. Стансы (стр. 121). Лит. Газ. 1830, № 12, стр. 94, п. з.: „Станцы“; изд. 1832.

Отвѣтъ на написанную митр. Филаретомъ передѣлку стихотворенія: „26 мая 1828“, см. выше, стр. 435. По этому поводу кн. Вяземскій писалъ 25 апр. 1830 А. И. Тургеневу: „Ты удивишься стихамъ П. къ Ф.: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или, лучше сказать, палинодировалъ стихи П. о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Елизы Хитровой“ (Ост. Арх., III, 192). Г. С. Чириковъ, въ сборникѣ Бартенева: „Пушкинъ“, I, 118, приводитъ, рядомъ съ другими произвольными передѣлками пушкинскаго текста, и слѣдующій варіантъ заключительнаго четверостишія:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ, —
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Не имѣя подлинной рукописи, нельзя категорически рѣшить, дѣйствительно-ли этотъ варіантъ принадлежитъ Пушкину; но расположеніе риѳмъ (эта — этъ — эта — этъ) и изображеніе митрополита съ „арфой“ скорѣе заставляютъ сильно сомнѣваться въ подлинности стиховъ.

IV. На Булгарина (стр. 122).

I. Не то бѣда... Напечатано самимъ Булгаринымъ въ Сынѣ Отеч. 1830, т. XI, № 17, стр. 303, съ замѣною словъ: „Видокъ Фигляринъ“ именемъ: „Ѳаддей Булгаринъ“ и съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при переписке, печатаемъ оное“. Затѣмъ, къ послѣднему стиху эпиграммы сдѣлано примѣчаніе: „Правда, — бѣда; но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п.?“

Тогда же Б. разсказывалъ, что этотъ № „Сына Отечества“ былъ поднесенъ Бенкендорфомъ государю, который надъ замѣткою Б. собственноручно надписалъ: „Благородное мщеніе!“

Что въ подлинной эпиграммѣ стояло именно „Видокъ Фигляринъ“, а не имя Б., — это видно изъ того, что, во-первыхъ, только въ этой редакціи эпиграмма получаетъ полный смыслъ (см. статью о Видокѣ въ т. VI); во-вторыхъ — изъ оффиціальнаго

объясненія попечителя спб. учебн. округа отъ 11 дек. 1830, напеч. въ ст. М. И. Сухомлинова: „Полемическія статьи П.“ (Истор. Вѣстн. 1884, № 3, стр. 483, и въ книгѣ: „Изслѣдованія и статьи по рус. лит. и просвѣщенію“, Спб. 1889, II, 274) и, въ третьихъ, — изъ письма Дельвига къ П. отъ 8 мая 1830 (Рус. Арх. 1880, II, 507), гдѣ говорится: „Б. поглупѣлъ дотого отъ Видока, что уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню; но подлъ по-прежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока Фиглярина съ своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее правительству какъ пасквиль и просилъ, въ удовлетвореніе свое, позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется, не зная, что эта эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, я подалъ въ высшую цензуру просьбу, чтобы дозволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться предъ Его Величествомъ. Государю, тебя ласкающему, пріятно будетъ найти тебя правымъ“, и пр. Просьба Дельвига не была уважена Бенкендорфомъ.

Прозвище Фиглярина придумано кн. Вяземскимъ и въ первый разъ явилось въ печати въ эпиграммѣ: „Журналистъ Фигляринъ и Истина“, въ Московск. Телегр. 1827, ч. XV, стр. 5; ср. Соч. Вяз., III, 431.

2. Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь... Лит. Газ. 1830, № 55 (18 сент.).

Б., по смерти Грибоѣдова, очень много распространялся о своихъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ нему. Извѣстна надпись на рукописи „Горя отъ ума": „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ".

3. Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ... Напечатано въ „Денницѣ" М. А. Максимовича на 1831 г. Принадлежность этой эпиграммы Пушкину подтверждена самимъ Максимовичемъ. См. замѣтку г. Науменка въ Вѣстн. Евр. 1887, № 5, стр. 408 - 410.

Кромѣ этихъ трехъ эпиграммъ, въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчаются съ именемъ Пушкина еще слѣдующія:

1.

Фигляринъ — вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь:
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ;
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, а писатель,
Ужь русскій, — къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

2.

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я французу дружбѣ,
Любви къ Россіи поляка
И безкорыстью нѣмца въ службѣ.

Относительно первой изъ этихъ приписываемыхъ П. эпиграммъ существуетъ мнѣніе, что въ ней Пушкину принадлежатъ только послѣдніе 4 стиха, остальное же написано Баратынскимъ, котораго слѣдуетъ считать также и авторомъ эпиграммы: „Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ-моралистъ...“

V. Новоселье (стр. 122). „Сиротка“ 1831 стр. 39; изд. 1832.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, принадлежавшій къ царскосельскому гусарскому кругу, съ давнихъ поръ былъ пріятелемъ Пушкина. „Проигравъ въ карты состояніе, доставшееся ему отъ богатой матери, Н. вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ дѣлалъ много добра, помогая бѣднымъ, ссужая нуждающихся деньгами, когда онѣ у него бывали, и не требуя отдачи. Друзьями его были, между прочимъ, кн. Вяземскій, гр. Віельгорскій, а впослѣдствіи — Гоголь. Н. привлекалъ къ себѣ умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, но врожденной природной логикой и здравымъ смысломъ; къ нему всегда обращались за совѣтами при какихъ-либо житейскихъ затрудненіяхъ, и совѣты его всегда приносили пользу. Бывая въ Москвѣ, П. чаще всего останавливался въ домѣ Н., у Стараго Пимена“ (Поливановъ, I, 313). См. Н. Куликова: „Пушкинъ и Нащокинъ“ — въ Рус. Стар. 1880, дек. и 1881,

авг.: Воспомонанія В. А. Нащокиной — въ Нов. Врем. 1898, 30 сент., № 8115 и письма П. въ т. VIII наст. изд.

VI. Къ вельможѣ (стр. 123). Лит. Газ. 1830, № 30, п. з.: „Посланіе къ К. Н. Б. Ю***“; изд. 1832, п. з.: „Къ вельможѣ“. Перепечатано въ Славянинѣ Воейкова, 1830, ч. XIV, стр. 780, съ примѣчаніемъ: „Въ семъ классическомъ посланіи Протей-Пушкинъ являетъ намъ Шолье и Вольтера. Оно напоминаетъ намъ посланіе нашего блестящаго Батюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу“ (т. е., является не болѣе, какъ подражаніемъ).

Рукопись Моск. Муз. № 2367, л. 50 об., даетъ нѣсколько первоначальныхъ, незначительныхъ варіантовъ, которыхъ мы не приводимъ.

[1] Б. В. Никольскій указалъ (Истор. Вѣстн. 1899, т. 77, стр. 208), что стихъ

Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту

заимствованъ у Вольтера (стихотвореніе: „Le Russe à Paris“):

. . . . sur les bords de la Seine,
Comme un scythe curieux voyageant en Athènes.

[2] Въ Лит. Газ. и въ рукописи:

Въ тѣни сапфирныхъ бань...

Въ посланіи упоминаются характерные представители XVIII вѣка: Вольтеръ, „молодая Армида“ — Марія-Антуанета, Дидро, Бомарше, энциклопедисты: баронъ д'Ольбахъ (1781-89, Système de la nature), Морле (Morellet, 1727-1819, авторъ статей преимущественно экономическаго содержанія), аббатъ Галіани (1728-87, Dialogue sur les blés),

итальянскій сатирикъ Касти (1721-1803, авторъ эротическихъ повѣстей и эпоса „Говорящія животныя“). Мимоходомъ П. говоритъ и о двухъ московскихъ красавицахъ того времени, — Александрѣ Вас. Алябьевой (въ замужествѣ — Кирѣева), которую воспѣвалъ Языковъ, и Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, ставшей въ слѣдующемъ году женою Пушкина. Кн. Вяземскій, въ письмѣ къ П. 26 апр. 1830, говоритъ, что онъ сравнивалъ Алябьеву avec une beauté classique, а Гончарову — avce une beauté romantique.

Посланіе относится къ кн. Николаю Борисовичу Юсупову (ум. 15 іюля 1831), о которомъ Пущинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что онъ стоялъ во главѣ тѣхъ, о комъ Грибоѣдовъ сказалъ: „Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!“ Сенаторъ и членъ государственнаго совѣта, кн. Юсуповъ занималъ въ 1830 г. въ Москвѣ должность главноуправляющаго экспедиціею кремлевскихъ зданій и Оружейною Палатою. Написанное въ отвѣтъ на приглашеніе князя побывать въ его подмосковномъ имѣніи, с. Архангельскомъ, это посланіе при своемъ появленіи въ печати вызвало толки и нападки на Пушкина. Въ свѣтѣ считали его недостойнымъ лица, къ которому оно обращено: такъ, напр., С. Д. Полторацкій въ своихъ воспоминаніяхъ (Рус. Стар. 1892, т. 75, стр. 9) говоритъ: „Можно только улыбнуться тому, что съ политическими разсужденіями объ англійскомъ парламентѣ П. обратился къ человѣку, оставившему по себѣ память одного изъ неисправимыхъ представителей временъ Регентства которому въ голову, вѣроятно, никогда не входили этакія отвлеченности“. Въ журналахъ, наоборотъ, обвиняли П. въ низкопоклонствѣ передъ знатными:

„Всѣ журналы“, говоритъ П. въ одной изъ своихъ черновыхъ замѣтокъ, „пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ стихотворца [Пушкина], который (о, верхъ униженія!) въ отвѣтъ на приглашеніе князя** извинялся въ стихахъ, что не можетъ къ нему пріѣхать и обѣщался къ нему пріѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе предано было всенародно проклятію, и съ той поры, говоритъ одинъ журналъ, слава** [Пушкина] упала совершенно!“

Н. А. Полевой, въ прибавленіи къ „Телеграфу“ („Новый Живописецъ общества и литературы“, 1830, № 10) напечаталъ сцену п. з.: „Утро въ кабинетѣ знатнаго барина“, гдѣ, между прочимъ есть слѣдующій разговоръ:

„Подлецовъ. Вотъ листокъ какой-то печатный; кажется, — стихи вашему сіятельству.

Князь (взглянувъ). Какъ? Стихи — мнѣ? А, это — того стихотворца. Что онъ вретъ тамъ?

Подлецовъ. Да что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ, говоритъ, что вы — мудрецъ; умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ; что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше...

Князь. Нѣтъ? Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ. Какъ жаль, что по-русски! Недурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевесть это по-французски и переписать экземпляровъ пять: я пошлю кое-кому; а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходись съ нимъ; вѣдь эти люди забывчивы, ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ“...

По поводу этой статьи „Телеграфа“ въ бумагахъ П. сохранилась слѣдующая замѣтка:

„Возвратясь изъ-подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю**. Въ свѣтѣ оно тотчасъ было замѣчено и . . . *) были мною недовольны. Свѣтскіе люди имѣютъ въ высокой степени этого рода чутье. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лесть итальянскаго аббата и въ статейкѣ, заимствованной у М. (?), заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать. Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы!“

За пропускъ статьи Полевого цензоръ С. Н. Глинка былъ уволенъ отъ должности. Подробный разсказъ его объ этомъ см. въ его Запискахъ, Спб. 1895, стр. 356 - 358. Дядя поэта, Василій Львовичъ, счелъ долгомъ утѣшить племянника и написалъ ему посланіе, напечатанное, однако, только въ 1893 г. (Соч. В. Л. П., подъ ред. В. И. Саитова, стр. 115), гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Посланіе твое къ вельможѣ есть примѣръ,
Что не забытъ тобой затѣйливый Вольтеръ;
Ты остроуміе и вкусъ его имѣешь
И нравиться во всемъ читателю умѣешь.
Пусть бѣсится, ворчитъ московскій Лабомель *), —
Не оставляй свою прелестную свирѣль!
Пустыя критики достоинствъ не умалятъ...

Полевой не ограничился одной этой статейкой, и два года спустя напечаталъ въ „Телеграфѣ“ (1832, VIII, 153) пародію на стихотвореніе П. „Чернь“ (см. выше, стр. 446), оканчивающуюся такими стихами:

*) Пропускъ въ рукописи.
**) Одинъ изъ литературныхъ противниковъ Вольтера.

„Зачѣмъ къ тебѣ, суетъ дитя,
„Вползли, взгнѣздилися пороки, —
„Лжи, лести, низости уроки
„Ты проповѣдуешь, шутя?“
. . . . . .
Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая.
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, бодрственный орелъ,
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.
(Каллашъ, Рус. поэты о П., 56).

А еще годъ спустя, разбирая „Бориса Годунова“ (Моск. Тел. 1833, ч. 49, № 1), Полевой замѣтилъ „Мы увѣрены, что современемъ самъ П. выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: „Загадку“, „Собраніе насѣкомыхъ“, „Дорожныя жалобы“, „Посланіе къ вельможѣ“, — все это недостойно его“.

О толкахъ, вызванныхъ посланіемъ, см. еще въ запискахъ Ксенофонта Полевого, „Истор. Вѣстн.“ 1887, XXIX, 47-49. Итогъ имъ подведенъ Бѣлинскимъ, который въ 1844 г. писалъ о посланіи „Это — полная, дивными красками написанная, картина... XVIII вѣка. Нѣкоторые крикливые глупцы, не понявъ этого стихотворенія, осмѣливались въ своихъ полемическихъ выходкахъ бросить тѣнь на характеръ великаго поэта, думая видѣть лесть тамъ,

гдѣ должно видѣть только въ высшей степени художественное постиженіе и изображеніе цѣлой эпохи въ лицѣ одного изъ замѣчательныхъ ея представителей. Стихи этой пьесы — само совершенство, и вообще вся пьеса — одно изъ лучшихъ созданій П. Поэтъ, съ дивною вѣрностію изобразивъ то время, еще болѣе оттѣняетъ его чрезъ контрастъ съ нашимъ".

VII. Поэту (стр. 126). Сѣв. Цвѣты 1831, стр. 3; изд. 1832. Черновой автографъ, бывшій у Л. Н. Майкова (снимокъ — въ альбомѣ петербургской пушкинской выставки 1899 г.), озаглавленъ: „Сонетъ — Награды"; онъ писанъ чернилами, но исправленъ карандашомъ, какъ въ печатномъ, и представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] Восторговъ и похвалъ...
[2] ..... и черни смѣхъ холодной
[3] Какъ царь, живи одинъ. Ступай стезей
свободной,
Куда тебя влечетъ твой дѣятельный умъ;
Твори, питая жаръ глубокихъ, чистыхъ
думъ...
[4] Всѣхъ лучше...
[5] И ты доволенъ имъ, [божественный] [увѣнчанный] художникъ, —
[Такъ пусть передъ тобой, бѣснуясь, чернь
кричитъ],
[Пускай тогда толпа трудъ генія хулитъ]
Пускай тогда его слѣпая чернь хулитъ
И дуетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
[И дерзкою рукой]
И чтобъ тебя сронить...

Быть можетъ, вызвано журнальными нападками на Посланіе къ вельможѣ.

VIII. Мадонна (стр. 127). „Сиротка“ 1831, стр. 19; перепечатано въ Лит. Газ. 1831, № 15, съ выноской: „Сонетъ сей, по желанію Поэта, перепечатывается здѣсь изъ альманаха Сиротка, въ которомъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкой въ седьмомъ стихѣ: „Одной, чтобъ на меня съ холста иль съ облаковъ...“ Это нарушало смыслъ подлиннаго стиха“. — Изд. 1832 г. внесло поправку во 2-мъ стихѣ: „свою обитель“, вм. „мою“, какъ было въ альманахѣ и Газетѣ.

Автографъ находится въ альбомѣ Ю. Н. Бартенева, нынѣ принадлежащемъ в. кн. Константину Константиновичу, подъ заглавіемъ: „Сонетъ“, съ полною подписью и съ помѣтой: „30 августа 1830, Москва, въ память любезному Юрію Никитичу Бартеневу“. Текстъ альбома, напечатанный въ Рус. Арх. 1863, изд. 2, стт. 862-863, представляетъ слѣдующіе варіанты:

стт. 1, 2: Не множествомъ картинъ безсмертныхъ мастеровъ
Украсить я давно желалъ мою обитель
8: Пречистая и съ ней играющій Спаситель
12: Желанія мои свершилися. Творецъ...

Стихотвореніе относится къ Н. Н. Гончаровой, которая въ это время была уже невѣстой П. и которой онъ писалъ изъ Петербурга 30 іюля 1830:

„Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей". Наталья Николаевна (род. 26 авг. 1812, ум. 26 ноября 1863, см. некрологъ ея въ Иллюстр. Газ. 1863, № 25, стр. 399) познакомилась съ П. еще въ 1828 г., на одномъ балѣ въ Москвѣ; въ 1829 г. П. сдѣлалъ ей предложеніе черезъ Ѳ. И. Толстого и, получивъ отказъ, уѣхалъ въ армію Паскевича. Въ 1830 г. Н. Н. участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила Москва прибывшій туда дворъ, и молва объ ея красотѣ и успѣхахъ скоро дошла до Петербурга. Пушкинъ стремительно уѣхалъ въ Москву, никому не объяснивъ своихъ намѣреній, и въ самый день Пасхи, 6 апрѣля, сдѣлалъ новое предложеніе, которое и было принято. См. Анн., Мат., 270-272, гдѣ приведено письмо С. Л. Пушкина къ сыну по этому поводу. Свадьба произошла 18 февраля 1831 г. — Впослѣдствіи, въ 1844 г., Н. Н. вторично вышла замужъ за командира л.-гв. коннаго полка Петра Петровича Ланского. Біографическія свѣдѣнія о ней — въ Рус. Стар. 1882, № 12, стр. 680-682, и 1883, № 1, стр. 47-76. Тамъ же и два ея портрета.

IX. Сонетъ (стр. 127). Моск. Вѣстн. 1830, № 8, стр. 315, съ ошибкой въ 4-мъ стихѣ: „пѣснь" вм. мысль. — Изд. 1832.

Эпиграфъ къ этому стихотворенію взятъ изъ сонета Уордсворта (1770-1850), главы т. наз. „лэкистовъ" или поэтовъ озерной школы, написавшаго болѣе сотни сонетовъ разнообразнаго содержанія, — религіозныхъ, историческихъ, внушенныхъ

И благосклонною киваетъ головою.
[Когда жь] Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата тяжкая, изгнанье, заточенье,
Толпа .... [искусствъ]
Толпа жестокая [ликуетъ] говоритъ:
Тѣмъ лучше, — наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ; но щастіе поэта
Межь ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
[Когда молчитъ, когда боязненно безмолвно]
[И укрывается] Когда безмолствуетъ и прячется стыдливо.

Стихотвореніе написано въ отвѣтъ на посланіе извѣстнаго въ своё время египтолога Ивана Александровича Гульянова, анонимно присланное Пушкину и напечатанное только послѣ смерти автора — въ Москвит. 1842, ч. II, № 3, стр. 151. Въ этомъ посланіи, написанномъ 15 іюля 1830 г. и вызванномъ вѣстью о предстоящей женитьбѣ Пушкина, выражается увѣренность, что поэтъ и послѣ женитьбы не утратитъ вдохновенія и что, напротивъ, бракъ съ любимой женщиной сдѣлается для него источникомъ „новыхъ откровеній“ — и „снова геній воспаритъ“. См. Каллаша, Рус. поэты о Пушк., стр. 43.

И. А. Гульяновъ (р. 1789, ум. 23 дек. 1841), сынъ бывшаго молдавскаго господаря Маврокордато, жившаго и умершаго въ Москвѣ въ концѣ XVIII в., издалъ „Археографическіе опыты“ и былъ членомъ Россійской Академіи. О немъ см. замѣтку кн. Вяземскаго, въ Соч., I, 216; Телескопъ 1832, ч. IX, 267-270; Анн., Мат., 239-240; Отчеты Ак.

Наукъ по Отд. рус. яз. и слов. за первое десятилѣтіе, сост. Плетневымъ, Спб. 1852, стр. 45-48.

XII. Бѣсы (стр. 129). Сѣв. Цвѣты 1832, стр. 129; изд. 1832. Черновые наброски — въ Моск. Муз. № 2371, л. 83 и № 2382, лл. 101 об. и 102; мѣсто, занимаемое ими въ послѣдней тетради, заставляетъ предполагать, не написано ли стихотвореніе еще въ 1828 г. — Анненковъ пользовался рукописью, нынѣ неизвѣстною, и прочелъ въ ней помѣту, которую въ двухъ мѣстахъ указываетъ двояко: „1830, 7 сентября, Болдино“ (II, 541) и „7 октября“ (на слѣд. страницѣ).

XIII. Элегія: Безумныхъ лѣтъ... (стр. 131). Библ. для Чтенія 1834, т. VI, № 10, стр. 16; изд. 1835.

[1] Въ автографѣ, принадл. Л. Н. Майкову, начало:

Протекшихъ лѣтъ [безумство и] безумное
веселье

[2] Анненковъ приводитъ изъ неизв. намъ рукописи:

Но не хочу еще я, други, умирать:
Я жить хочу, чтобъ мыслить и мечтать.

XIV. Герой (стр. 132). Телескопъ 1831, № 1, безъ подписи. Впервые съ именемъ Пушкина напеч. послѣ его смерти, въ Совр. 1837, № 5, куда было доставлено М. П. Погодинымъ при слѣдующемъ письмѣ къ кн. Вяземскому:

„М. Г. князь П. А. — Посылаю малую лепту Современнику. Думалъ было я написать для печати статейку „Отечество“, но, кажется, надо оста-

вить ее до другого времени. Я готовъ трудиться изъ всѣхъ силъ. Располагайте мною, какъ угодно. Всякій случай показать на дѣлѣ чувства того глубокаго уваженія, кои питалъ я... Повѣрите ли, недѣли двѣ не могъ я придти въ себя послѣ этого ужаснаго происшествія; но что говорить объ этомъ! Кто изъ русскихъ, любящихъ искренно свое отечество, ревнующихъ славѣ его, способныхъ наслаждаться истиной и поэзіей, не чувствовалъ того же? Боже мой, кого мы лишились!

„Вотъ вамъ еще стихотвореніе, которое Пушкинъ прислалъ мнѣ въ 1830 году изъ нижегородской деревни, во время холеры. Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, да и по словамъ вашимъ въ письмѣ къ Д. В. Давыдову, очень кстати перепечатать его теперь въ Современникѣ, или, если I-я книжка уже выходитъ, — въ Литературныхъ Прибавленіяхъ. Въ этомъ стихотвореніи самая тонкая и великая похвала нашему славному Царю. Клеветники увидятъ, какія чувства питалъ къ нему П., не хотѣвшій, однако жь, продираться со льстецами. Если рѣшитесь напечатать, то прибавьте для ясности и исторической достовѣрности:

> „Редакція получила это стихотвореніе отъ такого-то при слѣдующемъ письмѣ: „Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина Герой. Кажется, никто, не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры въ 1830 году, изъ нижегородской своей деревни, и вотъ что написалъ объ немъ: „Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ,

но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанное". — Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопѣ (1831, № 1, безъ подписи) и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго: утѣшься! — 29 сентября 1830, — есть день прибытія государя императора въ Москву, во время холеры" *).

„На слѣдующей недѣлѣ я пришлю вамъ еще нѣсколько вещей. Хорошо было бы, если бы вы объявили въ Современникѣ желаніе, чтобы всѣ, имѣющіе у себя письма П., относились къ вамъ и присылали бы копіи для напечатанія. Надо сохранить всякую его строку. И такъ уже мы растеряли сколько! Вонъ, что дѣлаютъ въ Германіи, — пять лѣтъ не наговорятся о Гете. На васъ, князь, лежитъ еще святая обязанность написать біографію Карамзина. Пушкина вы знали коротко во все продолженіе его поприща. Не откладывайте, спѣшите. Всякій долженъ бы теперь записать, хоть для себя, для памяти, все, что онъ знаетъ о П., всѣ свои наблюденія надъ нимъ, и пр.

„Если вы не рѣшитесь печатать стихотворе ніе, —

*) Съ этимъ примѣчаніемъ стихотвореніе и напечатано въ Современникѣ.

мы отлитографируемъ его здѣсь и приложимъ къ книжечкѣ засѣданія.

„Если бы вы были столько добры, чтобъ написать мнѣ слова два объ его бумагахъ: цѣла ли Русалка, Островскій *), Ганнибалъ, Пророкъ, 8 пѣсенъ Онѣгина? Что Петръ? Мелкіе прозаическіе отрывки, кои готовилъ онъ къ своей газетѣ для образчика? Сдѣлайте милость!

„Примите изъявленіе моего усерднѣйшаго почтенія. Вашъ покорнѣйшій слуга М. Погодинъ". — Марта 11, 1837 **).

Автографъ стихотворенія находится въ Имп. Публ. Б-кѣ и не представляетъ никакихъ отличій отъ напечатаннаго. Ссылка на мемуары Бурьенна сдѣлана самимъ П., но примѣчаніе, на ней основанное, составлено редакціей Современника. Письмо, при которомъ П. послалъ Погодину это стихотвореніе, написано въ ноябрѣ 1830 г. (см. VIII), такъ что, слѣдуя строго-хронологическому порядку, „Герой" долженъ быть помѣщенъ не среди сентябрьскихъ стихотвореній, а позже, въ концѣ года; но мы помѣстили его раньше, чтобы не разбивать помѣтъ.

Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (Моск. Муз. № 2385), между прочимъ, П. говоритъ: „Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 г., во время заразы, принадлежитъ будущему историку".

[1] Стихи:

Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій какъ тѣнь зари —

*) Такъ называетъ Погодинъ Дубровскаго.

**) Письмо напечатано нами впервые по подлиннику — Моск. Муз. № 2395.

представляютъ повтореніе стиха изъ „Отрывка“ 1823 г.:

Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари (ср. I, 346, 654).

XV. Шалость (стр. 134). Посм., IX, 166, п. з.: „Капризъ“ (дано, вѣроятно, Жуковскимъ).

„Мѣстами глинистая, мѣстами черноземная почва Болдина осенью представляетъ непроходимую грязь, Церковь въ селѣ стоитъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ во времена П. господскій домъ, и картину, описанную въ этомъ стихотвореніи, П. могъ дѣйствительно наблюдать изъ окна“ (Поливановъ, I, 331).

XVI. Осень (стр. 135). Посм. IX, 207 и Анн., II, 517. Черновое — въ Моск. Муз. № 2371, л. 78 об., по занимаемому имъ въ тетради мѣсту, заставляетъ предполагать, что стихотвореніе, можетъ быть, написано не въ 1830, а въ 1828 г. (рядомъ съ нимъ — наброски изъ VII-й гл. Онѣгина, тутъ же „Бѣсы“, а дальше — черновая Полтава). Въ указанной рукописи стихотворенію предшествуетъ набросокъ на ту же тему, но размѣромъ Онѣгина:

Ужь осень холодомъ дохнула
На обнаженныя поля,
Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листъ съ вѣтвей; земля
Прохвачена морозомъ...
(ср. Онѣгина IV, 40).

Затѣмъ П. перешелъ къ другому размѣру и началъ стихотвореніе такъ:

Октябрь ужь наступилъ; съ нагихъ своихъ вѣтвей
Послѣдній листъ уже дубрава отряхаетъ;
И вѣтры хладные, предвѣстники дождей...

Эти начальные стихи напоминаютъ „Эклогу“ Ип. Ѳ. Богдановича:

Уже осенніе морозы гонятъ лѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы...
. . . . . .
Холодный дуетъ вѣтръ, зефиръ уже не вѣетъ,
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ и желтѣетъ...

[1] Первоначальный варіантъ:
Нѣжнѣе слабаго пчелинаго напѣва
Звукъ рѣчи, — на лицѣ еще багровый цвѣтъ...

[2] Ср. ниже, стр. 152:
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.

[3] Далѣе зачеркнуто:
Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари, —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

[4] Словъ: „волнуются въ отвагѣ“ въ Посм. нѣтъ.

[5] Ср. позднѣйшій набросокъ къ „Родословной моего героя“:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?

[6] Можно прочесть и такъ:

. . . . . Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? — Кавказъ-ли величавый,
Иль скалы дикія Шотландіи...
Или Швейцаріи ландшафтъ...

Разборъ этого стихотворенія данъ проф. Сумцовымъ, „Изслѣд.“, 72.

XVII. РАЗСТАВАНІЕ (стр. 139). „Альманахъ на 1838 годъ“ Владиславлева, стр. 348, п. з.: „Прощаніе“; Посм., IX, 160. Рукопись, бывшая въ рукахъ Анненкова, теперь неизвѣстно гдѣ находится.

[1] Такъ было въ рукописи; въ альманахѣ:

И ты ужь нынѣ для поэта;

Въ Посм.:

Ужь ты для своего поэта.

[2] Въ альманахѣ (первоначальный варіантъ рукописи):

Предъ заточеніемъ его.

Помѣта двояко указана Анненковымъ и не можетъ быть провѣрена, за неимѣніемъ рукописи. Едва ли не вѣрнѣе предположить, что стихотвореніе написано въ ноябрѣ, по полученіи письма Кюхельбекера отъ 20 октября, гдѣ онъ вспоминаетъ о своемъ по

слѣднемъ свиданіи съ П.: „Помнишь-ли наше свиданіе въ родѣ чрезвычайно романтическомъ, — мою бороду, фризовую шинель, медвѣжью шапку? Какъ ты, черезъ семь съ половиною лѣтъ, могъ узнать меня въ такомъ костюмѣ, — вотъ чего не постигаю!“ (Бартеневъ, Пушк., I, 50). Этимъ воспоминаніемъ объясняются два послѣдніе стиха пьесы.

XVIII. Пажъ (стр. 139). Посм., IX, 136. Помѣта двояко указана Анненковымъ, имѣвшимъ подлинную рукопись, нынѣ неизвѣстную.

XIX. Изъ записки къ пріятелю (стр. 140). Анн., VII, 96.

XX. Моя родословная (стр. 141) Анн., VII, 39 (съ пропусками); Отеч. Зап. 1846, № 4, отд. VI стр. 118 (также); Рус. Стар. 1879, т. 26, стр. 729, и 1880, т. 28, стр. 357 (вполнѣ по автографу); Кіевскія Унив. Извѣстія 1880 (снимокъ съ автографа). — Въ настоящемъ изданіи печатается по кіевскому автографу, помѣченному 16 окт. 1830, а варіанты приводятся по другому автографу, изъ альбома С. Н. Батюшковой (Имп. Публ. Б-ка). Эта послѣдняя рукопись, помѣченная 3 декабря, написана по памяти и является уже смягченною противъ первоначальнаго текста. Эпиграфомъ къ ней взятъ припѣвъ Беранже (изъ пѣсни „Le Vilain“):

Je suis vilain et très vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain, vilain *).

*) Первый куплетъ этой пѣсни Беранже:
Et quoi! J'apprends que l'on critique
Le de qui précède mon nom;

Рукопись эта представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Я не поручикъ, не ассессоръ
[Я не штабъ-лѣкарь, не профессоръ],
[2] [Не польскій графъ, — я мѣщанинъ]
А просто — русскій мѣщанинъ
[3] Родовъ [униженныхъ] дряхлѣющихъ обломокъ,
И [слава Богу], по несчастью, не одинъ
[4] [Я внукъ бояръ], я мѣщанинъ

(Испр.):

Я, братцы, мелкій мѣщанинъ.
[5] Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
Не пѣлъ [на крылосѣ] съ придворными дьячками,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ;
Онъ не былъ пудренымъ солдатомъ
[Парадныхъ] Исправныхъ гатчинскихъ дружинъ, —
Такъ мнѣ-ли быть аристократомъ?
Я, [братцы, просто] мѣщанинъ

(Испр.):

Я, слава Богу, мѣщанинъ.
[6] Мой предокъ Рача...
[7] Иванъ Четвертый не казнилъ
[8] Водились древле мы съ царями,
Былъ въ думѣ съ Мининымъ одинъ,
Изъ насъ иные головами

„Etes-vous de noblesse antique?"
Moi, noble? Oh, vraiment, messieurs, non.
Non, d'aucune chevalerie
Je n'ai le brevet sur vélin,
Je ne sais qu'aimer ma patrie, (bis)
Je suis vilain et très vilain, (bis)
Je suis vilain,
Vilain, vilain.

Легли за Русь, — я мѣщанинъ *).
[9] И бури бранныхъ непогодъ
[10] Но насъ Романовы забыли...
Бывало... но — я мѣщанинъ.
[11] Мятежный духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню жестокъ, неукротимъ
[12] Счастливъ князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ [смиренный] [безспорный] мѣщанинъ.
[13] Въ смятеньи дамскаго двора
[14] Съ тѣхъ поръ утихъ нашъ родъ суровый,
И я — смиренный мѣщанинъ.
[15] Я кипы грамотъ схоронилъ
[16] Я грамотѣй, я стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто, — не Мусинъ,
Я не богачъ, не царедворецъ,
Я самъ большой, я мѣщанинъ.
3 дек.

Поводомъ къ этому стихотворенію послужила направленная противъ П. замѣтка Булгарина въ фельетонѣ Сѣв. Пчелы 1830, № 94 („Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ"), гдѣ было сказано слѣдующее:

„Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, — и всѣ они заговорили о 600-лѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобы это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого они есть); однако жь, это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ открыто, что какой-то поэтъ въ испан-

*) Эти 4 стиха зачеркнуты и исправлены какъ въ печатномъ.

ской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ негритянскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рому! Думали-ли тогда, что къ этому негру признается стихотворецъ? Vanitas vanitatum!"

П., какъ извѣстно, очень дорожилъ своими семейными преданіями и собиралъ матеріалы для родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, изъ которой успѣлъ обработать только небольшой отрывокъ. „Говоря въ пользу аристократіи", замѣчаетъ онъ, „я не корчу англійскаго лорда... но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ... Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка...; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи". — „Древнее русское дворянство", читаемъ въ другомъ мѣстѣ, — „упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго сословія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники... Хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности и имена предковъ моихъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то вѣроятно, насмѣшилъ

бы многихъ. Прошедшее для насъ не существуетъ... Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности..." Ср. сходныя по мысли строфы въ „Родословной моего героя" (наст. изд. т. III).

По поводу выходки Булгарина въ черновыхъ бумагахъ П. сохранилась слѣдующая замѣтка:

„Въ одной газетѣ (почти оффиціальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц. Селѣ гр. Ѳ. Гр. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево; но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій гражданинъ произноситъ съ уваженіемъ и не всуе *). Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ".

Въ написанной для Литер. Газ. статьѣ „О выходкахъ противъ литературной аристократіи" (см.

*) Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими — Орловъ и Румянцовъ, родоначальники историческихъ фамилій. А. П.

т. VI) П. говоритъ: „Пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина — непохвально, и не дорожить своими правами и преимуществами — глупо".

Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: „П. по документамъ Остафьевскаго Архива", Спб. 1880, стр. 40, разсказываетъ, какъ П., гостившій зимой 1830-31 гг. въ Остафьевѣ, „во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ, и, потирая руки, декламировалъ, сильно напирая на: „Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ", „Я просто русскій мѣщанинъ". Распространеніе этихъ стиховъ, прибавляетъ князь, не смотря на увѣщанія моего отца, несомнѣнно вооружило противъ П. много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него, при кончинѣ, цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ..."

Анненковъ (Мат., 245) приводитъ (анонимно) собственноручную отмѣтку императора Николая на сообщенномъ ему спискѣ „Моей Родословной". Отмѣтка эта, въ подлинникѣ писанная по-французски, въ переводѣ Анненкова читается: „Всякая брань безчеститъ того, кто произноситъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея — презрѣніе. Въ сатирахъ П. можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно — для чести его разсудка, лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности". Ср. Шляпкина, 132.

„Моя Родословная" полна намековъ на разныя историческія личности XVIII и XIX вв. Такъ, въ 1-й строфѣ упоминается лейбъ-кучеръ имп. Александра I, Илья Ив. Байковъ, болѣе 20-ти лѣтъ

бы многихъ. Прошедшее для насъ не существуетъ... Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности..." Ср. сходныя по мысли строфы въ „Родословной моего героя" (наст. изд. т. III).

По поводу выходки Булгарина въ черновыхъ бумагахъ П. сохранилась слѣдующая замѣтка:

„Въ одной газетѣ (почти оффиціальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц. Селѣ гр. Ѳ. Гр. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево; но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій гражданинъ произноситъ съ уваженіемъ и не всуе *). Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ".

Въ написанной для Литер. Газ. статьѣ „О выходкахъ противъ литературной аристократіи" (см.

*) Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими — Орловъ и Румянцовъ, родоначальники историческихъ фамилій. А. П.

т. VI) П. говоритъ: „Пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина — непохвально, и не дорожить своими правами и преимуществами — глупо".

Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: „П. по документамъ Остафьевскаго Архива", Спб. 1880, стр. 40, разсказываетъ, какъ П., гостившій зимой 1830-31 гг. въ Остафьевѣ, „во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ, и, потирая руки, декламировалъ, сильно напирая на: „Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ", „Я просто русскій мѣщанинъ". Распространеніе этихъ стиховъ, прибавляетъ князь, не смотря на увѣщанія моего отца, несомнѣнно вооружило противъ П. много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него, при кончинѣ, цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ..."

Анненковъ (Мат., 245) приводитъ (анонимно) собственноручную отмѣтку императора Николая на сообщенномъ ему спискѣ „Моей Родословной". Отмѣтка эта, въ подлинникѣ писанная по-французски, въ переводѣ Анненкова читается: „Всякая брань безчеститъ того, кто произноситъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея — презрѣніе. Въ сатирахъ П. можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно — для чести его разсудка, лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности". Ср. Шляпкина, 132.

„Моя Родословная" полна намековъ на разныя историческія личности XVIII и XIX вв. Такъ, въ 1-й строфѣ упоминается лейбъ-кучеръ имп. Александра I, Илья Ив. Байковъ, болѣе 20-ти лѣтъ

возившій государя въ Россіи и за границей и получившій дворянское достоинство. Въ строфѣ 3-й — кн. Меншиковъ, „торговавшій блинами", кн. Безбородко — „изъ хохловъ", гр. Разумовскій — изъ придворныхъ пѣвчихъ, гр. Кутайсовъ — камердинеръ Павла I. Въ 4-й строфѣ — предокъ Пушкиныхъ Радша или Рача, о которомъ П. говоритъ и въ своей генеалогической замѣткѣ: „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ". Тамъ же читаемъ: „Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ... Гаврило Григорьевичъ П. принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой П. во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло... Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ... При Петрѣ I стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ П. уличенъ былъ въ заговорѣ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Циклеромъ и Соковнинымъ... Левъ Александровичъ П. служилъ въ артиллеріи и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ... Дѣдъ моей матери былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его къ Петру вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами..." О „наваринскомъ Ганнибалѣ" см. выше, стр. 468; о дѣдѣ П., Львѣ Александровичѣ —

въ ст. Лонгинова: „О первыхъ пособникахъ Ек. II", Осьмнадцатый Вѣкъ, III, 343 - 354.

XXI. Стамбулъ гяуры нынче славятъ... (стр. 143). Посм., IX, 212, съ произвольнымъ заглавіемъ: „Начало поэмы". Рук. Моск. Муз. № 2376 В, лл. 3 и 20. Издд. Посм. и Анн. представляютъ варіанты:

[1] Евнухи наши въ нихъ не спятъ.

Въ рукописи послѣ стиха: „Непроницаемы стоятъ" — зачеркнуто:

Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покоренъ Корану умъ,
И потому Пророкъ великій
Хранитъ какъ око свой Арзрумъ.

[2] И буря долу насъ погнула.

[3] Эти стихи почти дословно повторены изъ „Опричника", см. стр. 84.

Это же стихотвореніе П. приводитъ и въ „Путешествіи въ Арзрумъ", приписывая его сочиненіе вымышленному турецкому поэту, янычару Аминъ-оглу. Содержаніемъ его служитъ разсказъ объ истребленіи янычаръ, начатомъ султаномъ Махмудомъ II послѣ ихъ возстанія въ Константинополѣ, 15 іюня 1826 г., и ознаменованномъ особенными жестокостями. Первый стихъ намекаетъ на тѣ похвалы и добрыя пожеланія, которыми западные друзья султана встрѣтили задуманныя имъ реформы, надѣясь найти въ немъ оплотъ противъ Россіи. См. Колласъ, Ист. Турціи, рус. пер. М. 1882, стр. 130; Н. И. Черняевъ, Крит. ст. и зам. о П., Харьк. 1900, стр. 1 - 32.

XXII. Заклинаніе (стр. 145). Посм., IX, 164. По указанію Анненкова, имѣвшаго подлинникъ, теперь неизвѣстный, 2-я строфа въ рукописи была зачеркнута. Въ 3-й строфѣ ст. 2 въ Посм. читается:

[1] Чтобъ укорять людей, чья злоба...

Это стихотвореніе, по своему содержанію, находится въ тѣсной связи съ элегіей: „Для береговъ отчизны дальной..." и стихотвор.: „Разставаніе".

XXIII. Во время безсонницы (стр. 146). Посм., IX, 163; Анн., II, 527. Рук. Моск. Муз., № 2371, л. 95 об., представляетъ варіантъ послѣдняго стиха:

[1] Смысла я въ тебѣ ищу.

Тамъ же, среди исчерканныхъ строкъ, можно еще разобрать:

[Мнѣ ночь отрада]...
[Я проснулся, но лѣниво]...
. . . . . .
Длятся ночи декабря...

XXIV. Въ началѣ жизни... (стр. 146). Посм., IX, 172, вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ: „И далѣ мы пошли...", подъ произвольнымъ заглавіемъ: „Подражанія Данту". Подлинникъ, бывшій у Анненкова, но теперь неизвѣстный, представлялъ слѣдующіе варіанты:

Начало стихотворенія:
Въ началѣ жизни школу помню я:
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много,

Какъ на грядѣ одной — цвѣтовъ семья;
Росли не ровно мы; за нами строго
Смотрѣла нѣкая жена...

[1] На челахъ — лавры, на плечахъ — порфиры...
[И стройно изсѣченныя порфиры]...

Слово: „[бѣлыхъ]“ вставлено нами по догадкѣ, для сохраненія размѣра стиха.

XXV. Пѣсня: Пью за здравіе Мери... (стр. 148). Денница 1831, стр. 90; изд. 1832. Отдаленное подражаніе пѣснѣ англ. поэта Барри Корнуолла, первый стихъ которой взятъ эпиграфомъ. — П. сохранилъ только общій тонъ этой пѣсни, но значительно измѣнилъ содержаніе. Такъ, послѣдній куплетъ въ точномъ переводѣ читается:

„Будь только ты мнѣ вѣрна, Мери, — и я буду вѣренъ тебѣ, и съ закатомъ солнца, когда кончена будетъ моя работа, вѣрь, что я всегда буду съ тобой, Мери“.

Барри Корнуоллъ — псевдонимъ Брайана Уаллера Проктера (1787-1874), автора Dramatic scenes and other poems (1815-19) и English Songs (1832). По словамъ Анненкова (Мат., 303), Пушкинъ „до послѣдняго времени сохранялъ особенное расположеніе къ этому поэту, вѣроятно, — столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и пріемамъ старыхъ драматурговъ Англіи“. Изъ его сочиненій, между прочимъ, заимствованъ „Пиръ во время чумы“. За два дня до своей смерти, П. писалъ о немъ А. О. Ишимовой, рекомендуя для перевода его драматическіе очерки и прибавляя: „Вотъ какъ надобно писать“.

XXVI. Я здѣсь, Инезилья... (стр. 149). Анн., Мат., 302. Подражаніе „Серенадѣ" того же англ. поэта, изъ которой взятъ только одинъ первый стихъ, все же остальное принадлежитъ самому Пушкину.

XXVII. Предъ испанкой благородной... (стр. 149). Посм., IX, 161, съ произвольнымъ заглавіемъ: „Романсъ". Можетъ быть, предназначалось для вставки во 2-ю сцену „Каменнаго Гостя", гдѣ Лаура поетъ романсы.

XXVIII. На переводъ Иліады (стр. 150). „Альціона" 1832 (изд. бар. Розена), стр. 79; изд. 1832. Черновое двустишіе — въ записной книжкѣ П., сохраненной А. А. Краевскимъ (Имп. Публ. Б-ка); здѣсь находится помѣта: „8 N" (ноября), и первый стихъ читается:

Слышу божественный звукъ воскреснувшей
рѣчи эллинской

Такъ же напечатанъ онъ и въ альманахѣ, только съ перестановкой двухъ послѣднихъ словъ: „эллинской рѣчи".

Замѣтка Пушкина „О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича" нап. въ Литер. Газ. 1830, № 2 6 янв.). См. наст. изд. т. VI.

XXIX. Для береговъ отчизны дальной... (стр. 150). „Утренняя Заря" (изд. Владиславлева) на 1841 г., подъ загл.: „Разлука". По свидѣтельству Анненкова, видѣвшаго подлинную рукопись, стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Для береговъ чужбины дальной
Ты покидала край родной.

„Трудно рѣшить", говоритъ Анненковъ (Мат., 189), „которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ". По нашему мнѣнію, обѣ редакціи выражаютъ одно и то же: стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ отъѣздѣ г-жи Ризничъ (см. стр. 393) изъ Одессы въ Италію, — изъ родной поэту, но чужой для нея Россіи въ дальнюю для него чужбину, ея отчизну.

По указанію Анненкова, предпослѣдній стихъ въ рукописи читался:

[1] А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...

XXX. Царскосельская статуя (стр. 151). Вмѣстѣ съ тремя слѣдующими напеч. въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1832, подъ общимъ заглавіемъ: „Аѳологическія эпиграммы". Безъ этого заглавія стихотворенія повторены въ изд. 1832. Въ этомъ стихотвореніи изображается одна изъ фонтанныхъ статуй въ Царскомъ Селѣ.

XXXI. Отрокъ (стр. 151). — Характеристика Ломоносова.

XXXII. Риѳма (стр. 151). — Ср. набросокъ 1828 г. о риѳмѣ, стр. 92.

XXXIII. Трудъ (стр. 152).

XXXIV. Черновые наброски:
Какъ быстро въ полѣ... (стр. 152). Моск-

витянинъ 1841, № 1, подъ заглавіемъ: „Десять неизвѣстныхъ стиховъ Пушкина“ и съ выноской: „Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое П. читалъ мнѣ наизусть въ Петербургѣ въ 1828 г. и которое онъ хотѣлъ назвать, кажется, Осеннее чувство. **М. П.**“ Съ этимъ послѣднимъ заглавіемъ отрывокъ помѣщенъ въ Посм., IX, 141 и въ изд. Анн., II, 516. Безъ всякаго заглавія онъ находится въ рук. Моск. Муз. № 2387 В, л. 6, среди прозаическихъ черновыхъ набросковъ 1830 г.; по этой рукописи онъ и печатается нами. Текстъ прежнихъ изданій представляетъ слѣдующія отличія:

[1] Далѣе — строка точекъ, а за нею — два стиха:

Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый,
Черезъ потокъ оледенѣлый!

и опять строка точекъ.

[2] Послѣднихъ четырехъ стиховъ — нѣтъ.

О муза пламенной сатиры!.. (стр. 152). Анн., VII, 106, съ опечаткой въ 14-мъ стихѣ: „А если же кого забуду“, исправленной въ изд. Лит. Фонда, II, 125.

Медокъ (стр. 153). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 320, по рукописи Моск. Муз. № 2373, л. 1; въ исправленномъ видѣ — въ изд. Лит. Фонда, II, 125. — Madoc — поэма Соути, воспѣвающая легендарнаго уэльскаго моряка, будто бы открывшаго и завоевавшаго Мексику. Она дѣлится на 2 части: I. Madoc in Wales. II. Madoc in Aztlan. Пуш-

кинъ перевелъ очень близко къ подлиннику 26 стиховъ I-й части поэмы:

Fair blows the wind... The vessel drives along.
Her streamers fluttering at their length, her sails
All full... She drives along, and round her prow
Scatters the ocean spray...

Дельвигу (стр. 154). Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 83, по рук. Моск. Муз. № 2376 Б, л. 4; въ исправл. видѣ — въ изд. Лит. Фонда, II, 126. Хотя В. Е. Якушкинъ и отмѣтилъ (l. c.), что „далѣе еще много", однако, въ дѣйствительности слѣдуетъ еще двѣ-три исчерканныхъ строчки, гдѣ съ трудомъ можно прочесть:

И стихъ, надеждой окрыленный...
Твой слогъ могучій и...
Какой-то...

Къ 1830 г. относятся (предположительно) еще слѣдующіе наброски, найденные проф. Шляпкинымъ (стр. 16, 22):

1.

Опять увѣнчаны мы славой,
Опять кичливый врагъ сраженъ,
Рѣшенъ въ Арзрумѣ споръ кровавый
Въ Эдырне миръ провозглашенъ,
И далѣ двинулась Россія,
И Югъ державно приняла
Въ свои объятія тугія,
И пол-Евксина подняла.

2.

Женитьба.

Женись! — На комъ? На Вѣрѣ Чацкой, —
[Бѣдна; на Сѣдлиной]
Стара; на Солиной, — проста;
[На Ржевской, — что за]
На Хальской, — смѣхъ у ней дурацкій;
На Шиповой, — [стара] бѣдна, толста;
На Минской, — слишкомъ томно дышитъ;
На Торбиной, — [посланья] романсы пишетъ;
На Машѣ Ланской, — что за тонъ!
Ужимокъ и гримасъ мильонъ;
На Сицкой, — что за семейство!
У нихъ орѣхи подаютъ,
Да кислы щи въ театрѣ пьютъ;
Мать, отецъ — дуракъ...
Ну, такъ на Ленской? — какъ не такъ!
Приму въ родство себѣ лакейство...

1831.

I. Красавица (стр. 155). Библ. для Чтенія 1834, т. III, № 5, стр. 238; изд. 1835 4-я ч. изд. 1829 г. Копія этого стихотворенія, сдѣланная для Посм. изд., въ рукописи Моск. Муз. № 2393, озаглавлена: „Въ альбомъ Г***", и подъ тремя звѣздочками — рукой, кажется, Жуковскаго, приписано: „рафинъ". Но эта приписка, сдѣланная, видимо, въ устраненіе примѣненія стиховъ къ женѣ поэта, не должна возбуждать сомнѣнія въ томъ, что стихи эти

написаны именно въ альбомъ Натальи Николаевны — и, вѣроятно, незадолго передъ свадьбой, происходившей 18 февраля 1831 г. Разборъ этого стихотворенія, въ связи съ обстоятельствами супружеской жизни П., данъ проф. Сумцовымъ („Изслѣд.", 243-252). Здѣсь, между прочимъ, указано, что въ самый годъ свадьбы П., въ Телескопѣ 1831, VI, 90, появилось стихотвореніе Н. Павлова: „Къ NN", въ которомъ, какъ предполагаютъ, изображена Н. Н. Гончарова. Эпиграфъ изъ Бальзака: „La vanité a un souffle qui dessèche tout" и первые два куплета:

Нѣтъ, ты не поняла поэта,
И не понять тебѣ его;
Зачѣмъ же спрашивать совѣта
Ему у сердца твоего?
Не для небесныхъ вдохновеній,
Не для любви созрѣла ты,
Но для безжизненныхъ волненій,
Но для мертвящей суеты —

какъ будто подтверждаютъ это предположеніе. Стихотвореніе Павлова вызвало отвѣтъ графини Ростопчиной: „Отринутому поэту":

Она не поняла поэта, —
Но онъ зачѣмъ ее избралъ?
Зачѣмъ, безумецъ, въ вихрѣ свѣта
Подруги по сердцу искалъ?
. . . . . .
Онъ сравнивалъ ее съ картиной, —
Онъ правъ: бездушно-весела,
Кумиръ всѣхъ мотыльковъ гостиной,
Она лишь слѣпокъ божества...

Ср. Каллашъ, Рус. поэты о П., стр. 277-280, и Нов. Время 1880, №№ 1529 и 1769.

Пушкину приписываются еще два экспромта, относящіеся къ его невѣстѣ:

1.

Я плѣненъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ огончарованъ.

2.

Съ утра до вечера за нею я стремлюсь
И встрѣчъ нечаянныхъ и жажду, и боюсь.

Первый изъ этихъ экспромптовъ былъ сообщенъ Вл. Алексѣев. Мухановымъ своему брату Николаю въ письмѣ изъ Москвы отъ 1 мая 1830; его же находимъ и въ письмѣ Л. П. Розберга къ В. Г. Теплякову изъ Москвы же, отъ 8 іюня 1830. См. Истор. Вѣстн. 1887, т. XXIX, стр. 19.

II. Эхо (стр. 155). Сѣв. Цвѣты 1832, стр. 50; изд. 1832. Въ прежнихъ изданіяхъ печаталось съ помѣтой: „Изъ Томаса Мура"; въ дѣйствительности стихотвореніе Мура „Эхо", кромѣ заглавія, не имѣетъ ничего общаго съ пушкинскимъ. Ср. замѣтку И. Х.: „За Пушкина" въ Рус. Арх. 1888, II, 500, и Сумцова Изслѣд., 40.

III. Къ тѣни полководца (стр. 156). Соврем. 1836, т. 4 и Посм. IX, 475 — первыя три строфы; остальныя двѣ — у Анн., VII, 44. Посвящено воспоминанію о Мих. Иллар. Кутузовѣ, кн. Смоленскомъ, могила котораго находится въ Казанскомъ соборѣ.

IV. Клеветникамъ Россіи (стр. 157). Напечатано вмѣстѣ съ „Бородинской годовщиной“ Пушкина и „Русской славой“ Жуковскаго въ особой брошюрѣ, п. з.: „На взятіе Варшавы“. Автографъ, бывшій у Л. Н. Майкова (снимокъ — въ альб. петерб. пушк. выст. 1899 г.), представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] [Какой] анаѳемой . . .
[2] Давно, давно между собою
[3] Враждуютъ [наши] племена
[4] . . . . . иль твердый россъ?
[5] [Славянъ] кровавыя скрижали
[6] [Лишь суетно] прельщаетъ васъ
[7] . . . . . гордой воли
[8] [Что] нашей кровью искупили
Европѣ волность, честь и миръ.
[9] [И вы грозите намъ!]

И намъ они грозятъ!... Что жь это, въ самомъ дѣлѣ?
Иль старый [праздный] исполинъ, простертый на постелѣ,
Не въ силахъ [ужь поднять] свой измаильскій штыкъ?
Иль слово царское для насъ уже не внятно?
Иль спорить ново намъ, а биться — непріятно?
Иль русскій отъ побѣдъ и свѣтлыхъ ранъ отвыкъ?
Иль мало [встанетъ] насъ? Отъ Перми до Тавриды...
[10] [Полки стальные порождая],
[Столпится] [воспрянетъ] русская земля!
[11] [Кипящей Франціи] воинственныхъ сыновъ
[12] Среди знакомыхъ имъ гробовъ.

„Польское возстаніе и мѣры, принятыя противъ него русскимъ правительствомъ, вызвали цѣлую бурю во французской политической журналистикѣ и на трибунѣ. Всевозможныя обвиненія сыпались тамъ противъ русскаго народа и правительства. Эта ненависть сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. Передавались слухи о возможносги большой европейской войны, которая должна измѣнить всѣ благопріятные Россіи трактаты“ (Поливановъ, I, 361). Наряду съ рѣзкими рѣчами парламентскихъ ораторовъ, сильное впечатлѣніе производили страстныя стихотворенія популярнаго пѣвца Беранже: „Hâtons-nous“ (февр. 1831) и „Poniatowski“ (іюль 1831); въ первомъ изъ нихъ, напр., говорилось:

Si j'étais un jour, un seul jour,
Le Dieu que la Pologne implore,
Sous ma justice, avant l'aurore,
Le czar pâlirait dans sa cour *).

Отвѣтомъ на эти рѣчи и стихи и было стихотвореніе П., въ которомъ поэтъ повторилъ нѣкоторыя мысли и даже отдѣльныя выраженія стараго чернового посланія „Графу О***“, написаннаго еще въ 1824 г. (см. т. I, стр. 684). Впечатлѣніе, вызванное „Клеветниками“ было неодинаково. Графъ Хвостовъ отвѣтилъ на нихъ своимъ стихотвореніемъ,ославъ его Пушкину 24 окт. при письмѣ, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобы знаменитая лира поэта предпочтительно воспѣвала богатырей русскихъ давняго и послѣдняго времени (Шляпкинъ, 153); гр. С. С. Уваровъ перевелъ сти-

*) Ср. Шляпкина, 160.

хотвореніе П. на французскій яз. и написалъ автору письмо, въ которомъ говорилъ: „Инвалидъ, давно забывшій путь къ Парнассу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами вашими' попробовалъ на дѣлѣ сдѣлать имъ подражаніе на франц. языкѣ. Онъ не скрывалъ отъ себя всю опасность борьбы съ вами, но, вами вдохновенный, хотѣлъ еще разъ, вѣроятно, — въ послѣдній, завинтить свой европейскій штыкъ. Примите благосклонно сей опытъ и сообщите оный В. А. Жуковскому" (Рус. Стар. 1999, т. 98, стр. 266; см. письмо П. къ Уварову отъ 21 окт. 1831). Другой переводъ былъ сдѣланъ въ 1836 г. кн. Ник. Бор. Голицынымъ *) и напеч. въ Спб. 1839, п. з.: „Aux détracteurs de la Russie". П. Я. Чаадаевъ, въ письмѣ къ П. отозвался объ его стихотвореніи съ похвалою, но прибавилъ: „Однако, не всѣ раздѣляютъ мое мнѣніе" (Бартеневъ, Пушк., I, 156). Въ книгѣ Кенига: „Очерки рус. литературы", Спб. 1862, стр. 109-110, говорится, что эти стихи „повредили Пушкину въ общественномъ мнѣніи частью своимъ содержаніемъ, а еще болѣе — рѣщительной перемѣной въ образѣ мыслей". Кн. П. А. Вяземскій очень рѣзко отозвался о „Клеветникахъ" и „Годовщинѣ", называя ихъ шинельными стихами, т. е. лакейскимъ подношеніемъ, которыхъ П. долженъ былъ бы стыдиться. См. его Соч., IX, 155-159.

V. Бородинская годовщина (стр. 158). Л. И. Поливановъ (I, 364-366) приводитъ изъ рукописи слѣдующіе первоначальные варіанты:

*) Ветеранъ 1812 года, меломанъ и писатель, переводчикъ „Чернеца" Козлова и др., р. 1794, ум. 1866. Письмо къ нему П. см. въ т. VIII.

Строфа 4, ст. 1: Кто уступилъ, тотъ невредимъ
4, „ 8: Не узрятъ хладнаго лица
5, „ 6: Больной, измученный колоссъ
6, „ 10: Святыни всѣхъ своихъ градовъ
7, 1: Вашъ буйный шумъ...
9, 3: И встрепетала тѣнь его.

Въ строфѣ 8-й говорится о гр. Ив. Ѳед. Паскевичѣ-Эриванскомъ, который за взятіе Варшавы получилъ имя свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго и до самой своей смерти (1856) оставался намѣстникомъ Царства Польскаго.

Въ строфѣ 9-й упомянутъ Суворовъ, также нѣкогда взявшій Варшаву, и его внукъ, кн. Ал. Арк., посланный Паскевичемъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о взятіи Варшавы въ годовщину Бородинскаго сраженія, 26 авг. 1831 г. См. въ т. VI замѣтку изъ записной книжки П. подъ 4 сентября и въ т. VIII — письмо къ А. О. Смирновой. Послѣдняя въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „Пріѣхалъ Суворовъ съ извѣстіями (4 сент.); мы обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ фрейлинскимъ столомъ Изъ Александровскаго дворца прибѣжалъ лакей и объявилъ радостную и страшную вѣсть. У всѣхъ были родные и знакомые; у меня — два брата на штурмѣ... Мы всѣ бросились въ Александровскій дворецъ, какъ были, безъ шляпъ и зонтиковъ, и проходя мимо Китаева дома (гдѣ квартировали въ Ц. Селѣ Пушкины), я не подумала объявить объ этомъ Пушкину. Что было во дворцѣ, въ самомъ кабинетѣ императрицы, я не берусь описывать. Государь самъ сидѣлъ у ея стола, разбиралъ письма,

писанныя наскоро, иныя незапечатанныя, раздавалъ ихъ по рукамъ и отсылалъ по назначенію. Графиня Ламбертъ, которая жила въ д. Олениной, противъ Пушкина, и всегда дичилась его, узнавъ, что Варшава взята, увѣдомила его объ этомъ тогда такъ нетерпѣливо ожидавшемся происшествіи. Когда П. напечаталъ свои извѣстные стихи на Польшу, онъ мнѣ прислалъ экземпляръ и написалъ карандашемъ: „Графиня Ламбертъ первая извѣстила меня о взятіи Варшавы; справедливость требуетъ, чтобы она получила первый экземпляръ. Второй — для васъ.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня...

Когда придумаю два остальные стиха, то пришлю ихъ вамъ".

Графъ Е. Е. Комаровскій разсказывалъ, что въ это время встрѣтилъ онъ П. на прогулкѣ, задумчиваго и тревожнаго. „Отчего не веселы, А. С.?" — Да все газеты читаю. — „Что жь такое?" — Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году? (Рус. Арх. 1879, I, 385).

„Бородинская годовщина" написана подъ вліяніемъ аналогичной оды Державина: „На взятіе Варшавы" (1794). П., конечно, очень хорошо зналъ эту оду, которая за два года до выпуска его изъ Лицея была перепечатана въ „Амфіонѣ" (1815, іюль), съ разборомъ Мерзлякова. Вліяніе Д. сказывается и въ общемъ тонѣ, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, напр. „россъ", „славяновъ" (форма, идущая отъ Ломоносова и принятая Державинымъ въ „Памятни-

кѣ“) и проч. Послѣдняя строфа напоминаетъ стихи Д.:

Герои росски всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ, и пр.

VI. 19 октября 1831 (стр. 161). Посм., IX, 157. Подлинникъ — въ Моск. Муз. № 2377 А, написанъ на полу-листѣ, сложенномъ въ 4-ку, съ помѣтой: „19 окт. 1831“ и подписью: **А. П.** Въ печатный текстъ введены двѣ поправки, — вѣроятно, Жуковскаго:

[1] И всѣхъ мы братски поминали
[2] Пировъ и чистыхъ помышленій.

Кромѣ того, въ рукописи стихотвореніе имѣетъ еще заключительную строфу:

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончилъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ —
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять,
И новыхъ жертвъ ужь не страшиться.

Годъ написанія этого стихотворенія, не смотря на помѣту въ собственноручномъ подлинникѣ, вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе. Дѣло въ томъ, что въ сохранившемся протоколѣ празднованія лицейской годовщины 1331 г. сказано: „Пушкинъ не былъ

потому только, что не нашелъ квартиры", и товарищи при заздравномъ кубкѣ вспоминали пѣвца 19 октября (Гротъ, Пушк., 83). Съ другой стороны, бывшій директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ писалъ Ѳ. Ѳ. Матюшкину 23 октября 1832 г., что 19 октября 1832 „была сходка годовая, нелюдная: Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевенъ, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ, — итого восемь человѣкъ. Собраніе было у Илличевскаго, на квартирѣ женатаго брата его. Поминали старину, поминали отсутствующихъ, умершихъ; и тѣхъ, и другихъ много. Спасибо остающимся, что держатся старины. Пушкинъ сговорилъ довольно милые стихи, которые надѣюсь получить и прислать тебѣ". (См. ст. Д. Ѳ. Кобеко: „Е. А. Энгельгардтъ" — въ „Вѣстн. всемірн. исторіи" 1899, дек., № 1, стр. 101; выдержка изъ письма провѣрена нами по подлиннику). Выходитъ, такимъ образомъ, что или П. написалъ стихотвореніе не въ 1831, а въ 1832 г., или, приготовивъ его въ 1831 г. и не попавъ, по случайной причинѣ, на лицейскую сходку, сохранилъ листокъ у себя до слѣдующаго года, когда представился случай прочитать его товарищамъ. Въ виду помѣты, должно быть принято второе предположеніе.

VII. Отрывокъ: Когда въ объятія мои... (стр. 163). Анн., VII, 43. Въ настоящемъ изданіи исправлено по рукописи Моск. Муз. № 2372, л. 66, гдѣ находятся и слѣдующіе первоначальные варіанты:

[1] [Въ пугливой] памяти храня
[2] [И сладострастныя свиданья]

[3] Прибавлено и зачеркнуто:

[Ихъ слезы, ихъ притворный гнѣвъ]

За послѣднимъ стихомъ слѣдуетъ еще нѣсколько перечеркнутыхъ строкъ, гдѣ можно прочесть:

[Повѣрь, безумныя] забавы
Души не трогаютъ моей,
И суета безумной славы —
Я полюбилъ . . . . . .
И . . . . . .
Не упрекай меня, другъ нѣжный...

Къ 1831 г., по всей вѣроятности, относится и исчерканный набросокъ, изъ котораго проф. Шляпкинъ (стр. 28 - 30) возстановляетъ слѣдующіе стихи:

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ,
Ты міра таинство, ты правды ликъ увидѣлъ,
И нѣжно [жарко] чуждые народы возлюбилъ.
И мудро свой [народъ] возненавидѣлъ.
Когда безмолвная Варшава поднялась
И польскимъ буйствомъ опьянѣла,
И наша кровь потокомъ полилась
При кликѣ: „Польша не сгинѣла!“ —
Когда . . . . . злобясь,
Пестро парижскій пустомеля
Ревѣлъ на каѳедрѣ, — . . . . . [удалясь]
Здоровье пилъ ты Лелевеля.
Ты руки потиралъ отъ нашихъ неудачъ,
Кусая губы, слушалъ вѣсти *)

---

*) Или: „Съ лукавымъ смѣхомъ слушалъ вѣсти.

Когда . . . . . бѣжали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.
. . . . . Варшавы бунтъ. . . .
. . . . . въ дымѣ
Поникнулъ ты и горько возрыдалъ,
Какъ жидъ о Іерусалимѣ.

Проф. Шляпкинъ склоненъ примѣнять эти стихи къ Сенковскому; но слова: „Ты мудро возненавидѣлъ свой народъ", по смыслу обращенія, едва ли могутъ быть отнесены къ польскому народу; вѣрнѣе разумѣть здѣсь русскій народъ. Въ такомъ случаѣ, и стихотвореніе обращено къ русскому же человѣку — „полонофилу", слѣд. не къ Сенковскому, съ которымъ, къ тому же, П. разошелся гораздо позже, — только въ послѣдній годъ своей жизни.

1832.

I. Нѣтъ, я не дорожу... (стр. 164). Библ. Записки 1858, ст. 203. Рукопись неизвѣстна.

II. Въ альбомъ А. О. Россетти (стр. 164). Посм., IX, 132, п. з.: „Въ альбомъ"; Отеч. Зап. 1840, № 10. Черновое — въ записной книжкѣ, въ бумагахъ Краевскаго (Имп. Публ. Б-ка) набросано въ такомъ видѣ:

Однако жь надъ толпою вздорной
Трунила я отмѣнно зло,
И шутки злости самой черной,
Среди успѣховъ жизни модной,
Писала прямо набѣло.

[Успѣхи жизни . . . . . вздорной
Мнѣ надоѣли, всѣмъ на зло,
Среди толпы . . . . . покорной
Моихъ поклонниковъ....]

Объ Александрѣ Осиповнѣ Россетти см. выше, стр. 430.

III. Начало повѣсти (стр. 165). Анн., VII, 45.

IV. Альфонсъ (стр. 166). Посм., IX, 205. Подлинная рукопись, напеч. г. Кубасовымъ въ Рус. Стар. 1900, т. 101, стр. 309-315, представляетъ слѣдующіе варіанты:

[1] Постель мягка...
[2] *А* къ стойлу...
[3] Но онъ, нахмурясь: „Неприлично
„Бояться мнѣ чего-нибудь;
„Мнѣ путешествовать привычно
„И днемъ, и ночью, — былъ бы путь.
[4] [„И ѣду я] „Я — офицеръ....
[5] И дичь, и глушь. Дорога въ горы
Идетъ ущеліемъ глухимъ
[Идетъ дорога прямо въ горы]
[Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ]
[6] *И* выѣзжаетъ онъ въ долину,
[7] *И* видитъ страшную [скверную] картину
[8] Высокій въ сторонѣ глаголь
[9] Лишь близко къ нимъ подъѣхалъ онъ
(Далѣе — зачеркнуто:)
Альфонсъ взглянулъ, *)—сквозь сумракъ ночи

*) И при лунѣ, сквозь сумракъ ночи...

Еще страшнѣй ихъ страшный видъ:
Языкъ наружѣ, лѣзутъ очи
Вонъ изо лба... Храпитъ, дрожитъ
Альфонсовъ конь, — и, пятясь, бокомъ
Проѣхалъ мимо, и потомъ
Понесся [въ горы] далѣ рѣзвымъ скокомъ,
Съ своимъ отважнымъ сѣдокомъ.
Разбитой шайки атамановъ

Вслѣдъ за послѣднимъ стихомъ приписано четыре, ранѣе зачеркнутыхъ:

Альфонсовъ конь всхрапѣлъ, и бокомъ
Прошелъ ихъ мимо, и потомъ
Понесся рѣзво, легкимъ скокомъ
Съ своимъ безстрашнымъ сѣдокомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ черта и еще одинъ стихъ, зачеркнутый:

[И донъ-Альфонсъ далече скачетъ]...

V. И далѣ мы пошли... (стр. 167). Посм. IX, 175. Рукопись была извѣстна Анненкову (Мат., 300), который по поводу этого стихотворенія говоритъ: „Для простой шутки, какую предполагалъ онъ написать, П. избралъ форму дантовскаго разсказа — и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи. Всякій согласится, что печеный ростовщикъ, лопающійся на огнѣ и испускающій сѣрный запахъ, уже не имѣетъ признаковъ пародіи: онъ ярко освѣщенъ лучами поэзіи. Немного яснѣе выражается она въ женѣ съ ея сестрой, выведенныхъ на страшную казнь даже безъ

поясненія ихъ преступленій; но здѣсь опять удивительное описаніе казни ихъ отводитъ глаза и устраняетъ всякое подозрѣніе о первомъ поводѣ стихотворенія. Со всѣмъ тѣмъ, рукопись свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирическою мыслью, чѣмъ какой-либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе и, вмѣсто насмѣшки, произвела картину превосходную, исполненную величія и ужаса".

VI. Въ альбомъ (стр. 169). Посм., IX, 473; Отеч. Зап. 1841, № 1.

VII. Княжнѣ Абамелекъ (стр. 169). Посм., IX, 137; Отеч. Зап. 1841, № 1. — Княжна Анна Давыдовна Абамелекъ вышла впослѣдствіи за Ираклія Абрамовича Баратынскаго, брата поэта (ум. 1859). Ей принадлежатъ двѣ книжки стихотвореній: англійская — „Translations from russian and german poets, by a russian lady", Baden-Baden 1875-78 (здѣсь переведено 18 стихотвореній Пушкина) и русская — „Переводы нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ стихотвореній", Бад.-Баденъ 1876-77. Она скончалась въ Спб., 13 февр. 1889. См. ст. И. П. Хрущова: „Одна изъ воспѣтыхъ Пушкинымъ", Южн. Край 1899, № 6311, и Харьк. Унив. Сборн. въ пам. Пушкина, Харьк. 1900, стр. V-X.

VIII. Въ альбомъ (стр. 169). Анн., VII, 97.

IX. Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я... (стр. 170). „Альманахъ на 1838 годъ", изд. Владиславлева, стр. 318; Анн., III, 19. Во всѣхъ изданіяхъ стихъ

10-й замѣнялся точками; онъ возстановленъ Л. Н. Майковымъ, Мат., 273, по сообщенію П. А. Ефремова. Другая редакція этого стиха дана И. А. Шляпкинымъ:

[1] Любуясь дѣвою въ печальномъ сладострастьѣ.

По указанію Майкова, стихотвореніе относится къ графинѣ Натальѣ Львовнѣ Сологубъ.

1833.

I. ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ (стр. 171). Библ. для Чтенія 1834, т. 5, стр. 20, съ помѣтой: 1832; къ 1833 г. отнесено Анненковымъ, согласно видѣнной имъ рукописи. Намъ извѣстенъ только снимокъ съ автографа 2-го подражанія, — въ альбомѣ Спб. пушк. выставки 1899 г.

Первое изъ этихъ подражаній представляетъ эпитафію, заимствованную изъ сборника, составленнаго въ III в. по Р. Х. грамматикомъ и софистомъ Атенеемъ п. з. Δειπνοσοφισταί. Пушкину этотъ сборникъ былъ извѣстенъ во франц. переводѣ: „Banquet des savants, par Athénée. Traduit par M. Lefebure de Villebrune". Paris 1789. Эпитафія, приписанная Атенеемъ поэту Гедилу, въ подлинникѣ состоитъ изъ 10-ти стиховъ; П. не перевелъ ея съ франц. перевода, а воспроизвелъ ея смыслъ въ сжатой, поэтической формѣ. Вотъ, для сравненія, точный переводъ:

„Подъ этимъ памятникомъ лежитъ флейта Θеонъ,

который очаровывалъ даже мимовъ въ орхестрахъ. Скирпалъ породилъ его, уже потерявъ зрѣніе отъ старости. Онъ велѣлъ представить себѣ это дитя, празднуя день рожденія мальчика, который имѣлъ столь искусную руку, и далъ ему это имя (Θеонъ), чтобы тѣмъ указать, какова будетъ сладость его звуковъ. Θеонъ прославлялъ на своей флейтѣ игры музъ, одушевленныя влагою Вакха. Что я говорю? Среди кратеровъ чистаго вина онъ славилъ Ваттала, этого пріятнаго бражника, этого забавника Ваттала, этого красавца Ваттала. Скажите же, проходя мимо, флейтисту Θеону: здравствуй, Θеонъ!"

Второе подражаніе заимствовано изъ Ксенофана Колофонскаго, поэта-философа, жившаго въ VI в. до Р. Х. Оригиналъ Пушкина неизвѣстенъ; сравненіе съ греческимъ подлинникомъ приводитъ къ заключенію, что П., такъ же, какъ и въ предыдущемъ стихотвореніи, сжато передалъ сущность греческаго отрывка, усиливъ его поэтическое достоинство и изобразительность (Ср. Поливанова, I, 374).

Третье подражаніе заимствовано у Іона Хіосскаго, поэта V в. до Р. Х. Оригиналъ Пушкина также неизвѣстенъ; подлинникъ, въ точномъ переводѣ, читается:

„О неукротимое волоокое дитя, юноша — не юноша, пріятнѣйшій служитель шумной любви, вино, возбуждающее душу, владыка людей!"

Двустишіе П. впервые напеч. у Анн., III, 24.

II. Олениной (стр. 172). Анн., VII, 46; Совр. 1857, № 1. Черновое въ рукоп. Моск. Муз. № 2375, л. 35 об., гдѣ первый стихъ читается:

Когда бъ не ропотъ, не [волненье]...

III. Гусаръ (стр. 172). Библ. для Чт. 1834, т. I, стр. 13; изд. 1885.

Содержаніе взято изъ малорусской демонологической сказки, которую П. могъ слышать въ пору своего пребыванія на югѣ Россіи. Параллельные сказочные варіанты приведены проф. Сумцовымъ, Изслѣд., 272-276.

IV. Сватъ Иванъ... (стр. 176). Анн., Мат., 148. Въ рукоп. Моск. Муз. № 2374, лл. 15 об. и 16, къ стихотворенію приложенъ рисунокъ, изображающій пьянаго мужика, сидящаго за столомъ съ полуштофомъ и стаканомъ.

Около этого же времени, 26 марта 1833, П., вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ, написалъ шуточное посланіе Жуковскому, со стихами, начинающимися такъ:

Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо
Трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ...

Въ этомъ посланіи Пушкинымъ написаны стихи, предлагающіе помянуть:

„Г. Шафонскаго,
Карманный грошъ князя Григорія Волконскаго,
И ужь Александра Македонскаго, —
Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... Покойника Винцингероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню вице-канцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде,
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.
Ужь какъ ты хочешь, надо помянуть

Графа, нашего пріятеля, Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго),
А по-нашему Велеурскаго;
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Василь-Сурскаго.
Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара или исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинетти, славнаго ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта,
Да англичанина Warnt'a.

См. брошюру кн. П. П. Вяземскаго: „П. по документамъ Остаф. архива", Спб. 1880, стр. 59.

V. Воевода (стр. 177). Библ. для Чт. 1834, т. II, стр. 98, съ припиской: „Польская баллада" и съ указаніемъ въ оглавленіи: „изъ М-ча"; въ издд. 1835, Посм. и Анн. — безъ этого указанія. Черновое — въ Моск. Муз. № 2373, л. 29. Передѣлка баллады Мицкевича „Czaty".

VI. Будрысъ (стр. 180). Библ. для Чт. 1834, т. II, стр. 96, съ припиской: „Литовская баллада" и съ указаніемъ въ оглавленіи: „изъ М-ча", отброшеннымъ въ иззд. 1835, Посм. и Анн. По словамъ Анненкова, видѣвшаго рукопись этого стихотворенія (Соч. Пушк., III, 38), имена Будрыса и Паза въ ней были написаны: „Будрышь" и „Пацъ".

Переводъ баллады Мицкевича „Budrys“, напечатанной въ подлинникѣ и въ прозаическомъ русскомъ переводѣ еще въ 1829 г.. въ Сынѣ Отеч., № 27, стр. 113.

VII. Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума... (стр. 181). Посм., IX, 129. Нами печатается по рукописи Моск. Муз. № 2377-А. Въ Посм. 6-й куплетъ поставленъ прежде 5-го и начинается стихомъ:

Силенъ и воленъ былъ бы я...

VIII. Родригъ (стр. 183). Посм. IX, 177. Черновая — Моск. Муз. № 2377 А. Кромѣ того, въ № 2375, лл. 29 об. — 29, находятся еще слѣдующія строфы, съ помѣтой въ скобкахъ: (Родригъ):

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.
Онъ сказалъ мнѣ: „Будь покоенъ, —
„Скоро, скоро удостоенъ
„Будешь царствія небесъ,
„Скоро странствію земному
„Твоему придетъ конецъ;
„Ужь готовитъ ангелъ смерти
„Для тебя святой вѣнецъ...
„Путникъ — ляжешь на ночлегѣ,
„Въ пристань, плаватель, войдешь,
„Отрѣшишь воловъ отъ плуга
„На послѣдней бороздѣ.
. . . . . .

„Послѣ грѣшникъ тотъ великій,
„О которомъ предвѣщанье
„Слышалъ ты уже давно,
„Грѣшникъ жданный . . . . .
„ . . . . . къ тебѣ придетъ
„Исповѣдывать себя
„И получитъ разрѣшенье . . . .

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить, и не вѣрить:
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но — Твоя да будетъ воля,
Не моя... Кто тамъ идетъ?..

Въ № 2377 А есть еще отрывокъ программы: „Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія".

Стихотвореніе П. представляетъ отголосокъ чтенія поэмъ Саути: „Roderick, the last of the Goths" и Вальтеръ Скотта: „The Vision of Rodrigue". Родригъ (Родерихъ) — послѣдній вестготскій король, при которомъ Испанія была завоевана арабами. Проложивъ себѣ путь къ престолу убійствомъ короля Витисы, Р. сдѣлался предметомъ мести со стороны сыновей убитаго и со стороны графа Юліана, губернатора крѣпости Сеуты, дочь котораго, Каву, по легендѣ, Р. обезчестилъ. Поднятое этими лицами воз-

станіе было подавлено; тотда они стали искать помощи у Музы, арабскаго эмира въ Африкѣ. Послѣдній, подстрекаемый къ походу также и испанскими евреями, которыхъ угнетали готы, отправилъ въ Испанію значительное войско подъ начальствомъ Тарика. Родригъ былъ разбитъ въ сраженіи при Хересѣ де-ла-Фронтера, въ іюлѣ 711 г., послѣ чего вестготская монархія прекратила свое существованіе. Во время сраженія Р. пропалъ безъ вѣсти, и о дальнѣйшей его судьбѣ сложились разныя легенды, которыми и воспользовались названные выше англ. поэты для своихъ произведеній. См. Н. И. Черняева, Крит. статьи и зам. о Пушк., стр. 497 - 508. Жуковскій еще въ 1822 г. началъ переводить поэму В. Скотта, но перевелъ лишь десятка два начальныхъ стиховъ и затѣмъ оставилъ этотъ трудъ.

IX. Экспромптъ (стр. 187). Напеч. въ Библ. Запискахъ 1858, I, 495, съ поясненіемъ, что онъ написанъ лѣтомъ 1833 г. на Черной рѣчкѣ, по поводу отвѣта кн. Серг. Гр. Голицына, что играетъ и на прежде выигранныя, и на вновь поставленныя деньги: „И на эти, и на тѣ, и на тѣ, тѣ, тѣ“.

Князь С. Г. Голицынъ (1806 - 1868) — довольно извѣстный въ свое время меломанъ, написавшій много романсовъ для Глинки и блиставшій въ обществѣ своими бойкими разсказами и эпиграммами. О немъ см. замѣтку Лонгинова въ Рус. Арх. 1869, ст. 362. Прозвище „Θирсъ“ имѣетъ связь съ днемъ 14 декабря, въ который празднуется память св. Θирса: когда князь хотѣлъ поступить въ 1829 г. въ дѣйствующую армію, его сочли неблагонамѣреннымъ именно за это прозвище. Юмористическій разсказъ объ этомъ можно найти въ „Воспоминаніяхъ“ Фон-

тона, Лейпц. 1862, т. II, стр. 16-18; имъ воспользовался и Лѣсковъ въ своемъ соч.: „Смѣхъ и Горе".

X. Черновые наброски:

Французскихъ риѳмачей... (стр. 187). Анн., Мат., 340. Моск. Муз. № 2374, л. 2 об.

Цѣнитель умственныхъ твореній... (стр. 188). Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 527, по рук. Моск. Муз. № 2384, л. 56. Относится къ кн. Петру Борисовичу Козловскому (ум. 14 окт. 1840), бывшему нѣкогда посланникомъ въ Туринѣ, большому любителю римской древности. „Латинскій языкъ, латинскіе писатели были ему свои", говоритъ кн. Вяземскій (Соч. II, 289). „Особенно любилъ онъ Ювенала. Когда въ Варшавѣ скоропостижно сошелъ съ ума кучеръ, который везъ его въ коляскѣ и, направивъ лошадей прямо на край обвала, опрокинулся съ ними въ яму на нѣсколько саженъ глубины, кн. К., вытащенный оттуда, разбитый, привѣтствовалъ прибывшаго къ нему на помощь лѣкаря, стихами изъ Ювеналовой сатиры, — рѣдкая и замѣчательная черта присутствія ума, памяти и литературности въ такую непріятную минуту".

Въ бесѣдахъ съ Пушкинымъ князь настойчиво требовалъ отъ него перевода своей любимой сатиры Ювенала: „Желанія", — „и П. передъ концомъ своимъ готовился къ этому труду; помню даже, что при этомъ случаѣ П. перечитывалъ образцы нашей дидактической поэзіи и, между прочимъ, — переводъ Ювеналовой сатиры Дмитріева, и любовался симъ переводомъ, какъ нечаянною находкою". (Тамъ-же, 293-294; ср. Соч. Вяз., VII, 231-257 и письмо его-же къ Дмитріеву отъ 17 іюня 1837 въ Рус. Арх. 1868, ст. 655).

Напрасно я бѣгу (стр. 189). Анн. VII, 98.

Въ полѣ чистомъ серебрится... (стр. 189). Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 644, по рук. Моск. Муз. № 2374, л. 31.

Если ѣхать вамъ случится... (стр. 189). Тамъ-же, стр. 328, по рук. Моск. Муз. № 2373, л. 30. Нами печатается въ исправленномъ видѣ. Шляпкинъ (стр. 39) напечаталъ по автографу другой, позднѣйшій варіантъ того же стихотворенія, написанный въ 1835 г.:

Если ѣхать вамъ случится
Отъ **** на [*Псковъ*]
Тамъ, гдѣ Л[*овать*] струится
Межь отлогихъ береговъ, —
Отъ большой дороги справа
[Между полемъ и холмомъ]
Вамъ представится дубрава,
Слѣва — садъ и барскій домъ.
[Блещутъ окна золотыя]
Окна блещутъ какъ пожаръ.
[Окна западнымъ сіяньемъ]
[Освѣщаетъ солнца шаръ].
Лѣтомъ въ немъ, — какъ за холмами
Утопаетъ солнца шаръ,
Домъ облитъ его лучами, —
Путникъ видитъ на балконѣ
Деревенскую семью.
И ѣздой . . . . . скучая,
Путникъ смотритъ, развлеченъ,
Взоръ завистливый бросая
[Изъ телѣги]
На семейство, на балконъ.

По указанію Шляпкина, дѣло идетъ о домикѣ П. А. Осиповой и Вульфовъ въ Тригорскомъ.

Колокольчики звенятъ... (стр. 190). Анн., Мат. 336. Въ Муз. № 2373, л. 30, написано непосредственно вслѣдъ за предыдущимъ наброскомъ: „Если ѣхать вамъ случится...“

1834.

I. Странникъ (стр. 191). Посм., IX, 183, съ произвольнымъ заглавіемъ: „Отрывокъ“. Въ Моск. Муз. № 2377 А находятся два подлинника этого стихотворенія, оба написанные на бумагѣ съ клеймомъ 1834 г.; не смотря на то, Анненковъ (III, 39) говоритъ, что въ „рукописи“ (?) стихотвореніе помѣчено: „26 іюня 1833“. Первоначально оно начиналось стихами:

Въ великой гордости жилъ нѣкій человѣкъ,
Въ безпечной суетѣ проведшій цѣлый вѣкъ.

Потомъ П. зачеркнулъ эти стихи и нарисовалъ на нихъ вѣтки, окружающія заглавіе.

Въ нашемъ изданіи 2-й стихъ напечатанъ ошибочно: „Внезапно...“ слѣдуетъ: „Незапно“. Кромѣ того, текстъ Посм. представляетъ, сравнительно съ рукописью, слѣдующіе варіанты:

[1] Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ.
[2] Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
Спасенія путемъ въ таинственны врата.

Стихотвореніе является сжатымъ переложеніемъ начала I-й главы знаменитаго сочиненія англійскаго теософа Джона Бóньяна (Bunyan, 1628 - 88): „Путешествіе странника изъ сего міра въ грядущій". — „Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ", говоритъ Достоевскій, „чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится, наконецъ, этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится, наконецъ, самая исторія, — и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, пропли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали вмѣстѣ съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили..."

II. Мицкевичъ (стр. 193). Посм., IX, 171, подъ заглавіемъ: **М*****, котораго нѣтъ въ рукописи. Приводимъ все стихотвореніе по черновому автографу Моск. Муз. № 2374, л. 7:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени враждебнаго; но злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ, — *и* мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чашей, и мечтами,
И пѣснями (онъ былъ изъ вдохновенныхъ
И глубоко взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о времени грядущемъ,
Когда народы, распри позабывъ,

Въ великую семью соединятся.
Онъ не любилъ крикливой клеветы,
Чуждался онъ *[пустого]* вольнодумства.
Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ
Ушелъ на западъ — и благословеньемъ
Мы проводили друга. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Проклятья шлетъ и ядомъ напояетъ
Свои стихи въ угоду черни буйной.
Печально! Слышимъ издали его
И молимъ Бога, да прольетъ Онъ кротость
Въ озлобленную душу...

Не имѣя другой рукописи, не можемъ рѣшить напечатано ли стихотвореніе въ Посм. въ передѣлкѣ самого П. или, быть можетъ, Жуковскаго. На вѣроятность послѣдняго предположенія, какъ будто, указываютъ поправки: „чистыми мечтами“, „онъ вдохновенъ былъ свыше“ (любимыя выраженія Жуковскаго, ср. выше, стр. 162, „чистыхъ“ помышленій вм. „гордыхъ“), и общее смягченіе тона...

Въ тетрадяхъ Пушкина (Моск. Муз. № 2373) сохранилось, переписанное имъ въ подлинникѣ, стихотвореніе Мицкевича: „Къ друзьямъ-москалямъ“. О пребываніи польскаго поэта въ Россіи и объ отношеніяхъ его къ П. см. Ф. К. Неслуховскаго: „М. въ Россіи“, въ Историч. Вѣстн. 1880, №№ 4 и 5; В. Д. Спасовича: „Пушкинъ и Мицкевичъ“ — въ Собр. Соч., IX; „Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина“, Спб. 1899. Ср. наши примѣчанія къ „Мѣдному Всаднику“.

III. Къ Н** (стр. 194). Посм., IX, 159, подъ заглавіемъ: Къ Н**, котораго нѣтъ въ извѣстной

намъ рукописи (Моск. Муз. № 2376 В, л. 6 об.), гдѣ, впрочемъ, находятся только первые 8 стиховъ. По указанію Анненкова (Мат., 172-173), въ видѣнной имъ другой рукописи стихотвореніе еще продолжалось:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены
И улыбается забавѣ площадной
И вольности лубочной сцены.
То Римъ его зоветъ, то гордый Альбіонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межь тѣмъ летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана.

Эти 8 стиховъ были, однако, Пушкинымъ зачеркнуты.

Гоголь, въ письмѣ къ Жуковскому „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ (Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, п. X), объясняетъ происхожденіе этого стихотворенія такимъ образомъ: „Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, — одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду — и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣтнымъ для всѣхъ, но въ душѣ П. оно оставило сильное

впечатлѣніе, и плодомъ его была эта величественная ода".

Въ томъ же письмѣ Гоголь передаетъ слѣдующія сужденія Пушкина о значеніи монарха:

„Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ, — чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ, и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона недалеко уйдешь, нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? — Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха — то же, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, — никуда не пойдетъ концертъ. А кажется, — онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка помахиваетъ палочкой, да поглядываетъ на всѣхъ, — и уже одинъ взглядъ его достаточенъ на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой-нибудь шершавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ или неуклюжій тулумбасъ. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться насчетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!"

Къ 1834 г. относится также напечатанный Шляпкинымъ (38) исчерканный набросокъ:

Съ очами [впалыми] быстрыми, завистливыми злобно
[Съ плѣшивымъ черепомъ]
Съ устами, сжатыми [привычною] [циническою] наморщенной улыбкой,
[Еще въ младенчествѣ меня безстыднымъ нравомъ]
Еще въ ребячествѣ, безсильный.....
Я встрѣтилъ старика съ плѣшивой головой...
[Я старцу въ сѣть попалъ].

Не говорится ли здѣсь о Вольтерѣ?

1835.

I. Изъ Анакреона (стр. 195):

Ода LV — Посм. IX, 149, п. з.: „Изъ Анакреона (отрывокъ)“ и съ пропускомъ двухъ послѣднихъ стиховъ, возстановленныхъ Анненковымъ по бывшей у него рукописи. Довольно близкій переводъ, — вѣроятно, съ французскаго прозаическаго перевода, — анакреоновскаго стихотворенія, которое въ точномъ переводѣ читается:

„Кони имѣютъ на бедрахъ выжженное клеймо; парѳянскихъ мужей узнаемъ по тіарамъ; а влюбленныхъ я узнаю прямо по ихъ виду: у нихъ на лицѣ — чуть видная мѣтка души“.

Позднѣйшій переводъ принадлежитъ Л. А. Мею.

Ода LVI — Анн., Мат., 392. Вотъ ея точный переводъ:

„Сѣдые у насъ уже виски и бѣлая голова, юно-

сти уже нѣтъ, зубы постарѣли, и не много уже остается времени для сладкаго житья; потому-то часто и плачу я, страшась Тартара: ибо ужасна глубина Аида и опасенъ входъ въ него, а тому, кто туда попалъ, ужь не выбраться".

Объ эти оды переведены для подготовительныхъ отрывковъ къ „Египетскимъ ночамъ", см. т. V.

Ода LVII — Посм. IX, 145. Шляпкинъ (стр. 36) напечаталъ найденный имъ въ бумагахъ Анненкова черновой автографъ:

Что же сухо въ чашѣ дно?
[Что жь я вижу въ чашѣ дно?]
[Милый мальчикъ, мальчикъ рѣзвый]
Наливай намъ, мальчикъ рѣзвый,
Только пьяное вино
Растворяй водою трезвой,
Я не скиѳъ, и не люблю
Съ гостемъ пьянствовать безчинно;
Я за чашею пою
И бесѣдую невинно.

По соображеніямъ проф. Шляпкина, стихотвореніе это должно быть отнесено не къ 1835, а къ 1833 году. Въ точномъ переводѣ оно читается:

„Ну, скорѣй неси намъ, мальчикъ, чашу, — я выпью ее до дна; но влей въ нее десять кіаѳовъ воды и только пять — вина, чтобы не очень опьянѣть, совершая возліяніе Вакху. Ну, давайте же скорѣе, и не будемъ за виномъ шумѣть и голосить какъ скиѳы, а станемъ пѣть прекрасные гимны".

II. Богъ веселый винограда... (стр. 196). Посм., IX, 146. Самостоятельное стихотвореніе въ анакреонтическомъ родѣ.

III. Отъ меня вечоръ Леила... (стр. 196). Посм., IX., 155, п. з.: „Леила". Также самостоятельное стихотвореніе.

IV. Мальчику (стр. 197). Посм., IX, 148. Близкій переводъ XXVII оды Катулла:

„Мальчикъ-слуга! Налей мнѣ чашу стараго фалернскаго, погорче, какъ велитъ законъ предсѣдательницы Постуміи, которая жаднѣе до вина, чѣмъ впитывающая сокъ ягода. А ты, вода, погибель вина, удались отсюда, куда хочешь; отправляйся къ постникамъ: здѣсь же чистъ напитокъ сына Тіоны (Вакха)".

V. Изъ Горація (стр. 197). Посм., IX, 335, съ произвольнымъ заглавіемъ: „Горацій"; Сынъ Отеч. 1840, № 22. Близкій переводъ 7-й оды II книги Горація — къ Помпею Вару, возвратившемуся невредимымъ послѣ пораженія Брута войсками Августа при Филиппахъ (O saepe mecum tempus in ultimum...);

„О Помпей, первый изъ друзей моихъ, часто подвергавшійся вмѣстѣ со мною крайней опасности, когда Брутъ былъ начальникомъ войска, — кто возвратилъ тебя римскимъ гражданиномъ отечественнымъ богамъ и небу Италіи? О ты, съ которымъ я часто короталъ медленный день, увѣнчавъ волосы, умащенные сирійскимъ малобатромъ! Съ тобою пережилъ я битву при Филиппахъ и быстрое бѣгство, нечестно бросивъ свой щитъ, когда сокрушена была наша храбрость и грозные воины постыдно коснулись подбородками земли. Но быстрый Меркурій унесъ меня, испуганнаго, сквозь ряды непріятелей въ густомъ туманѣ; тебя же опять подхватила волна и вновь унесла на войну по бурному морю. Итакъ, устрой-

по обѣту пиръ въ честь Юпитера и склонись, утомленный долгою войною, подъ моимъ лавромъ, не жалѣя кубковъ, тебѣ предназначенныхъ. Наполни гладкіе бокалы массійскимъ виномъ, подателемъ забвенія, и вылей благовонія изъ вмѣстительныхъ сосудовъ. Кто позаботится сдѣлать поскорѣе вѣнки изъ влажнаго сельдерея и мирта? Кого Венера назначитъ распорядителемъ пира? Я предамся безумному веселью не хуже ѳракійцевъ: мнѣ пріятно безумствовать, получивъ назадъ своего друга".

VI. Юноша, скромно пируй... (стр. 198). Посм., IX, 147.

VII. Юношу, горько рыдая... (стр. 197). Посм., IX, 143.

VIII. Не розу пафосскую... (стр. 199). Посм., IX, 144. Черновое дважды написано въ рук. Моск. Муз. № 2387 Б, л. 46 об.

IX. Подражаніе арабскому (стр. 199). Посм., IX, 154.

X. Полководецъ (стр. 199). Современникъ 1836, т. III, стр. 193, безъ подписи. Въ рук. Моск. Муз. № 2374, лл. 28 об. - 26, есть варіанты:

[1, 2] . . межь ими я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу.
Полунощныхъ орловъ могущая станица!
Ужь многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другіе, коихъ лица...

[3] Пропускъ сдѣланъ самимъ Пушкинымъ. Въ рукописи, копія которой уцѣлѣла въ бумагахъ Анненкова (Шляпкинъ, 74), строфа эта осталась неотдѣланною. Анненковъ возстановилъ ее такъ:

Вотще! Преемникъ твой стяжалъ успѣхъ, сокрытый
Въ главѣ твоей, — а ты, не признанный, забытый
Виновникъ торжества, почилъ, — и въ смертный часъ
Съ презрѣньемъ, можетъ быть, воспоминалъ объ насъ.

По словамъ Д. В. Давыдова („Матеріалы для современной военной исторіи“, цит. Поливановымъ, I, 385), „Барклай-де-Толли, съ самаго начала своего служенія, обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ изумительнымъ мужествомъ, невозмутимымъ хладнокровіемъ и отличнымъ знаніемъ дѣла... Эта высокая личность... имѣла, однако, слабыя стороны: незнаніе русскаго языка... и малую природную смѣтливость къ окружающимъ и подчиненнымъ. Въ сумрачномъ, постоянно угрюмомъ, хотя и скромномъ, безстрашномъ, неутомимомъ и холодномъ какъ мраморная статуя Барклаѣ проявилась впослѣдствіи сильная раздражительность, недовѣрчивость и несправедливость въ оцѣнкѣ чужихъ заслугъ. Начало этихъ недостатковъ должно искать въ тѣхъ ужасныхъ гоненіяхъ и непріятностяхъ, коимъ онъ подвергался въ 1812 году. Рядъ оскорбленій, испытанныхъ Барклаемъ послѣ пріѣзда Кутузова въ армію, и всеобщія неосновательныя клеветы въ измѣнѣ, коими его преслѣдовали послѣ отъѣзда изъ арміи, имѣли огромное вліяніе на его характеръ. Глубоко огорченный всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, Барклай искалъ смерти въ Бородинскомъ сраженіи-

онъ въ этомъ со слезами на глазахъ признался Ермолову... Барклай, испившій до дна чашу самыхъ горькихъ, незаслуженныхъ испытаній, въ то самое время, какъ дѣятельность его посвящена была благу Россіи, для спасенія которой онъ не разъ жертвовалъ своею жизнью, есть въ полномъ смыслѣ слова та величественная личность, о которой нашъ незабвенный Пушкинъ сказалъ:

. . чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье...“

Стихотвореніе Пушкина, при появленіи своемъ въ печати, вызвало нападки на поэта за униженіе, будто бы, памяти Кутузова, которому одному приписывали въ то время славу изгнанія Наполеона изъ Россіи. Эти нападки заставили Пушкина напечатать въ IV томѣ своего „Современника“ слѣдующее

ОБЪЯСНЕНІЕ.

(О стихотвореніп „Полководецъ“).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить

священную славу Кутузова; однако жь, меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Но ужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели, послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не дозволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ; но кѣмъ и когда?.. Конечно, не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была ра-

достна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самомъ себѣ, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было, а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно-недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души:

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой
(и пр., до словъ: „ты всталъ и спасъ“, см. стр. 156).

По поводу „Полководца“ Н. И. Гречъ писалъ Пушкину 12 окт. 1835: „Вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою

душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи", и пр. (Бартеневъ, Пушк., I, 20). — „Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ", отвѣчалъ П. 13 окт.: „Стоическое лицо Б. есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія".

XI. Туча (стр. 201). Моск. Наблюд. 1835, ч. II, кн. 2, май, стр. 175, и Посм., III, 111. Подлинникъ — въ Имп. Публ. Б-кѣ. Въ строфѣ 2-й стихъ 1-й первоначально читался:

Ты небо недавно кругомъ обнимала,

но тутъ же исправленъ, какъ напечатано. Другая поправка, вмѣсто первоначальнаго чтенія:

[1] И вѣтеръ, колебля вершины древесъ,

внесена Краевскимъ, по указанію Пушкина, который черезъ его посредство послалъ стихотвореніе въ редакцію журнала (см. записочку въ т. VIII наст. изд.).

По указанію Л. Н. Майкова („Стихотворенія П. Туча и Аквилонъ", Рус. Вѣстн. 1898, № 2, стр. 1-9), стихотвореніе вызвано тревогой вслѣдствіе распечатаннаго на почтѣ письма П. къ женѣ; можетъ быть, также — и тревогой по поводу возникшаго дѣла о „Гавриліадѣ" (см. въ т. III).

XII. Пиръ Петра Великаго (стр. 202). Современникъ 1836, т. I, стр. 1, безъ подписи. Въ оглавленіи книги названо: „Пиръ Петра Перваго".

Поливановъ (I, 390) указываетъ, что въ 3-й строфѣ П. воспользовался картиною „выводки" Брантова бота: Петръ В., указомъ 2 сент. 1724 г., повелѣлъ „ботикъ въ 30-мъ числѣ августа выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ".

XIII. На выздоровленіе Лукулла (стр. 203). Моск. Наблюдатель 1835, сент., кн. 2, стр. 191, съ полною подписью. — Библіогр. Зап. 1858, стр. 367. Исчерканная черновая — въ Моск. Муз. № 2384, лл. 41 об. — 42 об.

Подобно знаменитому посланію Рылѣева „Къ временщику" (Аракчееву), названному въ печати „подражаніемъ Персіевой сатирѣ", П. назвалъ свое стихотвореніе подражаніемъ латинскому, чтобы укрыть его отъ подозрительности цензуры. Оно написано на выздоровленіе извѣстнаго богача, графа Шереметева, послѣ тяжкой и опасной болѣзни. Шереметевъ былъ бездѣтенъ, и все его огромное состояніе должно было перейти къ С. С. Уварову, какъ ближайшему родственнику. Увѣренный въ близкой кончинѣ графа (находившагося тогда въ Воронежѣ), Уваровъ опечаталъ его имущество; но графъ выздоровѣлъ — и, конечно, остался очень недоволенъ такою поспѣшностью своего наслѣдника. Эта скандальная исторія огласилась на весь Петербургъ. Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, 25 окт. 1835: „Въ Комитетѣ Министровъ кто-то сказалъ о Ш., qu'il avait la fièvre scarlatine. — „Et vous, vous avez la fièvre de l'attente!" сказалъ громогласнымъ голо-

сомъ своимъ Литта, оборотившись къ Уварову... Ужь прямо изъ пушки выпалило!" (Остаф. Арх., III, 277).

П. воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отомстить Уварову, бывшему „арзамасцу", который, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, усилилъ цензуру, добился запрещенія „Моск. Телеграфа" и началъ придираться къ П. (См. замѣтку Ф. М. Деларю въ Рус. Стар. 1880, № 9, разсказъ П. В. Нащокина въ статьѣ Н. И. Куликова: „П. и Нащокинъ", Рус. Стар. 1881, № 8, стр. 616-618, и Никитенко, Повѣсть о самомъ себѣ, I, 364).

Обиженный Уваровымъ бывшій казанскій профессоръ Жобаръ перевелъ оду Пушкина на франц. яз. и послалъ переводъ Уварову, прося сообщить „примѣчанія" и разрѣшить напечатать стихи съ посвященіемъ министру. Это еще болѣе озлобило Уварова, который съ этихъ поръ сталъ заклятымъ врагомъ П. и началъ его преслѣдовать и явно, и тайно. (См. статью В. В. Никольскаго „Жобаръ и Пушкинъ въ Рус. Стар. 1880, № 7, и замѣтки А. А. Краевскаго: „Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ сочиненіямъ П.", тамъ же, 1881, № 6). Извѣстная исторія съ анонимными письмами, послужившая ближайшимъ поводомъ къ дуэли П., не безъ основанія ставилась на счетъ Уварову, — какъ это видно, между прочимъ, изъ указанныхъ выше статей.

Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (1786-1855, съ 1846 — графъ) былъ въ то время министромъ нар. просвѣщенія и президентомъ академіи наукъ. Его „Литературныя воспоминанія" напечатаны, съ подписью: А. В., въ Соврем. 1851, № 6, и въ Москвитянинѣ того же года, № 12. Біографическія

свѣдѣнія о немъ — въ ст. П. А. Плетнева: „Памяти гр. С. С. Уварова“, — Соч. Плетн., III, 149.

XIV. Я думалъ, сердце позабыло... (стр. 205). Прежними изданіями относилось къ 1828 г., но, судя по содержанію тетради, въ которой оно записано (Моск. Муз. № 2384, л. 58 об.), должно быть отнесено къ 1835 г. Нами печатается согласно съ рукописью; текстъ Анненкова представляетъ варіанты:

[1] Прошли любовныя печали
Смирились легкія мечты...

За послѣднимъ стихомъ въ рукописи слѣдуютъ еще двѣ зачеркнутыя строчки:

Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души...

XV. Вновь я посѣтилъ... (стр. 205). Соврем. 1837, т. 5, съ произвольнымъ заглавіемъ: „Отрывокъ“; Посм., IX, 240, п. з.: „Опять на родинѣ“ (первый стихъ: „Опять на родинѣ! Я посѣтилъ...“). Оба раза — безъ конца (до словъ: „Въ разны годы“, стр. 207), напечатаннаго только въ Мат., 109. Черновое — въ рук. Моск. Муз. №№ 2377 А и 2384, лл. 30 об.-31 об. и 39-40. Какъ видно изъ рукописей (см. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 85), П. хотѣлъ назвать это стихотвореніе: Сосны.

Проф. Шляпкинъ (стр. 41) напечаталъ еще одинъ небольшой отрывокъ по автографу, сохранившемуся въ бумагахъ Анненкова. Всѣ упомянутыя рукописи даютъ нѣсколько варіантовъ и дополнительныхъ стиховъ, имѣющихъ важное біографическое значеніе, которые и приводятся ниже.

Въ Посм. текстъ стихотворенія сокращенъ и исправленъ, вѣроятно, постороннею рукою (Жуковскаго?). Вмѣсто: „опальный домикъ“ читаемъ: „смиренный“; далѣе слѣдуетъ:

[1] Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ... Вотъ
И холмъ лѣсистый...

[2] Зеленою семьей кусты тѣснятся

Въ музейной рукописи, послѣ стиха: „Ни утреннихъ ея дозоровъ“ слѣдуетъ:

И вечеромъ, при завываньѣ бури,
Ея разсказовъ *), мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но все пріятныхъ сердцу,
Какъ шумъ привычный и однообразный
Любимаго ручья... Вотъ уголокъ,
Гдѣ для меня безмолвно пролетали
Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
Здѣсь, погруженный въ думы,
Я размышлялъ [о грустныхъ заблужденьяхъ],
Объ испытаньяхъ юности моей,
О строгомъ, заслуженномъ осужденьѣ,
[О милой дружбѣ...]

Въ рукописи Шляпкина это мѣсто читается иначе:

Не буду вечеромъ, подъ шумомъ бури,
Внимать ея разсказамъ, затверженнымъ
Съ издѣтства мной, но все прекраснымъ,

*) Въ копіи Анненкова (Шляпкинъ): „распѣвовъ“.

Какъ пѣсни родины или страницы
Любимой книги, въ коей знаешь,
Какое слово гдѣ стоитъ... Бывало,
Ея простыя рѣчи и совѣты,
И укоризны, полныя любови,
Усталое мнѣ сердце ободряли
Отрадой тихой, — я тогда еще
Былъ молодъ и ожесточенъ...

Въ музейной рукописи, въ самомъ концѣ стихотворенія, послѣ стиха: „За жаръ души довѣрчивой и нѣжной", слѣдуетъ еще:

Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
Измѣнника — въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
Прощеніе святое осѣнило;
Поэзія, какъ ангелъ-утѣшитель,
Спасла меня, — и, наконецъ, душой
Здѣсь...

Кромѣ того, въ томъ же № 2384, но въ другомъ мѣстѣ (л. 23), находимъ еще отрывокъ, быть можетъ, относящійся къ этому же стихотворенію:

Я возмужалъ,
И дней моихъ взволнованный потокъ
Теперь утихъ. Миролюбивый геній...
. . . . . .
Надолго-ли, — не знаю... Но прошли
Дни [грозныхъ] бурь, дни горькихъ искушеній...

Основная тема этого стихотворенія находится въ письмѣ П. къ женѣ отъ 25 сент. 1835: „Въ Михай-

ловскомъ нашелъ я все по-старому, кромѣ того, что нѣтъ ужь въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть...“

XVI. Юдиѳь (стр. 208). Анн., Мат., 380. Подлинникъ — въ Моск. Муз. № 2383, л. 44; по содержанію тетради, должно быть отнесено къ 1835 году, а не къ 1832, какъ въ прежнихъ изданіяхъ (см. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 526).

[1] Послѣ этого стиха въ рукописи зачеркнуто:

Поля преградами изрыты,
Раскаты, башни и зубцы
Какъ лѣсомъ, копьями покрыты,
И боя молча ждутъ бойцы.

XVII. Эпиграмма (стр. 209). Рус. Стар. 1880 № 9.

Внце-президентъ академіи наукъ Мих. Александр. Корсаковъ (1794-1869) въ 1820 г. женился на дочери своего дальняго родственника, полковника Корсакова и присоединилъ къ своей фамиліи княжескій титулъ Дондукова, пріобрѣтенный его тестемъ также вслѣдствіе женитьбы на внучкѣ калмыцкаго хана Дондука-Омбо.

Въ годичномъ собраніи академіи, 29 декабря 1836 г., П. былъ вмѣстѣ съ А. А. Краевскимъ, и тамъ, указывая ему на князя, шепнулъ: „А вѣдь сидитъ-то на моей эпиграммѣ! Ничего, не больно, — не вертится!“ — Послѣдній стихъ представляетъ не передѣлку пушкинскаго, а варіантъ „для дамъ“, слышанный Краевскимъ отъ самого Пушкина.

Къ 1835 г. относится также находящійся въ рук. Моск. Муз. № 2374, л. 18, об., черновой набросокъ стихотворенія по поводу знаменитой картины Карла Павл. Брюллова: „Послѣдній день Помпеи“ (см. Анн. Мат., 345):

Везувій зѣвъ открылъ,— дымъ хлынулъ клубомъ;
пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя;
Земля волнуется... съ колоннъ
Кумиры падаютъ! . . . . . стонъ . . .
. . . . . народъ, гонимый страхомъ,
Подъ каменнымъ дождемъ, подъ воспаленнымъ
прахомъ,
Бѣжитъ изъ града вонъ . . . . . пожаръ, блеща,
Весь городъ освѣтилъ . . . . . народъ . . . . .

Въ другомъ наброскѣ можно разобрать:

Столпы шатаются, съ ихъ узкой вышины
Кумиры падаютъ... Везувій зѣвъ отверзъ...
Содрогнулась земля, шатнулся градъ, и пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя.

К. П. Брюлловъ (р. 12 дек. 1799, ум. 12 іюня 1852) написалъ свою картину по заказу А. Демидова въ 1830-33 гг. Послѣ выставокъ въ Италіи и Парижѣ, она привезена была въ Россію въ 1834 г. и въ настоящее время находится въ Русскомъ Музеѣ Имп. Александра III.

1836.

I. Давыдову (стр. 210). Соврем. 1837, т. 5, стр. 316; Посм., IX, 138.

II. Художнику (стр. 210). Посм. IX, 131. Написано скульптору Самуилу Ив. Гальбергу (1787. 1839), который лѣпилъ бюстъ Пушкина. Объявленіе о подпискѣ на этотъ бюстъ напеч. въ Худож. Газетѣ 1837, № 11-12.

III. Когда великое свершалось торжество... (стр. 211). Анн., VII, 49. Въ рукописи Моск. Муз. № 2395 (копія) озаглавлено: „Мірская власть". Поводомъ къ этому стихотворенію послужила выставка картины Брюллова „Распятіе", гдѣ были поставлены часовые для наблюденія за порядкомъ.

IV. Подражаніе итальянскому (стр. 212). Посм., IX, 150. Подражаніе сонету итальянскаго лирика Francesco Gianni (1760-1822): „Sopra Giulia", по словамъ Анненкова (Мат., 304), значительно расширяющее образы и мысли подлинника. Въ примѣръ Анн. приводитъ заключительные стихи итальянскаго поэта:

Poi fra le braccia si recò quel tristo
E con la bocca fumigante e nera
Gli rese il bacio ch'avea dato a Cristo.

V. Изъ Пиндемонте (стр. 212). Анн. 50 (съ пропусками). Копія — въ рукописи Моск. Муз. № 2395 — представляетъ слѣдующій варіантъ окончанія:

Дивясь божественнымъ природы красотамъ
Или созданіямъ искусствъ и вдохновенья,
Трепеща радостно въ восторгахъ умиленья, —
Вотъ счастье! Вотъ права!..

Заглавіе этому стихотворенію дано произвольно, съ цѣлью скрыть его истинный смыслъ. Сначала П. надписалъ: „Изъ Alfred Musset"; потомъ замѣнилъ это имя именемъ совершенно неизвѣстнаго въ Россіи итальянскаго поэта Ипполито Пиндемонте (1753-1828), автора сатиръ и посланій въ гораціанскомъ стилѣ.

VI. Молитва (стр. 213). Совр. 1837, стр. 118; Посм., IX, 239. Переложеніе извѣстной молитвы: „Господи, Владыко живота моего..." По поводу упоминанія о „непорочныхъ женахъ" см. замѣтку г. Воробьева: „Женщины-слагательницы церковныхъ пѣснопѣній" — въ Рус. Арх. 1893, I, 115-117.

VII. Когда за городомъ... (стр. 213). Анн. VII, 47.

VIII. Я памятникъ себѣ... (стр. 214). Посм., IX, 131, п. з.: „Памятникъ" и съ передѣлками Жуковскаго въ строфѣ I-й: „Наполеонова столпа" и въ строфѣ 4-й: „И долго буду тѣмъ народу я любезенъ... что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ". По подлиннику (Моск. Муз. № 2384, л. 57 об.) впервые напечатано въ Рус. Арх. 1881, I, 233 (съ ошибками) и въ изд. Лит. Фонда, II, 189. Рукопись представляетъ слѣдующіе первоначальные (зачеркнутые) варіанты, кромѣ указанныхъ на стр. 215:

Строфа 2-я, ст. 1, 2 . . . . . душа въ безсмертной лирѣ
Меня переживетъ . . . . .
„ 3-я, ст. 4: Тунгузъ и сынъ степей калмыкъ.
„ 5-я, ст. 1: Призванью своему, о муза...
„ „ ст. 3: Хвалы и клевету...

Эпиграфъ, поставленный вмѣсто заглавія, взятъ изъ извѣстной оды Горація: „Ad Melpomenen" (Exegi monumentum aere perennius), которой подражалъ Державинъ въ своемъ стихотвореніи: „Памятникъ". Послѣдній стихъ: „И не оспоривай глупца" напоминаетъ четверостишіе изъ „Альбома Онѣгина":

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ,
Какъ напримѣръ: „Предъ каждымъ сномъ
„Молись; бѣги путей лукавыхъ,
„Чти правду и не спорь съ глупцомъ".

Гоголь, въ письмѣ къ Жуковскому „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ" (Выбранныя мѣста, п. X), комментируетъ 4-ю строфу слѣдующими словами: „Стоитъ только вспомнить П., чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ, упадшемъ! П. высоко слишкомъ цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго", и т. д.

IX. На статуи (стр. 215). Худож. Газета 1836, № 9 и 10.

Статуя Николая Степановича Пименова (1812—1864), ученика Гальберга,—„Русскій парень, играющій въ бабки“ исполнена на тему, данную академіей художествъ въ видѣ конкурсной задачи на золотую медаль. Она такъ понравилась императору Николаю Павловичу, что онъ велѣлъ отлить ее изъ бронзы и поставить въ Царскосельскомъ саду. Александръ*) Вас. Логановскій (1812—1855) также получилъ золотую медаль за свою статую мальчика, играющаго въ свайку, и былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. „Дискоболъ“ (метатель диска) — бронзовая статуя аѳинскаго ваятеля Мирона (V в. до Р. Х.), мраморная копія съ которой находится въ палаццо Массими въ Римѣ.

X. 19 октября 1836 (стр. 216). Совр. 1837, т. 5, стр. 118, и Посм., IX, 235, съ поправками Жуковскаго и произвольнымъ заглавіемъ: „Лицейская годовщина“. Подлинникъ—въ Моск. Муз. №№ 2377 А и 2386 В.

[1] О Куницынѣ см. выше, стр. 377.

[2] „Стихи эти“, говоритъ гр. Корфъ (Гротъ, Пушк., 237), „не были поэтическою прикрасою. Весною и лѣтомъ 1812 г. почти ежедневно шли черезъ Ц. Село войска... Не говоря уже о жадности, съ которою пожиралась и комментировалась каждая реляція, не могу не вспомнить горячихъ слезъ, которыя мы проливали надъ Бородинскою битвою“, и пр.

Придя на лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился, что не докончилъ своего стихотворенія на этотъ день, и сталъ читать его; но при первыхъ же

*) Буква Н. при имени Логановскаго на стр. 216 поставлена ошибочно.

строчкахъ изъ глазъ поэта брызнули слезы, и стихотвореніе было дочитано другимъ товарищемъ. В. П. Гаевскій, въ ст.: „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время“ (Отеч. Зап. 1861, № 11) напечаталъ слѣдующій протоколъ собранія лицеистовъ 19 октября 1836 года, писанный рукою Пушкина (см. также Грота, Пушк., 84—85):

„Праздновали двадцатипятилѣтіе Лицея [затѣмъ собственноручно каждымъ: „П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ“].

„Собрались вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева, и пировали слѣдующимъ образомъ:

1. Обѣдали вкусно и шумно.
2. Выпили три здравія (по заморскому toasts):
   a. За двадцатипятилѣтіе Лицея,
   b. За благоденствіе Лицея,
   c. За здоровье отсутствующихъ.
3. Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.
4. Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ, у старосты Яковлева.
5. Поминали лицейскую старину.

[Конецъ протокола дописанъ Яковлевымъ]:

6. Пѣли національныя пѣсни.
7. Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-ти-лѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

Собрались всѣ въ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ 10-го".

Къ протоколу присоединенъ и печатный оттискъ стихотворенія П., безъ конца (до стиха: „На рубежѣ Европы бодро сталъ"...).

XI. Пора, мой другъ... (стр. 218). Рус. Арх. 1886, № 9, стр. 126 и 1887, № 1, гдѣ указано, что въ рукописи это стихотвореніе сопровождается слѣдующими замѣчаніями поэта:

„Юность не имѣетъ нужды въ at home; зрѣлый возрастъ ужасается своего уединенія. Блаженъ, кто находитъ подругу: тогда удались онъ домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь etc. Религія, смерть".

Н. И. Лернеръ (А. С. Пушкинъ, Труды и дни, М. 1903, стр. 89), на основаніи пушкинскихъ бумагъ, находящихся въ Парижѣ у А. Ѳ. Онѣгина (Отто), указываетъ, что это стихотвореніе относится не къ 1836, а къ 1831 году. См. также Рус. Арх. 1901, апрѣль, на обложкѣ, рец. В. Б(рюсова) на сборникъ: „Пушкинскіе дни въ Одессѣ въ 1899 году".

XII. О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла... (стр. 218). Сообщено А. Ѳ. Отто въ Нов. Врем. 1887, 29 янв., № 3922.

Д. А. Ровинскій, въ книгѣ: „Ник. Ив. Уткинъ, его жизнь и произведенія", Спб. 1884, стр. 135, описываетъ вышедшій въ 1836 году портретъ И. Ѳ. Паскевича съ слѣдующимъ автографомъ Пушкина:

За Араксомъ наши грани,
Араратъ, чудесный плѣнъ

Арзерума, Эривани
И разгромъ варшавскихъ стѣнъ.

См. Лернера, „Труды и дни", стр. 137.

Въ этомъ же 1836 году Пушкинымъ написанъ одинъ куплетъ въ шуточномъ „канонѣ" въ честь М. И. Глинки, по случаю перваго представленія его оперы: „Жизнь за царя" (27 ноября). Музыка этого канона сочинена самимъ Глинкой и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, а куплеты: 1-й — гр. М. Ю. Віельгорскимъ, 2-й—кн. П. А. Вяземскимъ, 3-й—В. А. Жуковскимъ и 4-й—Пушкинымъ. Вотъ эта пьеса:

Пой въ восторгѣ, русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися, Русь: нашъ Глинка —
Ужъ не глинка, а фарфоръ.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея Глинку
Отъ Неглинной до Невы.

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвеину стаканъ!

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ,—но ужь Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь!

13 декабря 1836.

См. Записки Глинки въ Рус. Стар. 1870. О графѣ Мих. Юрьевичѣ Віельгорскомъ интересныя свѣдѣ-

нія сообщаетъ Л. Н. Майковъ, въ біографіи Батюшкова, стр. 66, 130 и 131.

Пѣсни западныхъ славянъ (стр. 218-251). Первыя 15 пѣсенъ — въ Библ. для Чтенія 1835, № 3; 16-я — тамъ же, № 2; съ прибавленіемъ предисловія и примѣчаній всѣ 16 пѣсенъ перепечатаны въ IV части „Стихотвореній", Спб. 1835. Отрывокъ 17-й пѣсни — у Анн., Мат., 373, и у Шляпкина, 32. Кромѣ того, Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, напечатанная въ томъ же № 5 Библ. для Чтенія, 1835, гдѣ помѣщены и Пѣсни зап. славянъ, въ рукописи Моск. Муз. № 2376 В помѣчена: „18-я пѣсня сербская". Такимъ образомъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Пѣсни зап. славянъ" Пушкинъ объединялъ 18 стихотвореній, весьма разнообразныхъ по содержанію, формѣ и происхожденію. Въ рукописяхъ изъ нихъ, кромѣ Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ, нашлась пока только одна пѣсня — „Соловей", да отрывокъ XVII, о женѣ Асана-аги.

Пушкинъ не зналъ этнографическаго распредѣленія славянскихъ племенъ и потому далъ общее названіе „западныхъ" всѣмъ славянамъ не-русскимъ, а въ частности — сербамъ и далматинцамъ. Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію пѣсенъ послужила, по объясненію самого поэта, книжка Мериме „La Guzla", о происхожденіи которой ея составитель разсказываетъ въ письмѣ къ Соболевскому.

Знаменитый французскій писатель и академикъ Prosper Mérimée (1803 — 1870) отличался широкимъ литературнымъ образованіемъ и одинъ изъ первыхъ во Франціи оцѣнилъ достоинство русской литературы и сталъ учиться по-русски, чтобы читать въ подлинникѣ Пушкина и Гоголя. Онъ былъ боль-

шимъ поклонникомъ Пушкина, котораго переводилъ для французской публики и оцѣнкѣ котораго посвятилъ превосходный этюдъ. По словамъ И. С. Тургенева, лично знавшаго Мериме, этотъ французскій академикъ, въ присутствіи чуть ли не самого Виктора Гюго, называлъ Пушкина величайшимъ поэтомъ нашей эпохи, наравнѣ съ Байрономъ. Онъ находилъ у Пушкина удивительное сочетаніе формы и содержанія: „въ его стихахъ, чарующихъ своей изящной прелестью, всегда болѣе содержанія, чѣмъ словъ, какъ и у Байрона; поэзія расцвѣтаетъ у него какъ бы сама собою изъ самой трезвой правды". Свою литературную дѣятельность М. началъ въ первой половинѣ 20-хъ гг., исторической драмой „Кромвель", которая, впрочемъ, осталась ненапечатанной; въ 1825 г. онъ издалъ нѣсколько драматическихъ пьесъ подъ заглавіемъ: „Театръ Клары Газюль", объясняя въ предисловіи, что эти пьесы переведены съ испанскаго и принадлежатъ перу неизвѣстной актрисы странствующей труппы; къ нѣкоторымъ экземплярамъ этой книги былъ приложенъ даже портретъ „Клары", т. е. портретъ самаго М. въ женскомъ платьѣ. Критика встрѣтила этотъ сборникъ большими похвалами, и Амперъ провозгласилъ, что въ лицѣ автора появился во Франціи „сынъ Шекспира". Вторымъ произведеніемъ М. была „Guzla" (1-е изд. 1827, 2-е — 1842). Книга эта надѣлала много шума въ Европѣ и считается однимъ изъ образцовъ ловкой и удачной поддѣлки народныхъ поэтическихъ мотивовъ. Главнымъ источникомъ при ея составленіи служило „Путешествіе по Далмаціи" итальянскаго аббата Фортиса (2 тома, 1774), откуда французскій писатель почерпнулъ почти всѣ свои свѣдѣнія о южныхъ славянахъ и всѣ темы для своихъ подра-

жаній, выданныхъ за подлинныя произведенія славянской народной поэзіи. Поддѣлка ввела въ заблужденіе многихъ, въ томъ числѣ — Мицкевича и Пушкина. Нѣмецкій ученый Гергардъ заявилъ даже, что ему удалось въ прозѣ Мериме открыть подлинный ритмъ иллирійскаго стиха; англичанинъ Боурингъ, издавшій въ 1825 г. „Русскую Антологію“ (гдѣ, между прочимъ, заглавіе повѣсти Жуковскаго „Марьина роща“ переведено: „Mary's Goat“, т. е. „Марьинъ козелъ“), просилъ у М. подлинниковъ его подражаній; что касается Пушкина, то М., во второмъ изданіи своей книги, перечисляя людей, обманутыхъ этой мистификаціей, говоритъ: „Наконецъ, г. Пушкинъ перевелъ на русскій языкъ нѣкоторыя изъ моихъ сказочекъ; это можно сравнить съ переводомъ „Жиль Блаза“ на испанскій или „Писемъ португальской монахини“ — на португальскій языкъ“.

Въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности М. извѣстенъ какъ авторъ историческихъ сценъ изъ феодальной жизни „Жакерія“ (1828), которыя также не остались безъ вліянія на Пушкина, историческаго романа „Хроника изъ временъ Карла IX“ и цѣлаго ряда разсказовъ и повѣстей („Взятіе редута“, „Перлъ Толедо“, „Этрусская ваза“, „Жакелина“, „Коломба“ и пр.). Затѣмъ онъ издалъ нѣсколько сочиненій по исторіи Рима, Греціи и Италіи, основанныхъ на изученіи источниковъ. Въ 1849 г. онъ перевелъ „Пиковую Даму“ Пушкина, а въ 1851 напечаталъ въ „Revue des deux Mondes“ этюдъ о Гоголѣ. Въ 1853 г. вышелъ его переводъ „Ревизора“. Мериме занимался также исторіей Петра Великаго, казачества, смутнаго времени („Лжедимитрій“, „Первые подвиги искателя приключеній“ и пр.). Онъ былъ большимъ почитателемъ И. С. Тургенева и въ 1864 г.

написалъ предисловіе къ французскому переводу „Отцовъ и Дѣтей".

Заинтересовавшись славянской народной поэзіей по книжкѣ Мериме, Пушкинъ, однако же, не ограничился однимъ только этимъ сборникомъ и обратился къ изученію сербскихъ пѣсенъ въ подлинникѣ, по изданію Вука Караджича: „Мала простонародньа србска песнарица" (Вѣна 1814). Изъ этого сборника нашъ поэтъ познакомился съ стихотворнымъ размѣромъ сербскихъ народныхъ былинъ и перевелъ двѣ пѣсни: „Братъ и сестра" и „Соловей" цѣликомъ, а третью — объ Асанъ агиницѣ — только началъ переводить. Изъ 29-ти пьесъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Мериме, П. заимствовалъ только 11. Изъ этихъ его стихотвореній 4 написаны тоническимъ стихомъ съ риѳмами, а остальныя изложены эпическимъ стихомъ безъ риѳмъ, болѣе или менѣе близкимъ къ стиху сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Такимъ же стихомъ написана и Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Пѣсня о королевичѣ Янышѣ заимствована изъ чешскаго источника, а остальныя двѣ пѣсни — о Георгіи Черномъ и воеводѣ Милошѣ, — повидимому, сочинены самимъ Пушкинымъ въ духѣ сербской народной поэзіи.

Мы печатаемъ „Пѣсни западныхъ славянъ" въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были напечатаны самимъ поэтомъ, снабжая каждую изъ нихъ въ отдѣльности необходимыми поясненіями.

I. Видѣніе короля (стр. 222). Переведено изъ Мериме, который озаглавилъ этотъ разсказъ: „Видѣніе Ѳомы II, короля Босніи". Важнѣйшее отступленіе П. отъ подлинника состоитъ въ пропускѣ строфы, слѣдующей за окончаніемъ видѣнія: „Видѣли ли вы, какъ блестящая звѣзда пробѣгаетъ по небу

быстрымъ полетомъ, освѣщая далекую землю? Скоро этотъ сверкающій метеоръ пропадаетъ въ ночи, и мракъ возвращается еще сильнѣе прежняго: такъ пропало видѣніе Стефана-Ѳомы". Пушкинъ почувствовалъ, что такое сравненіе неумѣстно въ народной пѣснѣ (Поливановъ, II, 263). Другое отступленіе заключается въ упрощеніи подлинника: П. встрѣчаетъ при описаніи ужаса короля, отправляющагося ночью въ Божію церковь, фразу: „Тогда онъ взялъ лѣвой рукой амулетъ испытаннаго свойства, и уже спокойнѣе вошелъ въ большую церковь Ключъ-города". Этотъ амулетъ есть черта нравовъ, вычитанная въ путешествіи Фортиса и довольно хитро введенная въ разсказъ; но П. минуетъ ее, замѣщая другой, совершенно народной подробностью: „Но великую творитъ онъ молитву..." (Анненковъ, Мат., 370).

II. Янко Марнавичъ (стр. 225). Переводъ пьесы Мериме: „Огонь въ Перрусичѣ", съ незначительными отступленіями отъ подлинника, изъ которыхъ важнѣйшія заключаются въ устраненіи указаній на католическіе обычаи при молитвѣ и въ замѣнѣ сравненіи Янко съ быкомъ, испуганнымъ слѣпнями, — сравненіемъ его съ воломъ, ужаленнымъ змѣей.

III. Битва у Зеницы Великой (стр. 227). Переводъ пьесы Мериме подъ тѣмъ же заглавіемъ. Примѣчанія къ ней также взяты у Мериме. Въ переводѣ П. исключилъ названіе „заповѣдной рѣчки" Цеттины и замѣнилъ имя Ѳомы именемъ Георгія.

IV. Ѳеодоръ и Елена (стр. 228). У Мериме: „Прекрасная Елена". П. отбросилъ начало этой пѣсни и сократилъ ее.

V. Влахъ въ Венеціи (стр. 231). У Мериме: „Le Morlaque à Venise“. Морлаки, т. е. морскіе или приморскіе влахи, — славянскіе обитатели далматинскихъ горъ.

VI. Гайдукъ Хризичъ (стр. 232). Близкій переводъ изъ Мериме, у котораго эта пѣсня озаглавлена: „Храбрые гайдуки“, но героемъ является не Хризичъ, а Христичъ Младинъ.

VII. Похоронная пѣсня (стр. 234). Пушкинъ нѣсколько сократилъ эту пѣсню, а въ примѣчаніи перепечаталъ составленную Мериме біографію вымышленнаго славянскаго пѣвца Іакинѳа Маглановича.

VIII. Марко Якубовичъ (стр. 235). У Мериме — „Константинъ Якубовичъ“. Переводъ, въ которомъ П. замѣнилъ, также имя жены Константина — Миляды, именемъ Зои, нѣсколько сокращенъ; въ особенности опущены разныя мелкія бытовыя подробности, введенныя Мериме ради „мѣстнаго колорита“ и чуждыя для русскаго читателя.

IX. Бонапартъ и черногорцы (стр. 238). У Мериме — просто „Черногорцы“. Пропускъ послѣ строфы 5-й находится и въ оригиналѣ, гдѣ къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе: „Ici manque une stance“.

X. Соловей (стр. 240). Переведено изъ сборника Караджича. Черновой переводъ — въ рук. Моск. Муз. № 2375, л. 18 об. и 35, гдѣ выписаны также 4 начальные стиха подлинника:

Славуј птица мала сваком покој дала,
А мени јунаку три туге задала:

Прва ми је туга на срдашцу моме,
Шта ме није мајка оженила млада.

Варіанты:

Соловей мой, соловейчикъ,
Птица малая, ночная,
У тебя ли, малой птицы,
Неизмѣнныя три пѣсни.
. . . . . .
А въ ногахъ вы проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки, —
Заплетутъ себѣ вѣночки;
Пройдетъ мимо божій старецъ, —
Тотъ воды себѣ зачерпнетъ.

Въ подлинникѣ пѣсня называется: „Три величайшихъ печали". Проф. Кулаковскій („Славянскіе мотивы въ творчествѣ П.", Варш. 1899, стр. 7) указываетъ на ошибку П., который неправильно прочелъ: „мене је мајка оженила млада" и перевелъ: „Рано молодца женили". Получается, такимъ образомъ, нѣкоторая нелогичность и неестественность положенія для народнаго мотива, ибо женатый не долженъ имѣть „милой", кромѣ жены, и народная пѣсня не станетъ воспѣвать подобнаго горя. И вотъ, П. почувствовалъ эту неестественность положенія молодца и потому ввелъ особое объясненіе „третьей бѣды": разлучили молодца съ красной дѣвицей злые люди. Между тѣмъ, у Караджича этотъ стихъ читается: „Шта ме није мајка оженила млада", т. е. что мать не женила молодца. Слѣдовательно, если бы мать женила сына, — не было бы у него того горя, что милая разгнѣвалась на него, ибо у него не было бы и милой.

XI. Пѣсня о Георгіи Черномъ (стр. 240), по мнѣнію Анненкова, „принадлежитъ самому П. безраздѣльно", какъ и слѣдующая пѣсня о Милошѣ. Съ судьбою Георгія Чернаго или Кара-Георгія II, познакомился еще въ бытность свою въ Кишиневѣ, гдѣ имъ написано стихотвореніе „Дочери Кара-Георгія" (I, 269, 573).

XII. Воевода Милошъ (стр. 242). Милошъ Обреновичъ (1780 — 1860) былъ правителемъ Сербіи съ 1813 по 1839 г. Въ 1815 г. онъ поднялъ возстаніе противъ турокъ и въ 1817 г. былъ провозглашенъ первымъ сербскимъ „кнезомъ". Съ этого времени Сербія стала самостоятельнымъ, хотя и вассальнымъ государствомъ. „Велійскаго" ущелья мы не нашли въ географическихъ описаніяхъ Сербіи; возстаніе поднято было Милошемъ не въ ущельѣ, а въ самомъ Бѣлградѣ: онъ вышелъ къ своимъ воеводамъ, развернулъ знамя и воскликнулъ: „Вотъ я, а вотъ и вы, — война туркамъ!"

XIII. Вурдалакъ (стр. 243). У Мериме озаглавлено: „Jeannot".

XIV. Сестра и братья (стр. 243). Переведено изъ сборника Караджича, гдѣ эта пѣсня называется: „Богъ никому не остается долженъ". „Пушкинъ, — говоритъ проф. Кулаковскій (op. cit., 10), — ничего не перемѣнилъ въ этомъ произведеніи. Онъ воспріялъ въ себя весь духъ, весь смыслъ сербской былины и прекраснымъ стихомъ сербскаго склада передалъ эпическій разсказъ, ни одной чертой не внося своего лиризма".

XV. Янышъ-королевичъ (стр. 247). Содержаніе этой пѣсни, по указаніямъ комментаторовъ, заимствовано изъ чешскаго народнаго преданія. Ближайшимъ образомъ опредѣлить этотъ источникъ намъ не удалось.

XVI. Конь (стр. 250). У Мериме — „Конь Ѳомы II". Обращеніе хозяина къ коню П. передалъ языкомъ народнаго просторѣчія, тонъ же зловѣщаго отвѣта коня поднялъ и обогатилъ поэтической картиной его прошлой привольной жизни. Уничтоженіе имени короля придало стихотворенію болѣе общее значеніе (Поливановъ, II, 277).

Вотъ точный переводъ пьесы Мериме:

„Что ты плачешь, мой прекрасный бѣлый конь? Отчего ты ржешь такъ печально? Не одѣтъ-ли ты сбруей довольно богатой по твоему вкусу? Не серебряныя-ли у тебя подковы съ золотыми гвоздями? Не серебряные ли колокольчики у тебя на шеѣ, и не царя ли плодоносной Босніи носишь ты на себѣ?" — „Я плачу, господинъ мой, потому, что невѣрный сниметъ мои серебряныя подковы, и мои золотые гвозди, и мои серебряные колокольчики. И я ржу, господинъ мой, потому, что изъ кожи короля Босніи невѣрный сдѣлаетъ мнѣ сѣдло".

XVII. Отрывокъ (стр. 250). Переводъ начальныхъ строкъ былины, въ „Песнарицѣ" Караджича озаглавленной: „Печальная пѣсня благородной Асанъ-агиницы". Эта пѣсня была первой сербской былиной, которая сдѣлалась извѣстна въ Европѣ: аббатъ Фортисъ напечаталъ ее въ подлинникѣ и въ итальянскомъ переводѣ въ своемъ „Путешествіи по Далмаціи" 1774 г.; съ этого перевода ее перевелъ

на нѣмецкій языкъ Гердеръ въ своихъ „Голосахъ народовъ"; Мериме перевелъ ее на франц. яз.; Востоковъ напечаталъ свой переводъ въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1827 г., стр. 277. Подлинная рукопись пушкинскаго перевода найдена Шляпкинымъ въ бумагахъ Анненкова. Она читается такъ:

Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой, —
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы?
Былъ бы снѣгъ, — онъ бы растаялъ,
Были бъ лебеди, — они бъ улетѣли.
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатеръ аги Асанъ-аги;
Онъ лежитъ въ немъ весь люто израненъ.
Посѣтили его сестра и матерь:
Его люба не можетъ, — застыдилась.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
„Не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
„Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ".
Какъ услышала мужнины рѣчи,
Запечалилась бѣдная кадуна . . . *)
Она слышитъ, — на дворѣ бьютъ кони . . .
Побѣжала Асанъ-агиница,
Хочетъ броситься, бѣдная, въ окошко;
За ней вспять двѣ милыя дочки.
„Воротися, милая мать наша!
„Пріѣхалъ не мужъ, Асанъ-ага,
„А пріѣхалъ братъ твой, Пинторъ".
Воротилась Асанъ-агиница
И повисла она брату на шею:
„Братецъ милый! Что за посрамленье!

*) Кадуна—тур. жена.

„Меня гонятъ отъ пятерыхъ дѣтокъ...“
(Шляпкинъ, 32).

Эта редакція, какъ болѣе полная и правильная, должна замѣнить собою помѣщенную нами въ текстѣ настоящаго тома.

Сказки (стр. 252-322). „Знаешь ли мои занятія?“ писалъ П. брату Льву изъ Михайловскаго, въ концѣ октября 1824 г.: „До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ; вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“ Коротая долгіе осенніе и зимніе вечера своего деревенскаго уединенія, поэтъ заставлялъ няню Арину Родіоновну сказывать сказки, — и не только слушалъ ихъ, но и записывалъ, набрасывая на бумагу матеріалъ для будущей обработки. Кажется, всего раньше воспользовался онъ изъ этихъ записей тѣми подробностями сказки о царѣ Салтанѣ, которыя были внесены въ прологъ къ „Руслану и Людмилѣ“. Мы не знаемъ точно числа сказокъ, записанныхъ Пушкинымъ; но несомнѣнно сюда принадлежатъ: 1) сказка о женихѣ, передѣланная поэтомъ въ балладу; 2) о рыбакѣ и рыбкѣ, принявшая форму „сербской пѣсни“; 3) о царѣ Салтанѣ; 4) о попѣ и его работникѣ; 5) о мертвой царевнѣ, и 6) о золотомъ пѣтушкѣ. Кромѣ этихъ сказокъ, обработанныхъ впослѣдствіи самимъ Пушкинымъ, онъ передалъ свою запись сказки о царѣ Берендеѣ Жуковскому, когда, въ 1831 году, вступилъ съ нимъ въ поэтическое состязаніе по стихотворной обработкѣ народныхъ сказочныхъ мотивовъ, и сохранилъ въ своихъ тетрадяхъ передачу въ сжатомъ видѣ содержанія нѣсколькихъ

сказокъ: о Кащеѣ Безсмертномъ, его дочери и Иванѣ-царевичѣ; о царѣ, его невѣрной женѣ и царевичѣ, повидимому, — варіантъ изъ цикла сказаній о Соломонѣ, затѣмъ — три сказки съ чертовщиной. Сказки, записанныя, но не обработанныя Пушкинымъ, помѣщены нами въ приложеніи къ настоящему тому, а записи, подвергшіяся обработкѣ, приведены въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ сказкамъ. Кромѣ того, въ одной изъ черновыхъ тетрадей поэта (Моск. муз. № 2370, л. 40, ср. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 17) мы находимъ обрывокъ программы:

„Иванъ-царевичъ поѣхалъ [на конѣ] по горамъ охотой... [поѣхалъ охотой въ лѣса]... за бурымъ волкомъ, разъ [травили... лису]... гонялся...“

А въ другой тетради (Моск. Муз. № 2375, л. 21 и 32 об., ср. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 650) — отрывокъ изъ какой-то сказки, уже переложенный въ стихи:

Царь увидѣлъ предъ собою
Столикъ съ шахматной доскою...

Вотъ, на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
Подбоченясь на лошадкахъ,
Въ коленкоровыхъ перчаткахъ,
Въ оперенныхъ шишачкахъ,
Съ палашами на плечахъ...
[Тутъ лохань передъ собою
Приказалъ налить водою]
Передъ шахматной доскою
На столѣ — лохань съ водою;

Плавать онъ пустилъ по ней
[Кучу дивныхъ кораблей]
Тьму прекрасныхъ кораблей,
Барокъ, каторогъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ...
. . . . . .
А прозрачныя вѣтрильца —
Будто бабочкины крыльца.

Изъ своихъ сказочныхъ матеріаловъ П. сообщилъ также В. И. Далю содержаніе сказки о Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ, которую тотъ изложилъ своимъ обычнымъ ультра-народнымъ стилемъ. См. статью В. Ѳ. Миллера: „П., какъ поэтъ-этнографъ", въ Этнографич. Обозр. 1899, № 1-2, 132-192; Сумцова „Изслѣдованія" 276-316 и брошюру Яворскаго: „Къ исторіи пушкинскихъ сказокъ", 1899.

I. Царь Никита (стр. 252). Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 328, по рук. Моск. Муз. № 2366, л. 9 об., гдѣ вырвано нѣсколько листовъ, на которыхъ, можетъ быть, находилось продолженіе сказки, печатающееся въ заграничныхъ изданіяхъ по записи со словъ Л. С. Пушкина. Сказка эта, написанная еще въ 1822 г., въ Кишиневѣ, на очень нескромный фантастическій сюжетъ, замѣчательна какъ первый образецъ того „сказочнаго" стихотворнаго размѣра, который впослѣдствіи, 9 лѣтъ спустя, былъ примѣненъ Пушкинымъ къ передачѣ народныхъ сказокъ.

II. Женихъ (стр. 253). Моск. Вѣстн. 1827, № 13, стр. 3. Къ 1825 г. отнесено самимъ Пушкинымъ. Черновые наброски находятся въ рукописи

Моск. Муз. № 2370, л. 30 (ср. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 10) среди набросковъ 4-й главы „Онѣгина“ и „Цыганъ“, почему и должны быть отнесены къ концу 1824 и началу 1825 г. Задумавъ обработать въ видѣ баллады сюжетъ, почерпнутый, вѣроятно, изъ расказовъ няни, поэтъ еще не прибѣгаетъ здѣсь къ „сказочному“ стиху, а останавливается на 8-мистрочной строфѣ съ риѳмами, освященной „балладникомъ“ Жуковскимъ“. Но выборъ стихотворнаго размѣра нисколько не повредилъ народности, проявившейся въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, въ силѣ и мѣткости языка, пересыпаннаго поговорками, въ типичности свахи и въ діалогической формѣ изложенія наиболѣе драматическихъ мѣстъ. Изъ разсмотрѣнія болѣе 20 варіантовъ того же сюжета проф. Сумцовъ (Изслѣд., 276-286) приходитъ къ заключенію, что П. передалъ всѣ главные мотивы сказки въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ идутъ въ большинствѣ варіантовъ. Любопытно, что въ первоначальномъ наброскѣ своей баллады П. назвалъ купеческую дочь „Татьяной“; сонъ Наташи представляетъ литературную параллель со сномъ Татьяны въ „Онѣгинѣ“...

III. Начало сказки (стр. 259). Анн., Мат., 146. Находится въ рукописи Моск. Муз. № 2376 В, л. 5, по которой и исправлено въ изд. Лит. Фонда, II, 113. „Намъ неизвѣстно, говоритъ В. Ѳ. Миллеръ въ указанной выше статьѣ, — „какъ повелъ бы П. дальше свою сказку о медвѣдицѣ, почему онъ не возвращался болѣе къ этому виртуозному началу... Но тѣмъ сильнѣе заинтересовываетъ насъ облекающая отрывокъ тайна. Передъ нами — какъ будто запись подлинной народной пѣсни; но, всматриваясь

въ нее пристальнѣе, мы замѣчаемъ, что это — попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохранить весь колоритъ народности, незлобивый юморъ, мѣткія характеристики, типическій стихъ, — попытка, дающая, какъ справедливо выразился Анненковъ, впечатлѣніе деревенской пѣсни, пропѣтой великимъ мастеромъ. Мы не можемъ точно указать простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался П.: по всей вѣроятности, это не была одна опредѣленная пѣсня. Въ сказкѣ о медвѣдицѣ мы видимъ скорѣе такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ и въ его знаменитомъ прологѣ къ „Руслану“, — этомъ дивномъ калейдоскопѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ...“

IV. О царѣ Салтанѣ (стр. 261). Напечатана въ 1831 г. въ особой брошюрѣ, вмѣстѣ съ сказками Жуковскаго; но эта брошюра назначена была Жуковскимъ только для Высочайшихъ особъ; публика же познакомилась со сказкой П. только въ 1832 г., въ III-й части „Стихотвореній“. Друзья поэта находили въ „Салтанѣ“ зародышъ новаго періода литературы, возможность новаго въ ней направленія; сказка вызвала между ними много толковъ. Однимъ изъ самыхъ восторженныхъ ея поклонниковъ явился Н. И. Гнѣдичъ, который привѣтствовалъ автора посланіемъ:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!

Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гете, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра:
Ты — нашъ Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!
а я — его истинный почитатель и покорнѣйшій слуга.
Апр. 23, 1832.
(Напеч. по подлиннику Шляпкинымъ, 169).

Противоположный отзывъ („его сказка равна одной изъ нашихъ старыхъ сказокъ... и даже не лучшая") находимъ у Баратынскаго (Рачинскій, Татевскій Сборникъ, Спб. 1899, стр. 49). Бѣлинскій (изд. Венгерова, II, 415) также сурово отозвался обо всѣхъ вообще сказкахъ П.: „Онѣ, конечно, рѣшительно дурны, конечно, поэзія и не касалась ихъ; но, все-таки, онѣ цѣлою головою выше всѣхъ попытокъ въ этомъ родѣ другихъ нашихъ поэтовъ. Мы не можемъ понять, что за странная мысль овладѣла имъ и заставила тратить свой талантъ на эти поддѣльные цвѣты. Русская сказка имѣетъ свой смыслъ, но только въ такомъ видѣ, какъ создала ее народная фантазія; передѣланная же и прикрашенная, она не имѣетъ рѣшительно никакого смысла". Критикъ находилъ заслуживающею вниманія только сказку о рыбакѣ и рыбкѣ — „болѣе всего по ея размѣру чисто-русскому" (? размѣръ ея, какъ мы видѣли, — сербскій). За то Гоголь въ восторгѣ писалъ: „П. окончилъ свою сказку. Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской

поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣ же самые зодчіе поведутъ и стѣны, и куполъ, на славу вѣкамъ!" (Рус. Арх. 1871, 147).

Мысль объ этой сказкѣ занимала Пушкина въ разныя эпохи его жизни. Еще въ бытность свою въ Кишиневѣ, въ 1822 г., поэтъ занесъ въ одну изъ своихъ тетрадей (Моск. Муз. № 2366, л. 30 об., ср. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 334) слѣдующую краткую программу сказки:

„Царь не имѣетъ дѣтей. Слушаетъ трехъ сестеръ: когда бы я была царица, то я бы [выстроила дворецъ] всякій день пр... Когда бы я была царица, завела бы... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война; царь на войнѣ; [царевна *) рождаетъ сына], гонецъ etc. Царь **) умираетъ бездѣтенъ. Оракулъ, буря, ладья. Избираютъ его царемъ — онъ правитъ въ славѣ — ѣдетъ корабль — у Салтана рѣчь о новомъ государѣ. Салтанъ хочетъ послать пословъ, царевна ***) посылаетъ своего повѣреннаго гонца, который клевещетъ. Царь объявлетъ войну — царица ***) узнаетъ его съ башни..."

Затѣмъ, въ 1828 г. (Моск. Муз. № 2368, л. 59, ср. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 543) поэтъ записалъ, со словъ няни, слѣдующую сказку:

„Нѣкоторый царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого; подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ

*) Т. е. молодая жена царя.
**) Того острова, куда выброшена лодка съ царицей и царевичемъ.
***) Первая жена царя.
****) Мать царевича.

перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ, рѣшилась ее погубить. Послѣ 9-ти мѣсяцевъ царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками—а 34-й уродился чудомъ: ножки по колѣни серебряныя, ручки по локотки золотыя, во лбу звѣзда, въ затылкѣ мѣсяцъ. Послали извѣстить о томъ царя: мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала, что царица разрѣшилась не мышью, не лягушкой, невѣдомой звѣрюшкой. Царь опечалился, но съ тѣмъ же гонцомъ повелѣлъ дожидаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе, чтобы заготовить двѣ бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ — бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленной бочкѣ; наконецъ море выкинуло ихъ на землю. Сынъ замѣтилъ это: матушка ты моя, благослови ты меня на то, чтобъ разсыпались обручи и вышли бы на свѣтъ. — „Господь благослови тебя, дитятко“. Обручи лопнули, они вышли на островъ, сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить, да поживать. Ѣдетъ мимо корабль: царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и, узнавъ, что ѣдутъ они къ Султану Султановичу, турецкому государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними. Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости-корабельщики разсказываютъ царю о новомъ государствѣ и о чудномъ отрокѣ: ноги серебряныя и проч. „Ахъ! говоритъ царь, поѣду посмотрѣть это чудо“.—Что за чудо, говоритъ мачиха, вотъ

что чудо: у моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ. Царевичъ прилетѣлъ домой и, съ благословенья матери, перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый корабль. Тоже опять. Тотъ же разговоръ у Султана — царь опять хочетъ ѣхать. „Что это за чудо“ говоритъ опять мачиха, „вотъ чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова; боровы грызутся, а межь ими сыплется золото да серебро“ и проч. Третій корабль и проч. такъ же. „Что за чудо, а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь-въ-точь ровны и голосомъ, и волосомъ, и лицомъ, и ростомъ и выходятъ они изъ моря только на единъ часъ“.

Тужитъ царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичъ, съ ея благословенія, берется ихъ отыскивать. „Нацѣди ты, матушка, своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ“. Онъ идетъ къ морю, море сколыхалося и вышли 30 юношей и съ ними старикъ, а царевичъ спрятался и оставилъ одну лепешечку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ ее: „Ахъ, братцы, говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали“. — Старикъ погналъ ихъ въ море. На другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешечкѣ и познали брата своего. На третій день вышли безъ старика — и царевичъ привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль — то же самое. Мачихѣ уже болѣе дѣлать нечего. — Царь Султанъ ѣдетъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей — и возвращается домой, а мачиха умираетъ“.

Наконецъ, въ третьей тетради, также 1828 г.

(Моск. Муз. № 2371, л. 15 об., ср. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 40), написано начало сказки уже стихами, до словъ: „Родила богатыря", а затѣмъ слѣдуетъ программа дальнѣйшаго разсказа:

„Только успѣла она выговорить сіи слова, какъ дверь отворилась и царь вошелъ безъ доклада. Царь имѣлъ привычку гулять поздно по городу и подслушивать рѣчи своихъ подданныхъ. Онъ съ пріятной улыбкой подошелъ къ меньшой сестрѣ, взялъ ее за руку и сказалъ: „Будь же царицей и роди мнѣ царевича". Потомъ, обратясь къ старшей и средней, сказалъ онъ: „Ты будь у меня при дворѣ ткачихой, а ты кухаркой". Съ этимъ словомъ, не давъ имъ образумиться, царь два раза свистнулъ; дворъ наполнился воинами и царедворцами; серебряная карета подъѣхала къ самому крыльцу. Царь сѣлъ въ нее съ новою царицей, а свояченицъ велѣлъ везти во дворецъ; ихъ посадили въ телѣги, и всѣ поскакали".

V. О попѣ и Балдѣ (стр. 289). Сынъ Отеч. 1840, № 5, подъ заглавіемъ: „Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ" и съ соотвѣтствующими передѣлками Жуковскаго. По рукописи Моск. Муз. № 2376 Б впервые возстановлена въ подлинномъ видѣ въ изд. Лит. Фонда, III, 451. Въ рукописи Музея № 2368 л. 56 об., находится запись этой сказки со словъ няни, въ слѣдующемъ видѣ:

Попъ поѣхалъ искать работника. Навстрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ попу. Попъ радехонекъ, попадья говоритъ: „Каковъ щелкъ будетъ". Балда дюжъ и работящъ — но срокъ уже

близокъ, и попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать. Балда беретъ пеньку, смолу, да дубину — садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду, и въ водѣ охнуло: „Кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?“ — и вылѣзъ старый: Что тебѣ надо? — „Оброкъ сбираю.“ — А вотъ, внука я пришлю къ тебѣ съ переговорами. — Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ. — Бѣсенокъ выскочилъ. — Что ты, Балда? „Да вотъ сбираюсь море морщить, да васъ чертей, корчить“. Бѣсенокъ перепугался. — „Тотъ заплатитъ попу оброкъ, кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря“. Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. „Ахъ, дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ“. Новая выдумка. Кто прежде обѣжитъ около моря? — „Куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? Да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только что я“. — А гдѣ твой меньшой братъ? У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ запыхавшись обѣжалъ, а Балда гладитъ уже другого, приговаривая: усталъ ты, бѣдненькій братецъ, три раза обѣжалъ около моря“. Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобы зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Попъ, видя Балду, бѣжитъ и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей, утопляетъ ночью попадью вмѣсто его и проч.

Балда у царя; дочь одержима бѣсомъ; Балда подъ страхомъ висѣлицы берется вылѣчить царевну; съ нею ночуетъ, беретъ съ собою орѣхи желѣзные

и старыя карты, да молотокъ; знакомаго бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи, играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ. На другую ночь то же; на третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается. — „Что такое, Балда?“ — Пить хочетъ — всунь ему стручекъ-то свой, свою дудочку въ ротъ. — Бѣсенокъ пойманъ и высѣченъ, и пр.

VI. О РЫБАКѢ И РЫБКѢ (стр. 295). Библ. для Чтенія 1835, № 5. Въ рукописи Моск. Муз. № 2376 В — съ помѣтой: „18-я пѣсня сербская“, что объясняется, конечно, принятымъ для этой сказки сербскимъ эпическимъ размѣромъ, такъ какъ по содержанію она представляетъ передѣлку не сербской а русской сказки, и притомъ — довольно близкую. Поливановъ (II, 288) приводитъ очень близкій къ пушкинскому тексту варіантъ изъ сборника сказокъ Аѳанасьева (т. I, 39) и высказываетъ предположеніе, — не изъ портфеля-ли Пушкина взятъ этотъ варіантъ. Извѣстно, что въ сборникъ Аѳанасьева вошла значительная доля сказокъ, доставленныхъ Далемъ, а Даль въ послѣдніе годы жизни Пушкина былъ съ нимъ очень близокъ.

VII. О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ (стр. 301). Библ. для Чтенія 1834, № 2. Въ рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 53, сохранился слѣдующій отрывокъ сказки, записанный со словъ няни (ср. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 547):

Царевна заблудилась въ лѣсу. Находитъ домъ пустой, убираетъ его. 12 братьевъ пріѣзжаютъ: ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то, или мужчина, или женщина. Коли мужчина, — будь намъ отецъ род-

ной или братъ названный; коли женщина — будь намъ мать или сестра... Сіи братья враждуютъ съ другими 12-ю богатырями; уѣзжая, они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку: если кровію нальется, то не жди насъ. Пріѣзжая назадъ, спятъ они сномъ богатырскимъ: первый разъ — 12 дней, второй — 24, третій — 31. Противники пріѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель — и проч.

Мачиха ея приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищенки; собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ея. Она даетъ царевнѣ рубашку, которую та надѣвъ умираетъ. Братья хоронятъ ее въ гробницѣ, натянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичъ влюбляется въ ея трупъ, и проч.

И. А. Шляпкинъ нашелъ рукопись Сказки о мертвой царевнѣ въ Берлинской королевской библіотекѣ и напечаталъ ее въ Рус. Стар. 1893, т. 77, стр. 220-240. Черновой текстъ представляетъ довольно много варіантовъ, но незначительныхъ, которыхъ мы, поэтому, здѣсь и не приводимъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Къ стр. 303:

Ты прекрасна, слова нѣтъ...
Ахъ, ты, глупое стекло!
Это лжешь ты мнѣ на зло!..
Мать брюхатая сидѣла...

Къ стр. 307:

Иль башку съ могучихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Иль свинцомъ подбавить вѣсу
Пятигорскому черкесу...

Конецъ сказки:

И никто такого пира
Не видалъ съ начала міра.
Сказка — ложь, да намъ урокъ,
А иному — и намекъ.

Два послѣдніе стиха, въ измѣненномъ видѣ, перенесены Пушкинымъ въ конецъ Сказки о золотомъ пѣтушкѣ, см. стр. 322.

VIII. О золотомъ пѣтушкѣ (стр. 316). Библ. для Чтенія 1835, № 4, съ пропускомъ стиха: „Царствуй, лежа на боку!“ и двухъ послѣднихъ. Это цензурное искаженіе очень раздражило Пушкина, который замѣтилъ въ своемъ дневникѣ по этому поводу, что „Никитенко (цензоръ) глупѣе Бирукова“. Черновая сказка находится въ Моск. Муз. № 2374, лл. 20-23; перебѣленная самимъ Пушкинымъ — въ Имп. Публ. Б-кѣ, откуда взята нами и выставленная подъ сказкою помѣта. Въ этой же послѣдней рукописи находится слѣдующій, составленный Пушкинымъ, списокъ сказокъ:

„Простонародныя сказки. I. Сказка о женихѣ. — II. О царевнѣ-лебеди. — III. О мертвой царевнѣ. — IV. О Балдѣ. — V. О золотой рыбкѣ. — VI. О золотомъ пѣтушкѣ“.

Приложеніе (стр. 323-348):

I. Пѣсни, записанныя для П. В. Кирѣевскаго (стр. 323). Этногр. Обозрѣніе 1899, № 1-2, стр. 185-190.

Извѣстный собиратель рус. народныхъ пѣсенъ Петръ Вас. Кирѣевскій (1808-1856), въ предисловіи къ своему собранію, нап. въ Чтеніяхъ Общ.

исторіи и древностей 1848, № 9, сообщаетъ, что еще въ самомъ началѣ его предпріятія собиранія пѣсенъ П. доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губ. Однако ни одна изъ нихъ не вошла въ число пѣсенъ, изданныхъ при жизни Кирѣевскаго. Ѳ. И. Буслаевъ, описывая въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ посѣщеніе Кирѣевскаго въ 40-хъ гг., передаетъ свой разговоръ съ нимъ по поводу его пѣсеннаго собранія. „Вотъ эту пачку“, сказалъ К., „далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку, — никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, — пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“ (Вѣстн. Евр. 1891, окт., 637).

Этой пушкинской тетради не нашлось въ бумагахъ К., хранящихся въ Моск. Публ. Музеѣ; но въ числѣ этихъ бумагъ оказалось приготовленное къ печати самимъ К. и уже процензурованное въ 1838 г. собраніе свадебныхъ пѣсенъ; здѣсь-то и находятся тѣ 12 пѣсенъ, которыя, по указанію К., взяты изъ пушкинскаго сборника и снабжены краткими примѣчаніями поэта, съ пояснительной замѣткой К.: „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ, въ Псковской губерніи“.

II. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ (стр. 329). Порядокъ 1881, № 11. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ, сдѣланный Д. П. Голохвастовымъ въ газ.

Русь 1881, №№ 11, 13, 16, и Я. К. Гротомъ (Пушк., 135-141), показалъ, что онѣ не сочинены П., а только записаны имъ, чѣмъ и отличаются отъ сочиненныхъ имъ и напечатанныхъ выше, на стр. 27.

III. Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ (стр. 330). Порядокъ 1881, № 11. Старинная пѣсня, кажется, — новгородскаго происхожденія, которую поэтъ записалъ, вѣроятно, въ Псковской губ. Варіанты этой широко извѣстной пѣсни см. въ сборникѣ акад. Соболевскаго, т. I.

IV. Изъ тетрадей Пушкина (стр. 332). Тамъ же. Двѣ предыдущія пѣсни и третья: „Какъ за церковью..." находятся въ рукописи Моск. Муз. № 2368, л. 52 об. — 50 об. Остальныя три пѣсни находятся въ рукописи Моск. Муз. № 2371, л. 30 об. — 31 об., по которой и напеч. въ Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 328-329 и въ изд. Лит. Фонда, I, 372 и II, 162.

V. Сказки, записанныя Пушкинымъ (стр. 334). Первая — у Анн., Мат., 431; остальныя — въ Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 545-547, по рук. Моск. Муз. № 2368.

VI. Пѣсни, переведенныя Пушкинымъ (стр. 340). Рус. Арх. 1885, № 3, стр. 451-460, по автографу, принадлежащему г. Курису. Это небольшая тетрадка, 7 стр. въ 4-ку; въ заглавіи рукою Пушкина написано: „Chansons Russes" и рукою Леве-Веймарса прибавлено: „traduites par Alex. de Pouschkine pour son ami L. de Weimars aux îles de la Néva, datcha Brovolsky, juin 1836". Къ тетрадкѣ

приложено письмо Л.-Веймарса къ ученому антикварію Фелье-де-Коншу, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Voici les autographes inédits de Pouschkine... Ils sont précieux, car c'est un travail qu'il a fait pour moi seul, quelques mois avant sa mort, dans la campagne de Kamennoï Ostrow,... où j'ai passé de bien bons moments".

Леве-Веймарсъ (François-Adolphe baron de Loewe-Weimars, 1801-1854), французско-нѣмецкій литераторъ, критикъ и переводчикъ, одинъ изъ друзей Гейне, былъ присланъ въ Петербургъ Тьеромъ, съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ, и провелъ здѣсь лѣто и осень 1836 г. Подробное изслѣдованіе сдѣланныхъ Пушкинымъ переводовъ и сопоставленіе ихъ съ извѣстными по нашимъ сборникамъ варіантами принадлежитъ Н. Н. Трубицыну и напеч. въ сборникѣ „Памяти Пушкина" преподавателей и слушателей ист.-фил. фак. Спб. университета, Спб. 1900, стр. 351-388.

Дополнительныя примѣчанія

къ тому I.

Къ стр. 381. Наброски: „Стою печаленъ на кладбищѣ" и „Надо мной въ лазури ясной" найдены проф. Шляпкинымъ въ автографахъ, и по бумагѣ, на которой написаны, должны быть отнесены не къ 1824, а къ *1830* году. Первый изъ нихъ представляетъ варіанты, которыя приводятся нами въ примѣчаніяхъ къ повѣсти „Станціонный Смотритель" (т. V).

Къ стр. 382. Набросокъ: „Два чувства дивно близки намъ", также найденный Шляпкинымъ въ бумагахъ Анненкова, написанъ на бумагѣ съ водя-

нымъ знакомъ 1829 г. и относится, вѣроятно, къ 1830 г. Шляпкинъ возстановляетъ его по двумъ черновымъ въ слѣдующемъ видѣ:

Два чувства дивно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
На нихъ основано отъ вѣка,
По волѣ Бога самого,
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.

Послѣдніе четыре стиха въ другой черновой редакціи читаются:

Земля безъ нихъ была-бъ пустыня,
Безъ . . . безъ нихъ и бытія
. . . . . отечества святыня
И . семья.
(Шляпкинъ, 15, 20 — 21).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ,

помѣщенныхъ въ I и II томахъ.

Абамелекъ, кн. А. Д. II, 169.
Avez-vous vu la tendre rose I, 51.
Аглаѣ (Къ) I, 279.
Адели I, 326.
Аквилонъ I, 352.
Актрисѣ (Къ молодой) I, 54.
Алексѣеву, Н. С. I, 291.
Альбомныя стихотворенія:
Вульфъ, А. Н. II, 78.
Вульфъ, Евпр. Н. II, 39.
Вяземскому, кн. П. П. II, 44.
Гонимый рока самовластьемъ II, 169.
Гончаровой, Н. Н. II, 155.
Долго сихъ листовъ завѣтныхъ II, 169.
Зубову, А. Н. I, 208.
Илличевскому I, 211.
Иностранкѣ I, 349.
Кернъ, А. П. II, 457.
Олениной, А. А. II, 172.
Пущину, И. И. I, 211.
Россетти, А. О. II, 164.
Сленину, И. В. II, 88.
Сосницкой, Е. Я. I, 234.
Ушаковой, Ек. Н. II, 49, 120.

Ушаковой, Ел. Н. II, 98.
Хованской, кн. II, 410.
Альфіери (Изъ) II, 60.
Альфонсъ, II, 166.
Амуръ и Гименей I, 172.
Анакреона: Гробъ I, 131; Оды II, 195;
Фіалъ I, 175.
Анакреону подражаніе II, 89.
Ангелъ II, 46.
Андрей Шенье въ темницѣ II, 1.
Анониму (Отвѣтъ) II, 128.
Антологическій отрывокъ I, 584.
Анчаръ II, 79.
Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ I, 274.
Аракчееву (Эпиграммы) I, 265.
Арзамасской рѣчи отрывокъ I, 512.
Аристарху (Моему) I, 126.
Аристъ! И ты въ толпѣ... I, 36.
Аристъ намъ обѣщалъ... I, 89.
Аріонъ II, 51.
Аріосто (Изъ) II, 30.

Баболовскому дворцу (Къ) I, 206.
Бакуниной, Ек. П.:
Въ печальной праздности... I, 219.
Слеза I, 137.
Что можемъ наскоро... I, 206.
Баратынской, А. Д. (Абамелекъ) II, 169.
Баратынскому:
Изъ Бессарабіи I, 324.
Стихъ каждый повѣсти твоей II, 25.
Я жду обѣщанной тетради I, 325.
Батюшкову:
Въ пещерахъ Геликона I, 103.
Философъ рѣзвый и піитъ I, 63.
Безвѣріе I, 217.
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье II, 131.
Безсмертною рукой раздавленный зоилъ... I, 236.
Бестужеву, А. А. I, 378.
Благослови, поэтъ!.. I, 220.
Благословляю новоселье II, 122.

Блаженство I, 57.
Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ II, 64.
Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни I, 323.
Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою... I, 502.
Блеща средь полей широкихъ II, 100.
Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая II, 58.
Бова I, 91.
Богами вамъ еще даны... I, 192.
Богъ веселый винограда II, 196.
Богъ вѣсть, за что философы, піиты... I, 191.
Богъ помочь вамъ, друзья мои II, 59.
Боже, царя храни!.. I, 193.
Больны вы, дядюшка? I, 197.
Бородинская годовщина II, 158.
Брадатый староста Авдѣй II, 94.
Брату (Начало посланія) I, 332.
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ II, 110.
Будрысъ и его сыновья II, 180.
Булгарину Ѳ. В. (Эпиграммы) II, 122.
Буньяна (Изъ) II, 191.
Буря II, 25.
Буря мглою небо кроетъ II, 24.
Бывало, прежнихъ лѣтъ герой... I, 104.
Была пора: нашъ праздникъ молодой II, 216.
Былъ и я среди донцовъ II, 116.
Быть въ сраженіи похвально II, 480.
Быть можетъ, ужь недолго мнѣ II, 14.
Бѣги, сокройся отъ очей... I, 253.
Бѣсы II, 129.

Вакхическая пѣсня II, 9.
Вамъ восемь лѣтъ... I, 143.
Вамъ музы, милыя старушки II, 89.
Вашъ дѣдъ портной... I, 331.
Вдали ты зришь утесъ уединенный I, 43.
Вдовѣ (Къ молодой) I, 194.
Везувій зѣвъ открылъ... II, 562.
Великимъ быть желаю... I, 236.
Великій день Бородина II, 158.
Великопольскому, И. Е. II, 67.
Вельможѣ Къ) II, 123.

Вельяшевой, Е. В. II, 77.
Венерѣ отъ Лаисы I, 50.
Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ I, 338.
Вертоградъ моей сестры II, 9.
Веселый пиръ I, 240.
Вечерня отошла давно... I, 306.
Вечерняя заря въ пучинѣ догорала... I, 99.
Вечеръ (Зимній) II, 24.
Взгляни на милую, когда свое чело... I, 276.
Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ... I, 211.
Вино II, 172.
Виноградъ I, 366.
Вишня I, 144.
Внимаетъ онъ привычнымъ слухомъ... I, 209.
Вновь я посѣтилъ II, 205.
Внукъ Тредьяковскаго Клитъ... I, 90.
Во время оное, былое II, 117.
Во глубинѣ сибирскихъ рудъ II, 48.
Вода и вино I, 102.
Воевода II, 177.
Возвращеніе государя I, 140.
Возможно ль? Вмѣсто розъ... I, 50.
Возрожденіе I, 250.
Возстань, боязливый I, 373.
Возстань, о Греція! I, 343.
Война! Подъяты, наконецъ... I, 281.
Волконской, кн. З. А. II, 50.
Волконской, княжнѣ (Эпиграмма) I, 472.
Волконскому, младенцу, эпитафія II, 59.
Волненьемъ жизни утомленный II, 94.
Вольность, ода I, 253.
Вольтера (Изъ):

Венерѣ отъ Лаисы I, 50.
Дѣвственница II, 36.
Не вѣровалъ я Троицѣ II, 51.
Сновидѣніе I, 201.
Стансы I, 202.

Воронцову, гр. М. С. (Эпиграмма) I, 349.
Воронъ къ ворону летитъ II, 76.
Воспитанный подъ барабаномъ I, 378.

Воспоминаніе:
Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день II, 73.
Помнишь ли, мой братъ по чашѣ I, 135.
Воспоминаніе въ Ц. Селѣ: Воспоминаньями смущенный II, 108.
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ: Нависъ покровъ угрюмой нощи... I, 83.
Воспоминаньемъ упоенный... I, 263.
Воспоминаньями смущенный II, 108.
Вотъ Виля,—онъ любовью дышитъ I, 197.
Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ I, 212.
Вотъ зеркало мое... I, 50.
Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ II, 39.
Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ... I, 208.
Вотъ муза, рѣзвая болтунья... I, 308.
Вотъ, на шахматную доску II, 581.
Вотъ Хвостовой покровитель... I, 235.
Враги мои, покамѣстъ я ни слова II, 7.
Всеволожскому, Н. В. I, 256.
Все въ жертву памяти твоей II, 45.
Все въ ней гармонія, все диво II, 155.
Все въ таинственномъ молчаньѣ... I, 131.
Всегда такъ будетъ и бывало... I, 305.
Всей Россіи притѣснитель... I, 265.
Все кончено: межь нами связи нѣтъ... I, 379.
Все миновалось I, 28.
Все мое, сказало злато II, 59.
Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири I, 239.
Все призракъ, суета... I, 263.
Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ II, 403.
Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной... I, 168.
Вульфъ, А. Н. II, 78.
Вульфъ, Е. Н. II, 39.
Vous me demandez mon portrait... I, 68.
Вчера былъ день разлуки шумной I, 318.
Вчера за чашей пуншевою... I, 137.
Вчера мнѣ Маша приказала... I, 154.
Въ академіи наукъ II, 209.
Въ безмолвіи садовъ... II, 47.
Въ Геенѣ праздникъ I, 310.
Въ голубомъ эѳирѣ полѣ... I, 338.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный II, 46.
Въ Доридѣ нравятся и локоны златые... I, 261.
Въ еврейской хижинѣ лампада II, 165.
Въ его исторіи изящность, простота I, 235.
Въ жизни мрачной и презрѣнной I, 273.
Въ крови горитъ огонь желанья... I, 299.
Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной II, 18.
Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой... I, 339.
Въ младенчествѣ моемъ она меня любила... I, 277.
Въ молчаньѣ предъ тобой сижу... I, 195.
Въ надеждѣ славы и добра II, 43.
Въ началѣ жизни школу помню я II, 146.
Въ неволѣ скучной увядаетъ... I, 188.
Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ... I, 207.
Въ немъ радости мои... I, 191.
Въ отдаленіи отъ васъ... II, 49.
Въ печальной праздности я лиру забывалъ... I, 219.
Въ пещерахъ Геликона... I, 103.
Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья I, 674.
Въ полѣ чистомъ серебрится II, 189.
Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья... I, 212.
Въ послѣдній разъ твой образъ милый II, 139.
Въ пустынѣ чахлой и скупой II, 79.
Въ рощахъ карійскихъ II, 65.
Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой... I, 57.
Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною II, 456.
Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ II, 59.
Въ степи мірской, печальной и безбрежной II, 52.
Въ степяхъ зеленыхъ Буджака II, 93.
Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ... I, 284.
Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный... I, 308.
Въ тревогѣ пестрой и безплодной II, 164.
Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы I, 340.
Въ часы забавъ иль праздной скуки II, 121.
Въ чужбинѣ свято наблюдаю I, 323.
Въ элизіи Василій Тредьяковскій II, 112.
Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ... I, 308.
Выздоровленіе I, 230.
Выздоровленіе Лукулла (На) II, 203.
Вы избалованы природой II, 98.
Высоко надъ семьею горъ II, 102.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной... I, 234.
Вѣнецъ желаніямъ! (арзамасская рѣчь) I, 512.
Вяземскому, кн. П. А.:
Къ портрету I, 270.
Начало посланія I, 332.
Отвѣтъ на его стихи II, 69.
Вяземскому, кн. П. П. II, 44.
Вянетъ вянетъ лѣто красно... I, 180.

Галичу, А. И.:
Гдѣ ты, лѣнивецъ мой I, 110.
Пускай угрюмый риѳмотворъ I, 106.
Гальбергу (Художнику) II, 210.
Гафиза (Изъ) II, 100.
Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?... I, 189.
Гдѣ наша роза... I, 138.
Гдѣ ты, лѣнивецъ мой... I, 110.
Герой II, 132.
Геснеру (Русскому) I, 332.
Глаза скосивъ на усъ кудрявый... I, 155.
Глинкѣ, М. И., канонъ II, 569.
Глинкѣ, Ѳ. Н. I, 330.
Глубокой ночи на поляхъ... I, 468.
Гляжу какъ безумный на черную шаль I, 270.
Гнѣдичу, Н. И.—на переводъ Иліады II, 150.
Годовщина бородинская II, 158.
Годовщины лицейскія:
1825—II, 19.
1827—II, 59.
1828—II, 90.
1831—II, 161.
1836—II, 216.
Голицыной, кн. А. И.: Краевъ чужихъ неопытный любитель... I, 226.
Голицыной, кн. М. А.: Давно объ ней воспоминанье... I, 341.
Голицыну, кн. А. Н. (Надгробная надпись) I, 342.
Голицыну, кн. А. Н. (Эпиграмма) I, 235.
Гонзага (Изъ), съ португальскаго II, 34.
Гонимый рока самовластьемъ II, 169.
Гончаровой, Н. Н., въ альбомъ II, 155.

Горація (Изъ) II, 197.
Городокъ I, 69.
Городъ пышный, городъ бѣдный II, 68.
Горчаковой, княжнѣ:
Красавицѣ, которая нюхала табакъ I, 50.
Stances I, 51.
Горчакову, кн. А. М.:
Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной I, 168.
Питомецъ модъ, большого свѣта другъ I, 258.
Пускай, не знаясь съ Аполлономъ I, 125.
Ужь я не тотъ... I, 259.
Горчакову, В. П. (Изъ записки) I, 340.
Готовцовой, А. И. (Отвѣтъ) II, 90.
Графу О*** I, 379.
Гревеницу, барону П. Ѳ. (Mon portrait) I, 68.
Гречанка, я люблю тебя... I, 631.
Гречанкѣ I, 325.
Гробъ Анакреона... I, 131.
Гробъ юноши I, 293.
Гроза Луны, свободы воинъ I, 269.
Грустенъ и веселъ вхожу... II, 210.
Гульянову, И. А. (Анониму) II, 128.
Гусаръ II, 172.

Давайте пить и веселиться... I, 204.
Dawe (To Dawe Esq.) II, 72.
Давно объ ней воспоминанье I, 341.
Давыдовой, А. А. (Адели) I, 326.
Давыдову, А. Л. I, 348.
Давыдову, В. Л. I, 312.
Давыдову, Д. В.:
Сѣтованіе I, 291.
Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою II, 210.
Я слушаю тебя I, 605.
Дамы (Кишиневскія) I, 313.
Даръ напрасный, даръ случайный II, 74.
Да, слава въ прихотяхъ вольна II, 132.
Два чувства дивно близки намъ I, 381; II, 597.
Движеніе II, 17.
Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый II, 17.
Делибашъ II, 101.

Делія I, 28.
Дельвигу, А. А.:
Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ I, 502.
Загадка II, 111.
Любовью, дружествомъ и лѣнью I, 210.
Мы рождены, мой братъ названый II, 154.
Послушай, музъ невинныхъ I, 117.
Прими сей черепъ... II, 52.
Дельвигъ, баронессѣ М. А.:
Вамъ восемь лѣтъ I, 143.
Вчера мнѣ Маша приказала I, 154.
Демонъ I, 340.
Деревня I, 247.
Десятая заповѣдь I, 303.
Джіанни, Франческо (Изъ) II, 212.
Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur... I, 1.
Дитя, не смѣю надъ тобой I, 382.
Дитя харитъ и вдохновенья... I, 137.
Діонея I, 276.
Для береговъ отчизны дальной II, 150.
Добра чужого не желать... I, 303.
Добрый совѣтъ I, 204.
Добрый человѣкъ I, 235.
Довольно битвы мчался громъ... I, 171.
Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ II, 103.
Долго сихъ листовъ завѣтныхъ II, 169.
Домовому I, 249.
Дондукову-Корсакову, кн. М. А. (Эпиграмма) II, 209.
Донъ II, 100.
Дорида I, 261.
Доридѣ I, 261.
Дорога (Зимняя) II, 42.
Дорожныя жалобы II, 103.
Дочери Карагеоргія I, 269.
Дробясь о мрачныя скалы II, 104.
Другу стихотворцу (Къ) I, 36.
Дружба I, 375.
Друзья, досужный часъ насталъ I, 60.
Друзьямъ:
Богами вамъ еще даны... I, 192.
Вчера былъ день разлуки шумной... I, 318.

Нѣтъ, я не льстецъ II, 66.
Опять я вашъ... I, 185.
Среди бесѣды вашей шумной I, 482.
Хочу я завтра умереть I, 132.
Друзья, простите... I, 196.
Дряхлѣли троны, алтари... I, 611.
Дубравы, гдѣ въ тиши свободы... I, 519.
Духовной жаждою томимъ II, 40.
Душа моя Павелъ II, 44.
Дѣва: Я говорилъ тебѣ... I, 276.
Дѣвственница II, 36.

Еврейкѣ I, 289.
Его стиховъ плѣнительная сладость... I, 233.
Едва уста краснорѣчивы I, 381.
Ex ungue leonem II, 13.
Если въ жизни поднебесной II, 457.
Если жизнь тебя обманетъ II, 8.
Если ѣхать вамъ случится II, 189.
Есть роза дивная II, 48.
Еще одной высокой, важной пѣсни II, 118.
Ея глаза II, 69.

Жалоба I, 331.
Жалобы (Дорожныя) II, 103.
Желаніе:
Кто видѣлъ край... I, 277.
Медлительно влекутся дни мои I, 181.
Христосъ воскресъ, питомецъ Феба I, 158.
Желаніе славы II, 14.
Женитьба II, 518.
Je chante ce combat... I, 2.
Живописцу (Къ) I, 137.
Живъ, живъ курилка II, 11.
Житье тому, любезный другъ... I, 245.
Жуковскому, В. А.:
Благослови, поэтъ I, 220.
Его стиховъ плѣнительная сладость I, 233.
Записка I, 250.
Когда къ мечтательному міру I, 234.

Поминки—г. Шафонскаго и др. II, 535.
Штабсъ-капитану, Гете, Грею I, 559.

За Араксомъ наши грани... II, 568.
Забудь, любезный мой Каверинъ... I, 207.
Забывъ и рощу, и свободу I, 382.
Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый... I, 306.
Завѣщаніе:
Друзья, простите! Завѣщаю... I, 196.
Хочу я завтра умереть I, 132.
Загадка II, 111.
Заздравный кубокъ I, 179.
Заклинаніе II, 145.
Закревской, гр. А. Ѳ. (Портретъ) II, 70.
За Netty сердцемъ я летаю II, 78.
Записки къ Жуковскому I, 250, 559.
За старые грѣхи наказанный судьбой I, 550.
Заповѣдь (Десятая) I, 303.
Заутра съ свѣчкой грошевою... I, 179.
Зачѣмъ безвременную скуку II, 41.
Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо II, 117.
Зачѣмъ изъ облака выходишь... I, 190.
Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва I, 198.
Зачѣмъ объ инвалидной долѣ I, 198.
Зачѣмъ раздался громъ войны? I, 337.
Зачѣмъ твой дивный карандашъ II, 72.
Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ I, 350.
Зачѣмъ ты посланъ былъ I, 610.
Здорово, Юрьевъ-именинникъ... I, 239.
Здравствуй, Донъ! II, 463.
Здѣсь Пушкинъ погребенъ... I, 134.
Земли достигнувъ наконецъ II, 63.
Земля и море I, 275.
Земля недвижна; неба своды... I, 372.
Зима мнѣ рыхлою стѣною I, 340.
Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? II, 106.
Зимнее утро II, 107.
Зимній вечеръ II, 24.
Зимняя дорога II, 42.
Злое дитя, старикъ молодой II, 172.
Знакомецъ милый и старинный... I, 461.

Золото и булатъ II, 59.
Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ II, 116.
Зубову, А. Н. (Въ альбомъ) I, 208.

И вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ II, 478.
И вы повѣрить мнѣ могли I, 279.
Играй, Адель I, 326.
И далѣ мы пошли... II, 167.
Избави, Господи, ума такого I, 500.
Извѣстіе (Литературное) II, 112.
Издавна мудрые искали... I, 174.
Издревле сладостный союзъ I, 355.
Измѣны I, 28.
Изъ неоконченной сатиры I, 310.
Илличевскому, А. Д. (Въ альбомъ) I, 211.
Именинницѣ II, 7.
Именины I, 206.
И недовѣрчиво, и жадно II, 90.
Иностранкѣ I, 349.
И останешься съ вопросомъ... I, 3.
И путникъ усталый на Бога ропталъ... I, 374.
И скоро, скоро смолкнетъ брань... I, 304.
Испанскій романсъ I, 354.
Истина I, 174.
Исторія стихотворца I, 209.
Источникъ быстрой Каломоны I, 39.
И ты, любезный другъ, оставилъ... I, 66.
И чувствую, душа моя II, 119.
Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы II, 76.
И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ I, 237.

Каверину, П. П.:
Забудь, любезный мой Каверинъ I, 207.
Къ портрету I, 207.
Кавказъ II, 102.
Кагульскому памятнику (Къ) I, 568.
Казакъ I, 81.
Какая ночь! Морозъ трескучій II, 83.
Каковъ я прежде былъ... II, 69.
Какъ брань тебѣ не надоѣла? I, 273.
Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ II, 152.

Какъ весенней теплой порою II, 259.
Какъ, живъ еще Курилка-журналистъ? II, 11.
Какъ наше сердце своенравно! I, 336.
Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ I, 320.
Какъ по Волгѣ-рѣкѣ, по широкой II, 27.
Какъ сатирой безымянной II, 113.
Какъ сладостно,—но, боги, какъ опасно... I, 237.
Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ II, 212.
Калмычкѣ II, 99.
Quand un poète en son extase I, 204.
Канонъ М. И. Глинкѣ II, 569.
Карамзину Н. М. (Эпиграммы) I, 235.
Картина (Недоконченная) I, 249.
Картину разъ высматривалъ сапожникъ II, 114.
Катенину, П. А.:
Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ I, 283.
Напрасно, пламенный поэтъ II, 80.
Катулла (Изъ) II, 197.
Каченовскому (Эпиграммы) I, 236, 272, 305; II, 112.
Кернъ, А. П.:
Въ альбомъ II, 457.
Когда твои младыя лѣта II, 97.
Я помню чудное мгновенье II, 15.
Кинжалъ I, 282.
Киселеву, Н. Д. II, 76.
Кишиневскія дамы I, 313.
Клеветникамъ Россіи II, 157.
Клеветникъ безъ дарованья I, 305.
Клянусь четой и нечетой I, 369.
Кобылица молодая II, 89.
Коварность I, 367.
Когда бъ не смутное влеченье II, 172.
Когда бъ писать ты началъ сдуру I, 273.
Когда, бывало, встарину II, 49.
Когда великое свершалось торжество II, 211.
Когда владыка ассирійскій II, 208.
Когда въ объятія мои II, 163.
Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день... II, 73.
Когда за городомъ задумчивъ я брожу II, 213.
Когда ко граду Константина II, 105.
Когда къ мечтательному міру... I, 234.

Когда, любовію и нѣгой упоенный II, 14.
Когда младымъ воображеньемъ I, 534.
Когда на поклоненье... I, 175.
Когда погаснутъ дни мечтанья... I, 208.
Когда помилуетъ насъ Богъ II, 458.
Когда по синевѣ морей... I, 275.
Когда пробилъ послѣдній счастью часъ I, 474.
Когда сожмешь ты снова руку... I, 231.
Когда средь оргій жизни шумной I, 330.
Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей I, 367
Когда твои младыя лѣта II, 97.
Когда-то, помню, съ умиленьемъ II, 169.
Козлову, И. И. II, 10.
Колокольчики звенятъ II, 190.
Колосовой А. М. (Эпиграмма) I, 239.
Кольна I, 39.
Конрадъ Валленродъ II, 87.
Корану подражанія I, 369.
Кормомъ, стойлами, надзоромъ II, 64.
Кочубей, гр. Н. В. II, 50.
Кошанскому (Моему Аристарху) I, 126.
Краевъ чужихъ неопытный любитель... I, 226.
Красавица II, 155.
Красавица передъ зеркаломъ I, 276.
Красавицѣ, которая нюхала табакъ I, 50.
Красы Лаисъ, завѣтные пиры I, 335.
Кривцову, Н. И.:
Когда сожмешь ты снова руку I, 231.
Не пугай насъ, милый другъ I, 227.
Критонъ, роскошный гражданинъ II, 116.
Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы I, 277.
Кто, волны, васъ остановилъ I, 338.
Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ II, 61.
Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ II, 197.
Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ... I, 283.
Кто на снѣгахъ возрастилъ II, 111.
Кто съ минуту переможетъ I, 56.
Кубокъ тяжелый I, 179.
Куда же ты? — Въ Москву II, 140.
Куда ты холоденъ и сухъ! I, 332.
Couplets I, 204.

Къ ней:
Въ печальной праздности я лиру забывалъ I, 219.
Эльвина, милый другъ I, 159.
Къ Н** (Съ Гомеромъ долго ты...) II, 194.
Къ письму I, 191.
Къ тѣни полководца II, 156.
Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ... I, 229.
Къ чему холодныя сомнѣнья? I, 267.
Кюхельбекеру, В. К.:
Мечтателю I, 232.
Разлука I, 212.
Эпиграммы I, 90, 197.

Лаиса, я люблю твой смѣлый разговоръ I, 531.
Леда (Кантата) I, 48.
Лемносскій богъ тебя сковалъ... I, 282.
Лещинскій околѣлъ II, 456.
Лидѣ:
Письмо I, 203.
Посланіе I, 160.
Лизѣ страшно полюбить... I, 305.
Лила, другъ мой неизмѣнный!.. I, 194.
Лила, Лила, я страдаю... I, 174.
Литературное извѣстіе II, 112.
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ I, 378.
Лицейскія годовщины:
1825 — II, 19.
1827 — II, 59.
1828 — II, 90.
1831 — II, 161.
1836 — II, 216.
Лициній, зришь ли ты... I, 114.
Лишь благосклонный мракъ раскинетъ... I, 203.
Лишь розы увядаютъ II, 30.
Ломоносову, Н. Г. (Къ) I, 66.
Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ II, 51.
Любви, надежды, гордой славы... I, 232.
Любезный именинникъ... I, 104.
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ... I, 228.
Любимецъ моды легкокрылой II, 37.
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный I, 317.

Люблю я въ полдень воспаленный... I, 102.
Любовь одна веселье жизни хладной I, 186.
Любовью, дружествомъ и лѣнью... I, 210.
Любопытный II, 91.

Мадонна II, 127.
Мальчику (изъ Катулла) II, 197.
Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ II, 113.
Маро, Клеманъ (Изъ) I, 102.
Массонъ, Оленькѣ I, 241.
Машѣ (Къ) I, 154.
Мая 26-го, 1828. II, 74.
Медлительно влекутся дни мои... I, 181.
Медокъ II, 153.
Межь тѣмъ какъ генералъ Орловъ I, 312.
Межь тѣмъ какъ изумленный міръ II, 1.
Мечтатель I, 108.
Мечтателю I, 232.
Мечты, мечты I, 157.
Мещерской княжнѣ А. А. II, 51.
Мигъ вожделѣнный насталъ II, 152.
Милостыня (Коранъ) I, 374.
Митрополиту Филарету, стансы II, 121.
М-тъ, хвастунъ безстыдный... I, 224.
Мицкевича (Изъ):
Будрысъ II, 180.
Воевода II, 176.
Конрадъ Валленродъ II, 87.
Мицкевичъ II, 193.
Младенцу I, 382.
Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой... I, 130.
Мнѣ бой знакомъ... I, 265.
Мнѣ васъ не жаль, года весны моей... I, 269.
Мнѣ жаль великія жены... I, 382.
Мнѣ не спится, нѣтъ огня II, 146.
Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки I, 377.
Мое завѣщаніе друзьямъ I, 132.
Моей чернильницѣ (Къ) I, 286.
Моему Аристарху I, 126.
Мое собранье насѣкомыхъ II, 91.
Мой голосъ, для тебя и ласковый, и томный I,

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ... I, 299.
Мой другъ, не славный я поэтъ... I, 211.
Мой другъ, уже три дня I, 333.
Мой милый другъ, разстался я съ тобою... I, 182.
Мой милый, какъ несправедливы I, 291.
Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный II, 43.
Молитва II, 213.
Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ I, 500.
Молодой актрисѣ (Къ) I, 54.
Молодой вдовѣ (Къ) I, 194.
Молоствову, П. Х. (Къ портрету) I, 207.
Монастырь на Казбекѣ II, 102.
Монологъ Изабеллы II, 60.
Моп portrait I, 68.
Мордвинову, Н. С. II, 26.
Морозъ и солнце—день чудесный II, 107.
Морфей, до утра дай отраду... I, 162.
Морю (Къ) I, 350.
Мосха идиллія I, 275.
Моя родословная II, 141.
Моя эпитафія I, 134.
Муза I, 277.
Муравьеву, А. Н. (Эпиграмма) II, 51.
Мы недавно отъ печали I, 448.
Мчатся тучи, вьются тучи II, 129.
Мы рождены, мой братъ названый II, 154.
Мѣсяцъ I, 190.

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣтъ священный I, 274.
Нависъ покровъ угрюмой нощи I, 83.
На возвращеніе государя I, 140.
На выздоровленіе Лукулла II, 203.
Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну I, 342.
Надеждину, Н. И. (Эпиграммы) II, 113, 114.
Наденькѣ I, 236.
Надо мной въ лазури ясной I, 381.
Надо помянуть II, 535.
Надпись къ бесѣдкѣ I, 191.
Надпись надгробная кн. А. Н. Голицыну I, 342.
Надпись на мой портретъ I, 195.
Надъ лѣсистыми брегами II, 128.

Надъ Невою рѣзво вьются II, 202.
Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ... I, 251.
Надѣясь на мое презрѣнье II, 114.
На Испанію родную II, 183.
На лирѣ скромной, благородной I, 241.
На лицейскаго дядьку I, 197.
На переводъ Иліады II, 150.
Наперсникъ II, 71.
Наперсница волшебной старины... I, 290.
Наперсница моихъ сердечныхъ думъ I, 306.
На петербургское наводненіе I, 378.
Наполеонъ I, 294.
Наполеонъ на Эльбѣ I, 99.
Напрасно ахнула Европа I, 378.
Напрасно видятъ тутъ ошибку II, 115.
Напрасно милый другъ, я мыслилъ утаить... I, 262.
Напрасно, пламенный поэтъ II, 80.
Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ II, 189.
На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ... I, 363.
Наслажденіе I, 188.
На смерть стихотворца I, 196.
На статуи II, 215.
Насъ было много на челнѣ II, 51.
Натальѣ (Къ) I, 52.
Наташѣ (Къ) I, 180.
На тихихъ берегахъ Москвы I, 337.
На холмахъ Грузіи II, 99.
Начало повѣсти II, 165.
Начало сказки II, 259.
Нащокину, П. В. II, 122.
Наѣздники I, 176.
На языкѣ, тебѣ невнятномъ I, 349.
Не бойся вѣтреныхъ невѣждъ I, 613.
Не бойся, Глазуновъ... I, 195.
Не большой онъ русскій баринъ... I, 207.
Неводъ рыбакъ разстилалъ II, 151.
Невѣдомскій поэтъ II, 91.
Не вѣровалъ я Троицѣ донынѣ II, 51.
Не вѣрю чести игрока II, 485.
Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ... 1, 201.

Недавно, тихимъ вечеркомъ... I, 264.
Недавно я, въ часы свободы... I, 291.
Недавно я стихами какъ-то свистнулъ II, 13.
Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума II, 181.
Недаромъ вы приснились мнѣ... I, 373.
Недвижный стражъ дремалъ... I, 345.
Недоконченная картина I, 249.
Не дорого цѣню я громкія права II, 212.
Нельзя, мой толстый Аристиппъ! I, 348.
Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ II, 127.
Не мысля гордый свѣтъ забавить II, 60.
Ненастный день потухъ... I, 366.
Не плѣняйся бранной славой II, 100.
Не пой, красавица, при мнѣ II, 70.
Не притворяйся, милый другъ I, 324.
Не пугай насъ, милый другъ... I, 227.
Нереида I, 268.
Не розу пафосскую II, 199.
Не смѣю вамъ стихи Баркова II, 457.
Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой... I, 240.
Не стану я жалѣть о розахъ I, 366.
Несчастіе Клита I, 90.
Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ II, 122.
Не то бѣда, что ты полякъ II, 122.
Не тѣмъ горжусь я. мой пѣвецъ... I, 307.
Не удивляйся, милый мой... I, 603.
Ни блескъ ума, ни стройность платья... I, 304.
Новоселье II, 122.
Ночной зефиръ I, 354.
Ночь I, 343.
Нѣтъ, не черкешенка она... II, 43.
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати I, 331.
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я... II, 170.
Нѣтъ, я не льстецъ II, 66.
Нѣтъ, я не дорожу II, 164.
Нянѣ II, 63.

Обвалъ II, 104.
Обиженный журналами жестоко II, 112.
Овидію (Къ) I, 300.
О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ... I, 217.

Огаревой, Е. С.:

Въ молчаньѣ предъ тобой сижу I, 195.
М-тъ, хвастунъ безстыдный I, 224.

О Геліосъ, внемли... I, 339.
Ода графу Хвостову II, 11.
О Делія драгая! I, 27, 686.
Однажды, странствуя среди долины дикой II, 191.
Оды Анакреона II, 195, 196.
О дѣва-роза! Я въ оковахъ I, 365.
О, если правда; что въ ночи II, 145.
О жены чистыя пророка! I, 370.
Окно... I, 189.
О, кто бы ни былъ ты... II, 128.
Октябрь ужь наступилъ II, 135.
Октября 19, см. Годовщины лицейскія.
Олеговъ щитъ II, 105.
Олениной, А. А.:

Когда-бъ не смутное влеченье II, 172.
Примѣты II, 96.

Оленькѣ Массонъ I, 241.
Ольга, крестница Киприды I, 241.
О муза пламенной сатиры II, 152.
Она I, 196.
Она мила, скажу межь нами II, 69.
On peut très-bien, mademoiselle I, 472.
Онъ вышней волею небесъ... I, 207.
Онъ между нами жилъ II, 193.
О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла II, 218.
Опричникъ II, 83.
Опытность... I, 56.
Опять увѣнчаны мы славой II, 517.
Опять я вашъ, о юные друзья!.. I, 185.
Оранскому принцу I, 171.
Orlando furioso II, 30.
Орлову А. Ѳ. I, 242.
Осгаръ, I, 45.
Осеннее утро I, 181.
Осень II, 135.
О, сжальтесь надо мною... I, 135.

Осиповой, А. И.:
Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки I, 377.
Я васъ люблю, хоть я бѣшусь I, 376.
Осиповой П. А.:
Быть можетъ, ужь недолго мнѣ II, 14.
Послѣдніе цвѣты II, 18.
Оссіану подражаніе I, 39.
Оставя честь судьбѣ на произволъ I, 316.
Отвѣтъ анониму II, 128.
— Кн. П. А. Вяземскому II, 69.
— А. И. Готовцовой II, 90.
— П. А. Катенину II, 80.
— на вызовъ написать стихи I, 241.
— Ѳ. А. Туманскому II, 43.
— Е. Н. Ушаковой II, 120.
Откуда чудный шумъ, неистовые клики?.. I, 199.
Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился... I, 342.
Отрокъ II, 151.
Отрокъ милый, отрокъ нѣжный II, 199.
Отрывокъ антологическій I, 584.
— элегическій II, 109.
Отцы-пустынники и жены непорочны II, 213.
Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы II, 525.
Отъ всенощной, вечоръ, идя домой... I, 146.
Отъ меня вечоръ Леила II, 196.
Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ II, 123.
О ты, который сочеталъ (Набросокъ) II, 44.
О ты, который сочеталъ (Орлову) I, 242.
Охотникъ до журнальной драки I, 378.
О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь? II, 17.
О чемъ шумите вы, народные витіи? II, 157.
О Эгельстромъ! Я восхищенный II, 77.

Пажъ или пятнадцатый годъ II, 139.
Памятнику (Кагульскому) I, 568.
Панаеву, В. И. (Русскому Геснеру) I, 332.
Парни (Переводы и подражанія):
Добрый совѣтъ I, 204.
Къ живописцу I, 137.
Леда I, 48.
Любовь одна I, 186.

Морфею I, 162.
Осгаръ I, 45.
Письмо къ Лидѣ I, 203.
Платонизмъ I, 260.
Прозерпина I, 353.
Фавнъ и пастушка I, 147.
Эвлега I, 43.
Я видѣлъ смерть I, 186.

Паскевичу, И. Ѳ. (Къ портрету) II, 568.

Переводы:
Изъ Альфіери II, 60.
— Аріосто II, 30.
— Вольтера I, 150, 201, 202; II, 36, 50, 51
— Гонзаги II, 34.
— Мицкевича II, 87, 176, 180.
— Парни I, 43, 204, 260.
— Саути II, 118.
— Шенье I, 339; II, 23, 58.
— Шиллера I, 178.

Передъ бюстомъ Александра I.—II, 115.
Передъ гробницею святой II, 156.
Перестрѣлка за холмами II, 101.
Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?.. I, 196.
Пиндемонте (Изъ) II, 212.
Пирующіе студенты I, 60.
Пиръ (Веселый) I, 240.
Пиръ Петра Великаго II, 202.
Пиры, любовницы, друзья I, 335.
Письмо къ Лидѣ I, 203.
Письмо (Сожженное) II, 8.
Письму (Къ) I, 191.
Питомецъ модъ, большого свѣта другъ I, 258.
Платонизмъ I, 260.
Плетневу, П. А. II, 60.
Плещутъ волны Флегетона I, 353.
Плюсковой, Н. Я. (Отвѣтъ на вызовъ) I, 241.
Побѣды памятникъ надменный! I, 568.
Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ II, 18.
Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ I, 315.
Погасло дневное свѣтило... I, 266.

Погребъ I, 135.
Поднялся шумъ, свирѣлью полевой... I, 181.
Подражанія:
Анакреону II, 89.
Арабскому II, 199.
Барри Корнуоллу II, 148, 149.
Данту II, 167.
Древнимъ II, 171.
Итальянскому II, 212.
Корану I, 369.
Оссіану I, 39.
Парни I, 45, 48, 137, 147, 162, 186, 203, 353.
Пѣсни Пѣсней I, 299.
Французскому I, 89.
Шенье I, 368.
Подруга дней моихъ суровыхъ II, 63.
Подруга думы праздной I, 286.
Подруга милая! Я знаю, отчего I, 584.
Подъ вечеръ, осенью ненастной... I, 67.
Подъ небомъ голубымъ II, 39.
Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ II, 26.
Подъѣзжая подъ Ижоры II, 77.
Позволь душѣ моей открыться предъ тобою... I, 237.
Поздно ночью изъ похода II, 177.
Пой въ восторгѣ, русскій хоръ II, 569.
По камнямъ гробовымъ... I, 45.
Пока не требуетъ поэта... II, 57.
Пока супругъ тебя, красавицу младую II, 30.
Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ... I, 196.
Покровъ, упитанный язвительною кровью II, 23.
Полководецъ II, 199.
Полу-милордъ, полу-купецъ... I, 349.
Полу-фанатикъ, полу-плутъ... I, 236.
Полюбуйтесь же вы, дѣти II, 187.
Полюби меня, дѣвица! II, 119.
Помилуй трезвый Аристархъ... I, 126.
Поминки (г. Шафонскаго и пр.) II, 535.
Помнишь ли, мой братъ по чашѣ... I, 135.
Помѣстья мирнаго незримый покровитель... I, 249.
По небу крадется луна... I, 108.
Попутный вѣетъ вѣтръ II, 153.

Пора, мой другъ, пора! II, 128.
Портрету (Къ):
Вяземскаго, П. А. I, 270.
Жуковскаго I, 233.
Каверина I, 207.
Молоствова I, 207.
Паскевича II, 568.
Чаадаева I, 207.
Портретъ:
Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ I, 208.
Mon Portrait I, 68.
Съ своей пылающей душой II, 70.
Портретъ (Надпись на мой) I, 195.
Portrait (Mon) I, 68.
Порѣдѣли, побѣлѣли II, 195.
Посвященіе IV и V гл. Онѣгина II, 60.
Посланія:
Алексѣеву I, 291.
Брату I, 332.
Всеволожскому I, 256.
Галичу I, 110.
Горчакову I, 168.
Декабристамъ II, 48.
Дельвигу I, 117, 210; II, 52, 154.
Жуковскому I, 220.
Козлову II, 10.
Лидѣ I, 160.
Ломоносову I, 66.
Пушкину В. Л. I, 214.
Пущину I, 104; II, 43.
Цензору I, 327, 363.
Чаадаеву I, 284.
Шишкову I, 192.
Щербинину I, 245.
Эгельстрому II, 77.
Юдину I, 118.
Юрьеву I, 228.
Юсупову II, 123.
Языкову I, 355.
Послушай, музъ невинныхъ... I, 117.
Послушайте, я вамъ скажу простарину I, 235.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя... I, 139.
Послѣдніе пѣты II, 18.
Послѣдняя туча разсѣянной бури II, 201.
Поѣдемъ, я готовъ II, 109.
Поэту II, 126.
Поэтъ II, 97.
Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій II, 115.
Поэтъ, не дорожи любовію народной II, 126.
Поэтъ по лирѣ вдохновенной II, 85.
Предчувствіе II, 75.
Предъ испанкой благородной II, 149.
Предъ рыцаремъ блеститъ вода II, 30.
Презрѣвъ и шопотъ укоризны I, 380.
Прекрасная! Пускай восторгомъ насладится... I, 206.
Прелестницѣ I, 229.
Прибѣжали въ избу дѣти II, 81.
Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ... I, 247.
Признаніе I, 376.
Прими сей черепъ, Дельвигъ II, 52.
Примите Невскій Альманахъ II, 25.
Примѣты:
Старайся наблюдать... I, 318.
Я ѣхалъ къ вамъ... II, 96.
Принцу Оранскому (Къ) I, 171.
Притча II, 114.
Пріятелю I, 324.
Пріятелю (Изъ записки):
Куда же ты? — Въ Москву II, 140.
Сегодня я поутру дома I, 333.
Пріятелямъ II, 7.
Пробужденіе I, 157.
Прозаикъ и поэтъ II, 17.
Прозерпина I, 353.
Промчались годы заточенья... I, 213.
Пророкъ II, 40.
Про себя I, 336.
Прости мнѣ, милый другъ... I, 69.
Прости, счастливый сынъ пировъ... I, 256.
Простите, вѣрныя дубравы... I, 224.
Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты I, 342.
Простой воспитанникъ природы II, 50.

Прощай любезная калмычка! II, 99.
Прощай, письмо любви II, 8.
Прощай, свободная стихія! I, 350.
Птичка I, 323.
Пуншевая пѣсня... I, 178.
Пускай, не знаясь съ Аполлономъ... I, 125.
Пускай поэтъ съ кадильницей наемной... I, 162.
Пускай угрюмый риѳмотворъ... I, 106.
Пустое вы сердечнымъ ты II, 74.
Пучкова, право, не смѣшна I, 198.
Пушкину, В. Л.:
Желаніе I, 158.
Скажи, парнасскій мой отецъ I, 214.
Пушкину, Л. С. I, 383.
Пущину, И. И.:
Воспоминаніе I, 135.
Въ альбомъ I, 211.
Любезный именинникъ I, 104.
Мой первый другъ II, 43.
Пущину, П. С. I, 304.
Пью за здравіе Мери II, 148.
Пьяной горечью Фалерна II, 197.
Пѣвецъ I, 159.
Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ I, 660.
Пѣвецъ! Издревле межь собою I, 379.
Пѣвецъ! Когда передъ тобой II, 10.
Пѣсни:
Вакхическая II, 9.
Народныя II, 323 — 333.
О Делія драгая! I, 27, 686.
Пуншевая I, 176.
Шотландская II, 76.
Пѣсни западныхъ славянъ II, 218 — 251.
Пѣсни, записанныя Пушкинымъ:
Береза бѣлая II, 323.
Во городѣ то было во Астрахани II, 329.
Во лѣсахъ дремучіихъ II, 333.
Во славномъ городѣ во Кіевѣ II, 330.
Во сыромъ бору на клену II, 328.

Другъ мой милый, красно солнышко мое II, 333.
Затопися, баненька II, 325.
Какъ въ дому-то березонька II, 324.
Какъ за церковью, за нѣмецкою II, 332.
Какъ на утренней зарѣ II, 330.
Какъ при вечерѣ, вечерѣ II, 323.
Какъ у нашего князя II, 327.
Между горъ по каменью II, 325.
О горе, горе-то невѣстино II, 326.
Одинъ-то былъ у отца, у матери II, 333.
Собрала невѣста подружекъ II, 324.
Трубчистая коса II, 328.
Ягода съ ягодой сокатилася II, 325.
Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ II, 27.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ I, 320.
Пѣснь Пѣсней I, 299.
Пятнадцать лѣтъ ужь скоро минетъ II, 139.

Раевскій, молоденецъ прежній I, 250.
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ I, 356.
Раззѣвавшись отъ обѣдни I, 313.
Разлука:
Въ послѣдній разъ въ сѣни уединенья I, 212.
Когда пробилъ послѣдній счастью часъ I, 474.
Разставаніе II, 139.
Разсудокъ и любовь I, 130.
Разумовскому, гр. А. К. (Эпиграмма) I, 3.
Разъ, полуночной порою I, 81.
Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ II, 155.
Рефутація Беранжера II, 450.
Ризничъ, Ам. (на ея смерть) II, 37.
Риѳма II, 151.
Риѳма, звучная подруга II, 92.
Родзянкѣ, А. Г. II, 16.
Родословная (Моя) II, 141.
Родригъ II, 183.
Роза I, 138.
Романсъ:
Испанскій I, 354.
Подъ вечеръ, осенью ненастной I, 67.
Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ II, 19.

Россетти, А. О., въ альбомъ II, 164.
Румяной зарею... I, 144.
Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый II, 134.
Русалка I, 251.
Русскому Геснеру I, 332.
Рыцарь (Сраженный) I, 139.
Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда... I, 268.

Сабурову I, 383.
Сапожникъ, притча II, 114.
Саранча летѣла I, 660.
Сатира неоконченная (наброски) I, 310.
Саути (Гимнъ пенатамъ) II, 118.
Сафо II, 10.
Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ II, 176.
Свободы сѣятель пустынный... I, 344.
Сводня грустно за столомъ II, 94.
Своенравная подруга II, 455.
Себѣ ты выбралъ, Зензевей I, 338.
Сегодня, добрые мужья... I, 172.
Сегодня я поутру дома I, 333.
Сестрѣ (Къ) I, 32.
Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой I, 319.
Силы четыре... I, 178.
Сія пустынная страна I, 324.
Скажи, какія заклинанья... I, 263.
Скажи, парнасскій мой отецъ... I, 214.
Скажи, что новаго? I, 197.
Сказали разъ царю... I, 344.
Сказки:
Бова I, 91.
Женихъ II, 253.
О золотомъ пѣтушкѣ II, 316.
О мертвой царевнѣ II, 301.
О попѣ и его работникѣ II, 289.
О рыбакѣ и рыбкѣ II, 295.
О царѣ Никитѣ II, 252.
О царѣ Салтанѣ II, 261.
Сквозь волнистые туманы II, 42.
Скребницей чистилъ онъ коня II, 172.
Славная флейта Ѳеонъ II, 171.

Слеза I, 137.
Сленину, И. В. II, 88.
Слово милой I, 174.
Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной... I, 159.
Слышу умолкнувшій звукъ II, 150.
Смутясь, нахмурился пророкъ I, 370.
Смѣясь жестоко надъ собратомъ II, 141.
Снова тучи надо мною II, 75.
Сновидѣніе I, 201.
Сну I, 461.
Собраніе насѣкомыхъ II, 91.
Совѣтъ II, 18.
Совѣтъ (Добрый) I, 204.
Сожженное письмо II, 8.
Сокрылся онъ I, 293.
Соловей II, 47.
Соловей и кукушка II, 18.
Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду II, 60.
Сонетъ II, 127.
Сонъ I, 162.
Сосницкой, Е. Я., въ альбомъ I, 234.
Сосѣдство ваше намъ опасно II, 38.
Сраженный рыцарь I, 139.
Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду I, 268.
Среди разсѣянной Москвы II, 50.
Средь темной рощицы I, 48.
Среди тревоги и волненья II, 365.
Стамбулъ гяуры нынѣче славятъ II, 143.
Stances: Avez-vous vu la tendre rose I, 51.
Стансы:
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ II, 110.
Въ надеждѣ славы и добра II, 43.
Въ часы забавъ иль праздной скуки II, 121.
Ты мнѣ велишь пылать душою I, 202.
Философъ ранній, ты бѣжишь I, 246.
Старайся наблюдать различныя примѣты... I, 318.
Старикъ I, 102.
Статуя (Царскосельская) II, 151.
Стихи, сочиненные ночью II, 146.
Стихъ каждый повѣсти твоей II, 25.
Стишки для васъ—одна забава I, 356.

Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ II, 87.
Стою печально на кладбищѣ I, 381.
Странникъ II, 191.
Страшно и скучно II, 117.
Стрекотунья бѣлобока II, 29.
Студенты (Пирующіе) I, 60.
Судьба свои дары явить желала въ немъ I, 270.
Султанъ ярится II, 11.
Супругою твоей я такъ плѣнился... I, 89.
Суровый Дантъ не презиралъ сонета II, 127.
Счастливъ, кто близь тебя, любовникъ упоенный I, 236.
Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ... I, 184.
Счастливъ, кто избранъ своенравно II, 71.
Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ II, 115.
Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ II, 10.
Съ благоговѣйною душой... I, 191.
Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ II, 194.
Съ очами быстрыми, завистливыми злобно II, 547.
Съ позволенія сказать... I, 209.
Съ португальскаго II, 34.
Съ пятнадцатой весною... I, 147.
Съ своей пылающей душой II, 70.
Съ тобой пріятно удѣлить... I, 236.
Съ тобою древле о Всесильный I, 371.
Съ утра до вечера за нею я стремлюсь II, 520.
Сѣверину (Жалоба) I, 331.
Сѣтованіе I, 291.

Таврида I, 336.
Таврическая звѣзда I, 268.
Такъ, и мнѣ узнать случилось... I, 52.
Такъ элегическую лиру II, 67.
Талисманъ II, 46.
Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій II, 113.
Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ II, 46.
Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ... II, 11.
Тамъ звѣзда зари взошла II, 34.
Твой и мой I, 191.
Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ II, 71.
Тебѣ, наперсница Венеры... I, 160.
Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ II, 51.

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою! II, 210.
Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ?.. I, 230.
Тебя пою на томной лирѣ II, 456.
Телѣга жизни I, 347.
Тимашевой, Е. А. II, 41.
Тимковскій царствовалъ... I, 349.
То было вскорѣ послѣ боя II, 480.
Товарищамъ I, 213.
Тодорашка въ васъ влюбленъ... I, 315.
Tolyade (La) I, 2.
Толпа холодная поэта окружала II, 64.
Толстому, Я. Н., стансы I, 246.
Толстому, Ѳ. И. (Эпиграмма) I, 273.
Только что на проталинахъ весеннихъ II, 29.
Торгуя совѣстью, предъ блѣдной нищетою... I, 374.
Торжество Вакха I, 199.
Три ключа II, 52.
Три у Будрыса сына II, 180.
Трудъ II, 152.
To Dawe Esq* II, 72.
Туманскій правъ... I, 377.
Туманскому, Ѳ. А. (Отвѣтъ) II, 43.
Тургеневу, А. И.:
Въ себѣ всѣ блага заключая I, 569.
Тургеневъ, вѣрный покровитель I, 225.
Туча II, 201.
Ты богатъ, — я очень бѣденъ I, 262.
Ты богоматерь, нѣтъ сомнѣнья II, 410.
Ты видѣлъ дѣву на скалѣ II, 25.
Ты вновь со мною, наслажденье I, 336.
Ты въ страсти горестной находишь наслажденье... I, 232.
Ты вянешь и молчишь... I, 368.
Ты и вы II, 74.
Ты и я I, 262.
Ты ль передо мною I, 28.
Ты мнѣ велишь пылать душою... I, 202.
Ты не наслѣдница Клероны... I, 54.
Ты обѣщалъ о романтизмѣ II, 16.
Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье II, 450.
Ты правъ, мой другъ: напрасно я презрѣлъ I, 334.
Ты правъ: несносенъ Ѳирсъ ученый... I, 235.

Чаадаеву, П. Я.:
Въ странѣ, гдѣ я забылъ... I, 234.
Къ чему холодныя сомнѣнья? I, 267.
Любви, надежды, гордой славы I, 232.
Онъ вышней волею небесъ... I, 207.
Часто, часто я бесѣдовалъ... I, 91.
Черепъ II, 52.
Черна какъ галка II, 412.
Черная шаль I, 270.
Чернильницѣ (Къ моей) I, 286.
Черновые наброски см. по первому стиху.
Чернь II, 85.
Чистый лоснится полъ II, 171.
Что въ имени тебѣ моемъ? II, 96.
Что дружба?—Легкій пылъ похмѣлья... I, 375.
Что-же? Будетъ-ли вино I, 383.
Что-же сухо въ чашѣ дно? II, 196.
Что-жь новаго? II, 91.
Что можемъ наскоро стихами молвить ей?.. I, 206.
Что не конскій топъ, не людская молвь II, 28.
Что смолкнулъ веселія гласъ? II, 9.
Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ? II, 391.
Чугунъ Кагульскій, ты священъ... I, 308.
Чудесный богъ садовъ... I, 556.
Чудесный жребій совершился... I, 294.
Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ II, 537.
Чья мысль восторгомъ угадала I, 249.
Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей II, 161.

Шалость II, 134.
Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой I, 192.
Шаль (Черная) I, 270.
Шенье, Андрей, въ темницѣ II, 1.
Шенье (Изъ):
Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ II, 58.
О Геліосъ, внемли... I, 339.
Подражаніе I, 368.
Покровъ, упитанный язвительною кровью II, 23.
Шиллера (Изъ), Пѣсня I, 176.
Шишкову, А. А. I, 192.
Шотландская пѣсня II, 76.

Штабсъ-капитану, Гете, Грею I, 559.
Штейнгель (Прелестницѣ) I, 229.
Шумитъ кустарникъ... На утесъ II, 38.

Щербинину I, 245.
Щитъ (Олеговъ) II, 105.

Эвлега: Вдали ты зришь... I, 43.
Эгельстрому, П. И. II, 77.
Эйхфельдтъ (г-жѣ) I, 304.
Экспромпты:
Въ молчаньѣ предъ тобой сижу I, 195.
Невѣстѣ II, 109.
Полюбуйтесь же вы, дѣти II, 187.
Элегическій отрывокъ II, 109.
Элегіи:
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье II, 131.
Мой другъ, забыты мной I, 299.
Опять я вашъ, о юные друзья I, 185.
Подъ небомъ голубымъ... II, 39.
Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты I, 342.
Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ I, 184.
Увы! Зачѣмъ она блистаетъ I, 272.
Умолкну скоро я I, 298.
Я видѣлъ смерть... I, 186.
Я думалъ, что любовь погасла навсегда I, 183.
Я пережилъ свои желанья I, 279.
Эльвина, милый другъ!.. I, 159.
Энгельгардту, В. В. I, 244.
Эпиграммы:
Аристъ намъ обѣщалъ I, 89.
Больны вы, дядюшка? I, 197.
Бывало, прежнихъ лѣтъ герой I, 104.
Какъ брань тебѣ не надоѣла? I, 273.
Когда бъ писать ты началъ сдуру I, 273.
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ I, 378.
Любопытный II, 91.
На А. — I, 378, 682.
На Аракчеева I, 265.
— Булгарина II, 122.
— Волконскую княжну I, 472.

— Воронцова, гр. I, 349.
— Голицына, кн. А. Н. I, 235
— Дондукова-Корсакова, кн. II, 209.
— Карамзина I, 235.
— Каченовскаго I, 236, 272, 305, 378; II, 112.
— Колосову А. М. I, 239.
— Кюхельбекера I, 197.
— Муравьева II, 51.
— Надеждина II, 113.
— Панаева, В. А. I, 332.
— Петербургское наводненіе I, 378.
— Пучкову I, 198.
— Разумовскаго I, 3.
— Свой портретъ I, 195.
— Сѣверина I, 331.
— Толстого I, 273.
— Фотія I, 236.
— Ц. I, 378, 682.
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати I, 331.
Оставя честь судьбѣ на произволъ I, 316.
Составленъ онъ изъ подлости и спеси I, 305.
Супругою твоей я такъ плѣнился I, 89.
Ты правъ, хоть онъ поэтъ изрядный I, 316.
У Клариссы денегъ мало... I, 331.
Эпитафія младенцу Волконскому II, 59.
— моя I, 134.
— Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ... I, 196
Эхо II, 155.
Эхо, безсонная нимфа II, 151.

Юдину (Къ) I, 118.
Юдиѳь II, 208.
Юноша, полный красы II, 216.
Юноша, скромно пируй II, 198.
Юноша трижды шагнулъ II, 215.
Юношу, горько рыдая II, 198.
Юрьеву, Ѳ. Ф.:
Здорово, Юрьевъ-именинникъ I, 239.
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ I, 228.
Юсупову, кн. Н. Б. II, 123.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны II, 37.
Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ II, 97.
Я васъ люблю, хоть я бѣшусь I, 376.
Я васъ узналъ, о мой оракулъ II, 120.
Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ II, 41.
Я видѣлъ смерть... I, 186.
Я вѣрю: я любимъ... I, 261.
Я говорилъ предъ хладною толпой I, 335.
Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой... I, 276.
Я думалъ, сердце позабыло II, 205.
Я думалъ, что любовь погасла навсегда... I, 183.
Я жду обѣщанной тетради I, 325.
Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый I, 332.
Я здѣсь, Инезилья II, 149.
Я знаю, Лиденька, мой другъ... I, 260.
Языкову, Н. М.:
Издревле сладостный союзъ I, 355.
Языковъ, кто тебѣ внушилъ II, 58.
Языкъ и умъ теряя разомъ II, 120.
Я Лилу слушалъ у клавира... I, 174.
Я люблю вечерній пиръ I, 240.
Я мало жилъ... I, 542.
Я не люблю альбомовъ модныхъ II, 88.
Я не рожденъ святыню славословить II, 36.
Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный II, 214.
Я пережилъ свои желанья I, 279.
Я помню чудное мгновенье II, 15.
Я плѣненъ, я очарованъ II, 520.
Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю I, 605.
Я ускользнулъ отъ Эскулапа I, 244.
Я ѣхалъ къ вамъ... II, 96.